

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ЯЗЫК
И
ТЕКСТ

Language
and
Text

langpsy.ru

МГППУ

№2 (5) 2018 год

international
electronic
journal

Содержание

ОБЩЕЕ И СРАВНИТЕЛЬНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ

Карпенко И.Е. Учение Потебни о внутренней форме слова и лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы3

Шурпаева М. И. Закономерности овладения ударением русского языка учащихся-билингвов9

МИРОВАЯ ЛИТЕРАТУРА. ТЕКСТОЛОГИЯ

Антипенко Л.Г. Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода к лингвистике и литературному творчеству. Святитель Филарет, митрополит Московский.....14

Дергачева И.В. Концепт Спасения в повести Е.Г. Водолазкина «Лавр».....24

Зайцев А.А., Гнездилова Е.В. Особенности выражения текстовой категории связности во французских устно-разговорных текстах34

Сидорченко К.М. Лексический фон слова 'жизнь' в новостных заглавиях на русском и английском языках38

ЛИНГВОДИДАКТИКА И НОВАЦИИ. ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИЗУЧЕНИЯ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Молнар А.А. Новейшие тенденции в области развития программ обучения нескольким родственным языкам одновременно в европейских странах44

Никанорова О.Н. О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!».....50

Попова И.А. Понимание речи на слух как один из главных этапов изучения иностранных языков56

Разуваева Л.В. Использование метода проектов как технологии личностно-ориентированного обучения студентов60

МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ И ПРОБЛЕМЫ ГЛОБАЛИЗАЦИИ: ПСИХО-, СОЦИО- И ЭТНОЛИНГВИСТИКА

Бугаева И.В. Особенности восприятия невербальных компонентов в условиях межкультурной коммуникации65

Кателина Л.С., В.А. Корнев. Роль психологического климата в обучении иностранных студентов подготовительного факультета в российском вузе70

Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов75

Уткина Л.Н., Ковалевич Д.С. Концепт 'время' в англоязычных пословицах и поговорках.....82

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов».....91

Карпенко И.Е.,
Учение Потебни о внутренней форме слова и
лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 3-8.

Karpenko I.E.,
The teachings of Potebnya on the inner
form of the word and the linguo-poetic
phenomenon of ornamental prose
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 3-8.

Учение Потебни о внутренней форме слова и лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы

Карпенко И.Е.,

кандидат филологических наук, доцент, Государственный институт русского языка им.
А.С. Пушкина (ФГБОУ ВО "Гос. ИРЯ им. А.С. Пушкина"), Москва, Россия.
ikarpenko@yandex.ru

В статье рассматривается наследие А.А. Потебни и представителей его школы, учение о внутренней форме слова и другие их концепции применительно к лингвопоэтическому анализу текстов оригинальной школы Серебряного века – орнаментальной прозы, а также определяются основные типологические черты этого феномена в русской литературе.

Ключевые слова: русская литература, Серебряный век, орнаментальная проза, поэтика, художественный дискурс, лингвопоэтический анализ, Потебня, харьковская школа, внутренняя форма слова.

Для цитаты:

Карпенко И.Е. Учение Потебни о внутренней форме слова и лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Karpenko.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Karpenko I.E. The teachings of Potebnya on the inner form of the word and the linguo-poetic phenomenon of ornamental prose [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Karpenko.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Системный подход к художественному дискурсу предполагает динамический лингвопоэтический анализ формы литературного произведения вне отрыва от содержания, с учетом внешних и внутренних детерминант. Это обуславливает учёт всех факторов появления того или иного текста в их взаимосвязи и взаимообусловленности, исследование эстетических особенностей текста и его формально-языковой структуры, специфики производимого им художественного эффекта.

Язык художественной литературы существует по своим имманентным законам, но отражает общие тенденции развития «языка в языке» и изменяется с изменением внешних условий существования. В.Б. Шкловский заметил: «Писатель – только место приложения сил. Пишет не он, а литературная эпоха» [5, с. 281]. Художник слова обладает повышенной чувствительностью к предметам, явлениям и процессам окружающей действительности. Задача писателя – выразить специфическое содержание, которое заставляет его искать новые образно-речевые средства, новую (или обновленную) форму для своих произведений. В этом случае писатель либо использует язык «в иных пропорциях», выбирая из имеющихся в языке изобразительных средств, либо, когда полностью исчерпаны имеющиеся средства, переходит на другой тип коммуникации, привлекая как лингвистические, так и нелингвистические источники для развития и обновления своего идиостиля. Однако любое изменение на каком-

либо уровне влечет за собой изменения на другом, соответствующую постепенную «настройку» всей образно-речевой системы.

Сказанное в полной мере относится к литературному и лингвопоэтическому феномену, возникшему в начале XX века – орнаментальной прозе - и представленному именами Андрея Белого, Алексея Ремизова, Евгения Замятина, Бориса Пильняка, Артёма Весёлого, Конст. Вагинова, Ларисы Рейснер и других писателей-орнаменталистов. В этом смысле орнаментальная проза – лишь новый канал воздействия на читателя, использующий для передачи иного внеязыкового содержания обновлённый набор художественных средств и приемов изображения. Писатели-орнаменталисты лишь по-новому взглянули на известные в истории литературы и искусства средства. Их нетрадиционное сочетание, эстетическое переосмысление родило новое качество или, если согласиться с В.Б. Шкловским, ощущение нового качества: «Нужно было изменить язык. Тенденция эта была выполнена, на материале, давшем ощущение новизны. Дальше, путем создания новых ассоциаций по смежности, новое слово стало почтенным не менее прежнего» [5, 283].

Орнаментальная проза в принципе отказывается от сюжета, фабулы, да и традиционной повествовательной формы в целом. Она монтажна, графически расцвечена, изукрашена сновидениями, мозаичными вкраплениями разнородных текстов, отрывков, документов, поэтических новелл. Текстам этого типа присуща повышенная «ощутимость» образно-речевой формы: их отличает метафоричность, ассоциативность образов, активное использование повторов, лейтмотивов, активная символизация и «тропеизация», обострённое внимание к слову, его внутренней форме. Орнаментальная проза успешно продолжила блистательную «линию Гоголя» в русской литературе, а лингвопоэтический анализ этих текстов позволяет говорить об особой орнаментальной эстетике данного вида художественных текстов с присущими лишь ей изобразительными компонентами и типологическими особенностями.

По мнению Ю.С. Степанова, выдвижение на первый план в качестве основного признака языка художественной литературы какой-либо основной черты является как раз признаком языка художественной литературы данного литературно-художественного течения или метода, к которому принадлежит и данная теоретическая концепция. Как таковой язык художественной литературы может быть охарактеризован как система языковых средств и правил, в каждую эпоху различных, но равно позволяющих создание воображаемого мира в художественной литературе [ЛЭС, 1990, с. 609]. В связи с этим вспомним концепцию А.А. Потебни и его школы, которые возникли в эпоху распространения психологических, исторических и социологических методов на фоне глубокого психологизма русской реалистической прозы, её необычайно интенсивного развития. А потому внимание исследователей привлекало в первую очередь не само литературное произведение, его художественная форма, а психика автора, внутренние процессы, вызвавшие к жизни это произведение, т. е. сфера воспринимающего сознания. Именно А.А. Потебня впервые высказал мысль об утверждении «серединого» положения особой науки о языке художественных произведений наряду с общей наукой о поэзии как особой форме речи и мышления. По сути, он явился родоначальником отечественной традиции в изучении языка художественной литературы, продолженной его учениками (Д.Н. Овсяннико-Куликовским, А.Г. Горнфельдом, В.И. Харциевым, Б. Лезиным и др.), разработав теорию образа, учение о поэтическом мышлении и специфике художественной деятельности, классификацию тропов и фигур, вопрос о значении и смысле поэтического слова, соотношении поэтического слова и мифа...

Начало XX века и революция вызвали к жизни обилие деклараций, манифестов, группировок, эстетических программ, огромное количество модернистских, авангардистских школ в литературе и ознаменовались активным поиском новых форм – соответствующего духу эпохи стиля, перевооружением, своеобразной «интенсификацией» художественного языка. ОПЯЗ, закономерно отрицающий предшествующие теории, появляется как реакция на

формалистские новации своего времени. И хотя представители формальной школы критиковали Потебню за отсутствие «разграничения, спецификации образа» (Ю. Тынянов), за то, что он «не различал язык поэзии от языка прозы» (В. Шкловский), многие идеи и теоретические положения А.А. Потебни и его учеников остаются чрезвычайно продуктивными – и в общетеоретическом, и в частноаналитическом аспектах. В том числе – при анализе орнаментальной прозы. Такими методологически плодотворными применительно к орнаментальным текстам, на наш взгляд, являются учение о внутренней форме, исследование эволюции литературных форм, соображения по поводу принципа экономии в языке и некоторые другие.

Анализируя мыслительную деятельность человека, наряду с внешней формой Потебня выделяет в слове форму внутреннюю – собственно значение и этимологическое значение, которое помогает понять процесс этой деятельности. Он показывает, как «представляется» человеку его собственная мысль: «Внутренняя форма... иначе направляет мысль... Внешняя форма нераздельна с внутреннею, меняется вместе с нею, без нее перестает быть сама собою, но тем не менее совершенно от нее отлична» [3, с. 22-23]. Исходя из этого, внутренняя форма становится признаком нового понятия, центром образа, выступая как представление о предмете в словах образных, существующих в языке наряду со словами безобразными. Потебня разделяет, таким образом, словарный состав языка на слова с живым и забытым представлением, разрабатывая проблемы поэтической семантики. Рассматривая вопрос о мыслительной деятельности человека, Потебня разрабатывает теорию художественного образа, устанавливая аналогию между словом и художественным образом: «В поэтическом, следовательно, вообще художественном произведении есть те же самые стихии, что и в слове; содержание (или идея), соответствующее чувственному образу или развитому из него понятию; внутренняя форма – образ, который указывает на это содержание, соответствующее представлению (которое тоже имеет значение только как символ, намек на известную совокупность чувственных восприятий или на понятие), и, наконец, внешняя форма, в которой объективируется художественный образ» [3, с. 26].

В связи с этим надо заметить, что именно стремление к максимальной выразительности образа в поэтической структуре дискурса определяет специфику орнаментальной прозы и дает богатый материал для изучения тех компонентов орнаментальной эстетики, которые отразили особенности художественного мышления писателей-орнаменталистов Серебряного века. По отношению к текстам этого вида орнамент понимается не как украшение или украшательство, а как некий сакральный знак (эмблема, символ), который выполняет не только эстетическую, но и «магическую» функцию, вовлекается в цепь ассоциаций и всегда непостижим вглубь до конца. В этом смысле писатель-орнаменталист есть мифотворец, ибо не мир, а миф является объектом его описания. Мифологизм и символизм на этом этапе становятся внутренней детерминантой литературного процесса.

Мифологизм художественного мышления, с одной стороны, и стремление к максимальной выразительности образа, с другой, выстраивают ту динамическую оппозицию, которая косвенно демонстрирует отношения внутренней формы языка в целом и внутренней формы отдельных языковых знаков. Поскольку мифотворчество в орнаментальной прозе – это способ художественного кодирования референциальных пространств (как интерпретационно открытых, так и интерпретационно закрытых – например, сновидения), направленный на «сакрализацию» элементов языкового сознания, и в то же время – путь постижения глубинных сущностей архетипического, внеязыкового сознания. Вместе с тем, своеобразие «характера языка» определяется особенностями языкового строя, который формируется в сознании носителей языка. Как показал анализ, принцип актуализации внутренней формы отдельных языковых знаков является ведущей тенденцией в творчестве А. Ремизова, А. Белого, Б. Пильняка и в целом относится к знаковой аксиоматике орнаментализма. Особенно интересно с

этой точки зрения творчество А.М. Ремизова, для которого именно лад слов, исконный строй русской речи стал мерилом художественности.

Характерная черта русского языкового сознания – непременно объяснить любую непонятную внутреннюю форму (примером тому может служить народная этимология, «языковая игра», фольклор, в том числе и городской), в орнаментальной прозе проявляется в том, что текст может иметь «метатекстовый» характер, то есть являться объяснением к внутренней форме. В результате внутренняя форма выступает и как объект подсознательного декодирования её читателем в процессе восприятия художественного текста, и как «повод» для создания писателем нового живого образа. А элемент «языковой игры» при этом – как прием, применяемый автором для раскрытия внутренней формы. В результате слову «присваивается» (или возвращается) его изначальная мифическая, магическая функция: писателем намеренно раскрывается внутренняя форма слова, а за счет «обнажения» семантических связей происходит его включение в образно-речевую ткань текста. Таким образом, создается новая образность и возникают дополнительные – ассоциативные – связи.

Д.Н. Овсяннико-Куликовский вслед за А.А. Потебней процесс забвения внутренней формы – т. е. переход образных (поэтических) слов в безобразные (прозаические) – и другие смежные явления (например, передвижение процессов речи из сферы чувства в сферу мысли) объясняет сбережением силы, накоплением энергии, достижением все больших результатов при все увеличивающемся ее сбережении [2, с. 28-30]. Не разделяя свойственную потебнианцам абсолютизацию принципа экономии в языке, заметим, что по отношению к некоторым явлениям языка, в частности языка художественной литературы, их размышления остаются весьма продуктивными – к примеру, в том, что касается эллипсиса и парцелляции в орнаментальной прозе. Алексей Ремизов признавался: «Люблю русские природные опущения слов (эллипс), когда фраза глядится как медовые соты... Хочу писать, как говорю, а говорить, как говорится» [4, с. 590]. Для него лад слов, русский лад – это сопряжение глубинных значений и на синтагматической, и на парадигматической оси текста: образная «ощутимость» подкрепляется словесными построениями – «летучим» синтаксисом, парцеллированными конструкциями, эллиптическим построением фраз и другими средствами «экспрессивного синтаксиса», характерными для живого разговора «из уха в ухо».

Чрезвычайно интересны и идеи Д.Н. Овсяннико-Куликовского о вытеснении грамматических процессов, обычно протекающих в сфере подсознательной ещё глубже, ещё дальше от «порога сознания»: «Они становятся совершенно автоматичными, между тем как сознание всецело устремлено на содержание речи» [2, с. 23]. Сравним у Ремизова: «Пламень взвивался надо мной и пламя вырезалась из сердца — пламя окружало меня» [4, с. 467]. Здесь для создания яркого речевого образа сознательно «грамматизируется» языковое мышление, а именно: всеохватность огня передается всеми потенциально возможными для русского языка родовыми окончаниями (пламень – м. р.; пламя – ср. и ж. р.). Таким образом, налицо – с целью создания новой образности – возрождение в орнаментальной прозе архаических форм языкового мышления.

Исследования эволюции литературных форм, проведенные учеными харьковской школы, помогают понять эволюцию орнаментальных форм в русской прозе XX века: «Нет художественного произведения, в создании которого не участвовали бы элементы прозы, и нет прозаического... процесса мысли, который бы совсем обходился бы без содействия поэтических элементов, в собственном смысле, либо символических» [1, с. 32]. Теоретическое изучение, например, роли ритма и его связи с психической организацией человека, эстетическим чувством («чувством душевного благосостояния») и взаимной обусловленности поэтической и прозаической форм, осуществленное Д.Н. Овсяннико-Куликовским; активности бессознательного Б.А. Лезиным, было практически (сознательно или нет) творчески «применено» орнаменталистами (особенно А. Белым). Оно помогает нам выделить и

Карпенко И.Е.
Учение Потебни о внутренней форме слова и
лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 3-8.

Karpenko I.E.
The teachings of Potebnya on the inner
form of the word and the linguo-poetic
phenomenon of ornamental prose
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 3-8.

проанализировать некоторые типологически значимые черты этой прозы: ритмизацию, лейтмотивность, развернутую метафоризацию, привлечение максимального числа каналов воздействия на читателя, «поток сознания» и творческую активность сновидения, а также мифологизм и символизм как основные внутренние детерминанты орнаментального текста.

Таким образом, если воспользоваться терминологией потебнианцев, орнаментальная проза – это дальнейшая работа художников слова по образному сгущению мысли, возникновение новых художественных элементов (сложных ассоциаций) – «из поэтических через забвение посредствующего представления» [1, с. 31-32]. А теория Д.Н. Овсяннико-Куликовского о происхождении искусства и эволюции поэтических элементов помогает понять генеалогию орнаментальной прозы, её корни, причины появления на рубеже веков, её роль в истории литературы Серебряного века, в становлении новых жанрово-композиционных и образно-речевых художественных форм, а также влияние на последующее развитие русской прозы и на возникновение «пограничных жанров».

Литература

1. *Овсяннико-Куликовский Д.И. Лингвистическая теория происхождения и эволюции поэзии // Вопросы теории и психологии творчества. Изд. 2-е. – Харьков, 1911. – Т. 1.*
2. *Овсяннико-Куликовский Д.И. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. – Пг., 1917.*
3. *Потебня А.А. Теоретическая поэтика. – М.: Высш. школа, 1990.*
4. *Ремизов А.М. Неумный бубен. – Кишинев, 1988.*
5. *Шкловский В.Б. Гамбургский счет: Статьи - воспоминания -эссе (1914-1933). – М.: Сов. писатель, 1990.*

Карпенко И.Е.,
Учение Потебни о внутренней форме слова и
лингвопоэтический феномен орнаментальной прозы
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 3-8.

Karpenko I.E.,
The teachings of Potebnya on the inner
form of the word and the linguo-poetic
phenomenon of ornamental prose
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 3-8.

The teachings of Potebnya on the inner form of the word and the linguo-poetic phenomenon of ornamental prose

Karpenko I.E.,

*PhD in Philology, Assistant Professor, Pushkin State Russian Language Institute, Moscow,
Russia. ikarpenko@yandex.ru*

The article examines the legacy of A.A. Potebnya and representatives of his school, the teaching on the inner form of the word and their other concepts with reference to the linguo-poetical analysis of the texts of the original school of the Silver Age - ornamental prose, and also defines the main typological features of this phenomenon in Russian literature.

Key Words: Russian literature, Silver age, ornamental prose, poetics, artistic discourse, linguo-poetical analysis, Potebnya, Kharkov school, inner form of the word.

References

1. Ovsyaniko-Kulikovskij D.I. Lingvisticheskaya teoriya proiskhozhdeniya i ehvolyucii poehzii // Voprosy teorii i psihologii tvorchestva. Izd. 2-e. – Har'kov, 1911. – T. 1.
2. Ovsyaniko- Kulikovskij D.I. Sintaksis russkogo yazyka. Izd.2-e. – Pg., 1917.
3. Potebnya A.A. Teoreticheskaya poehtika. – M.: Vyssh. shkola, 1990.
4. Remizov A.M. Neuemnyj buben. – Kishinev, 1988.
5. SHklovskij V.B. Gamburgskij schet: Stat'i - vospominaniya -ehsse (1914-1933). – M.: Sov. pisatel', 1990.

Закономерности овладения ударением русского языка учащихся-билингвов

Шурпаева М.И.,

доктор педагогических наук, профессор, заместитель директора Дагестанского НИИ педагогики им. А. А. Тахо-Годи

В статье рассматривается специфика овладения акцентологическими нормами русского языка учащихся-билингвов. Определены закономерности усвоения ударения, связанные с особенностями родного языка и свойствами русского ударения. Предложены типы упражнений и заданий для выработки навыков выделения ударного слога, усвоения форморазличительной и смысловразличительной функций ударения. Подчеркивается необходимость учета взаимосвязи фонетики, грамматики и лексики в процессе усвоения норм ударения учащимися-билингвами.

Ключевые слова: акцентологические нормы русского языка, учащиеся-билингвы, русский язык, родной язык, ошибки в ударениях, развитие произносительных навыков в области ударения.

Для цитаты:

Шурпаева М.И. Закономерности овладения ударением русского языка учащихся-билингвов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Shurpaeva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Shurpaeva M.I. Regularities of mastering the accent of the Russian language of bilingual students [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Shurpaeva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Трудность в овладении ударением русского языка связана с особенностями ударения в родном языке и с сложностью русского ударения. Поэтому в процессе обучения звуковой системе русского языка учащихся-билингвов необходимо учитывать специфику овладения его акцентологическими нормами. Эти особенности обусловлены такими свойствами русского словесного ударения, как: разноместность, подвижность, выделение ударного слога, редукция безударных гласных.

Своеобразием русского ударения является его роль определять своим местом «звуковой облик данного слова или формы (в особенности в области гласного)» [1, с.38]. Ударные звуки являются результатом их сильного и напряженного произнесения. Соответственно безударные гласные произносятся с меньшей силой, что проявляется в качественной и количественной редукции этих звуков. Общностью ударения в русском и родном языках является динамичность и его силовой характер (хотя по силе напряжения ударение в родном языке уступает русскому).

Следует отметить, что в родных языках учащихся-дагестанцев нет такого четко выраженного отношения между ударными и безударными слогами. Ударение в родном языке почти не вызывает фонетических изменений – редукции гласных. В некоторых дагестанских языках случаи редукции могут быть связаны с категорией долгих и кратких гласных в ударной

позиции, которая и вызывает редукцию, хотя и в меньшей степени, чем в русском языке. В то же время в родном языке, в отличие от русского языка, в одном и том же фонетическом положении могут встречаться гласные различной длительности, имеющую различительную функцию.

Учащиеся заменяют русское ударение в слове равным распределением силы между двумя, тремя и более слогами. В результате исчезает основа для редукции безударных гласных. Причиной несоблюдения редукции является и слабый навык чтения. При чтении (особенно на начальном этапе) внимание учащихся сосредоточено только на буквах, а соотнести их с соответствующими звуками (если даже знают нормы орфоэпии) они не успевают. В процессе чтения ученик должен также запомнить место ударения в каждом новом слове, т. е. каждое новое слово усваивается с ударением. Для этого надо проводить упражнения с такими заданиями: 1) проставить ударение в знакомых словах при собственном чтении; 2) проставить ударение в незнакомых словах по слуху; 3) проставить ударение в словах, воспринимаемых зрительно; 4) проставить ударения в словах, воспринимаемых на слух.

Нарушения в акцентологических нормах связаны не столько с физиологической и акустической природой ударения (напряженность артикуляции, длительность ударных звуков), сколько с его разноместностью и подвижностью. Разноместность ударения в русском языке является важным средством различения слов [3, с. 34].

Ударение в русском языке, являясь фонологическим средством, служит для дифференциации звуковых оболочек разных слов (замо́к, за́мок) или грамматических форм двух слов (пи́ли, пи́ли; по́ля, по́ля; у́же, у́же). «Чтобы знать место ударения в данном слове, надо знать само слово, так как нет таких правил, которые могли бы объяснить, в каких случаях ударение падает на первый слог слова, в каких – на второй» (2, с.20).

Большую трудность вызывает у учащихся подвижное ударение, т.е. такое, которое переносится с одного слога на другой. Усвоив место ударения в одной форме слова, учащиеся закрепляют его за этим же местом в других словоформах. Нередко ставят ударение на тот слог редко употребляемой формы слова, на который оно падает в часто употребляемой форме. (Например, в слове «была» ставят ударение на первый слог по аналогии со словами «был», «бы́ли», «бы́ло».)

Упражнения на усвоение ударения нельзя отрывать от других фонетических упражнений, так как, усваивая сегментные единицы языка (звуки в потоке речи), учащиеся овладевают и ударением. В процессе изучения природы русского ударения важным представляется осознанный подход к его освоению. Учитель должен довести до учащегося, что ударный гласный слова выделяется среди безударных длительностью. Изменения качества и количества безударных гласных целесообразно показать в соответствии с ударными гласными: сам – сама́, сад – сады́, мя́со – мясно́й, ряд – ряды́, дом – дома́, мост – мосты́ и т.д. Здесь можно выделить три типа упражнений: 1) упражнения в усвоении выделительно-разграничительной функции ударения (для различения силы ударения и редукции), которые помогают ощутить различие между ударными и безударными слогами: бе́дный – беда́, ве́с – ве́сы, де́ло – дела́, ле́с – леса́, по́ле – поля́; 2) упражнения для усвоения смысловозначительной функции ударения: сте́на – стены́, сте́ны, голо́ва – головы́ – го́ловы. Учащиеся повторяют слова, затем записывают их под диктовку, подчеркивают ударные и безударные гласные. Природа ударения в потоке речи проявляется ярче и ощутимее, чем в слове. В связи с этим развивать навык произношения ударения слога с большей силой звучания и длительностью необходимо не на материале отдельных слов, а на целых фразах, синтагмах. Для тренировки можно использовать предложения, в которых сила звучания наиболее акцентирована, меняя при этом центр интонационной конструкции (Девочка сидит. Сидит девочка, Мальчик рисует. Рисует мальчик.)

При систематизации фонетического материала, предназначенного для усвоения учащимися-билингвами, необходимо исходить из правил, характеризующих направления переноса ударения (основные схемы ударения, действующие в пределах той или иной категории слов) [4, с.31-34]. Например, у существительных, имеющих ударение в ед.ч. на основе, а во мн.ч. – на окончании (гóрода – городá); имеющих ударение на окончании в ед.ч., а во мн.ч. на основе (окно – óкна); имеющих в ед.ч. и в именительном падеже на основе, в косвенных падежах мн.ч. – на окончании (кáмень – кáмни – камнѐй) и др. У глаголов в 1 лице ед. ч. ударение на окончании, а со 2-го лица ед.ч. ударение перемещается с окончания на предшествующий слог (носítь – носú – нóсит – нóсишь) и т.д. Учащимся приходится запоминать перемещение ударения в связи с изменением формы слова. Так как подвижный характер русского ударения является средством грамматического различения и относится к области грамматики, то упражнения по выработке навыков ударения проводятся не только при изучении фонетического материала, но и при практическом овладении грамматическим материалом. Например, при обучении глаголу даются упражнения, в которых представлено для работы над произношением три типа ударения в спрягаемых формах глагола: 1) неподвижное, фиксированное, свойственное инфинитиву, сохраняющее свое место во всех формах (читать, работать); 2) подвижное – в инфинитиве и в форме 1-го лица ед.ч. ударение падает на последний слог, во всех других личных формах ударение переносится на предыдущий слог (писать, но пíšешь, пíšут); 3) неподвижное, фиксированное на окончании во всех личных формах (рисовáть, кушáть, писáть). Количество слов с подвижным ударением относительно невелико, но такой тип ударения наблюдается в часто употребляемых словах. Овладение учащимися-билингвами правильной постановкой ударения в этой категории слов имеет практическое значение.

Работа над отработкой ударения осуществляется следующим образом: учитель произносит слова (восприятие); учащиеся (индивидуально и хором) повторяют услышанное (воспроизведение); дети самостоятельно (в паре или группах) составляют предложения и небольшие тексты с этими словами; употребляют отработанные акцентологические образцы в заданных речевых ситуациях (в диалогах, монологах) и при чтении.

В адаптированных учебных пособиях по русскому языку для учащихся-билингвов овладение языковыми нормами, являющимися предметом усвоения на начальном этапе обучения, предусматривается на основе лексического минимума, направленного на развитие комплексных речевых навыков (рецептивных и продуктивных), а также соответствующего возрастным особенностям детей младшего школьного возраста. Например, в разделе «Ударение» – это наиболее употребительные слова и грамматические формы, произношение и ударение которых подчиняются основным орфоэпическим правилам [5, с.77-89]. Упражнения на восприятие и воспроизведение слов с ударными и безударными гласными проводятся с использованием иллюстраций, инсценировок, игровых действий. Кроме того, используются различные таблицы, составленные с учетом ошибочных произношений учащихся-билингвов, например, «Запомни ударение в этих словах», «Произноси и пиши правильно» и т.д.

Как мы отмечали, разноместный характер русского ударения делает его специфическим признаком каждого слова. В этом аспекте ударение связано с лексикой. В целом специфика обучения ударению заключается в необходимости учета взаимосвязи фонетики, грамматики и лексики. Поэтому работа над ударением должна вестись на всем протяжении изучения курса русского языка (звуковой анализ, упражнения, тестовые задания и т.д.).

Ударение отрабатывается и на уроках литературного чтения Заучивание наизусть стихов и прозы дает возможность учащимся-билингвам запомнить место ударения в словах. Это позволяет им не допускать ошибочных ударений в словах, встречающихся в текстах, выученных наизусть.

Литература

Шурпаева М.И.,
Закономерности овладения ударением русского языка
учащихся-билингвов
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 9-13.

Shurpaeva M.I.,
Regularities of mastering the accent of the
Russian language of bilingual students
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 9-13.

1. Аванесов Р. И. Ударение в современном русском языке. – М.: Просвещение, 1958.
2. Аванесов Р. И. Указ.соч.
3. Диброва Е.И. Современный русский язык. Теория, анализ языковых единиц. Ч.1. 3-е изд. М.: Академия, 2008.
4. Зализняк А. А. Грамматический словарь русского языка. – М.: Русский язык, 1977.
5. Магомедов Г.И., Шурпаева М.И. Русский язык. Учебное пособие для 2 класса. – Махачкала: ООО «Издательство НИИ педагогики», 2012.

Regularities of mastering the accent of the Russian language of bilingual students

Shurpaeva M.I.,

Doctor of Pedagogy, professor, deputy director of A. A. Taho-Godi Dagestan Sciences Research Institute of Pedagogy, Russia, Makhachkala

The article deals with the specifics of mastering the accentological norms of the Russian language of bilingual students. The regularities of assimilation of stress associated with the peculiarities of the native language and the properties of Russian stress. Types of exercises and tasks for development of skills of selection of shock syllable, assimilation of formative and semantic functions of stress are offered. The necessity of taking into account the relationship of phonetics, grammar and vocabulary in the process of assimilating the norms of stress bilingual students.

Key Words: accentological norms of the Russian language, bilingual students, Russian language, native language, mistakes in stress, development of pronunciation skills in the field of stress.

References

1. Avanesov R. I. the Emphasis in the modern Russian language. - Moscow: Enlightenment, 1958.
2. Avanesov R. I. The specified essay.
3. Dibrova E. I. Modern Russian language. Theory, analysis of linguistic units. Part 1. 3rd ed. Moscow: Academy, 2008.
4. Zalizniak A. A. Grammatical dictionary of Russian language. - Moscow: Russian, 1977.
5. Magomedov G. I., Shurpaeva M. I. Russian language. Textbook for 2nd grade. - Makhachkala: Publishing house of Institute of pedagogics, 2012.

Антипенко Л.Г.,
Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода
к лингвистике и литературному творчеству
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 14-23.

Antipenko L.G.,
Natural science assessment of postmodern
approach to linguistics and literary
creativity
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 14-23.

Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода к лингвистике и литературному творчеству

Антипенко Л.Г.,

кандидат философских наук, старший научный сотрудник, Институт философии
Российской академии наук, Российская Федерация, Москва chistrod@yandex.ru

Есть две линии восхождения к пониманию сути Слова и Языка. Одна линия гносеологическая, её можно представить как линию, идущую снизу вверх от чувственного восприятия к представлению, от представления к понятию, от понятия к идее. Она блестяще разработана выдающимся российским языковедом А.А. Потебней. Вторая линия идёт сверху вниз, началом её принято считать как раз платоновскую идею. Эту линию в настоящее время уместно было бы назвать онтологической линией, принимая во внимание её экспликацию в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера.

В статье показано, как синтез этих двух линий позволяет противостоять постмодернистской доктрине произвола (Ф. Соссюр, Ж. Деррида) при решении вопроса о соотношении означающего и означаемого, знака (слова) и вещи (предмета).

Ключевые слова: вещь, слово, речь, понятие, идея, логос.

Для цитаты:

Антипенко Л.Г. Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода к лингвистике и литературному творчеству [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Antipenko.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Antipenko L.G. Natural science assessment of postmodern approach to linguistics and literary creativity [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Antipenko.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

От китайского философа Конфуция до нас дошло следующее изречение: «Мудрый правитель первым делом должен называть вещи своими именами. Ведь если вещи будут именоваться неправильно, слова потеряют силу, и ни одно дело нельзя будет довести до конца. А если мы не сможем исполнять свой долг, ритуалы и музыка придут в расстройство. Если же погибнут ритуалы и музыка, преступления не повлекут за собой наказаний. А если окажется невозможным применять законы, простолюдины придут в смятение. Посему, когда благородный муж даёт имена вещам, эти имена должны жить в языке, а когда он высказывает суждение, слова его не могут не претвориться в жизнь. Благородный муж не позволит себе быть небрежным в речи» (цит. по книге [1; 199]).

В этом изречении обращает на себя ссылка на ритуалы и музыку, что представляется нам особенно важным при решении вопроса, поставленного в данной статье. А вопрос этот состоит в том, насколько правомерен постмодернистский подход к развитию языкознания и к трактовке литературного и научного творчества. Но сначала следует отвести некоторое место тому, что принято понимать под постмодернизмом.

Постмодернизм, читаем мы в разделе «Философия» Всемирной энциклопедии, есть понятие, используемое современной философской рефлексией для обозначения характерного для культуры сегодняшнего дня типа философствования, содержательно-аксиоматически дистанцирующегося не только от классической, но и неклассической традиций и конституирующего себя как постсовременная, т.е. постнеклассическая, философия. «Ведущие представители: Р. Барт, Батай, Бланшо, Бодрийяр, Делёз, Деррида, Джеймисон, Гваттари, Клоссовски, Кристева, Лиотар, Мерло-Понти, Фуко и др. Термин «постмодернизм» впервые был употреблён в книге Р. Ранвица «Кризис европейской культуры» (1917); в 1934 г. использован у Ф. де Ониза для обозначения авангардистских поэтических опытов начала 20 в., радикально отторгающих литературную традицию...» [2; 809]. Постмодернизм подвергся размножению в виде таких явлений и понятий, как постиндустриальное общество, постистория, постметафизическое мышление, постструктурализм, постфрейдизм и даже «постмодернистская чувствительность».

Что за всем этим стоит, чем объединяются все эти понятия с приставкой «пост (post)»? За редкими исключениями, все они характеризуются тем, что заимствуют своё содержание из психологии, а если говорить точнее, из сферы подсознательного, как она была представлена поначалу в психоанализе австрийского психолога, психиатра и невропатолога Зигмунда Фрейда (1856–1939). Сказанное нами «как она была представлена поначалу» вовсе не означает, что начальное представление как-то сохраняется. Сохраняется только ссылка на источник, из которого черпаются вариации подсознательных импульсов. Так, например, если у Фрейда в подсознательном человека выявляется комплекс, именуемый «комплексом Эдипа», то французский философ-постструктуралист Жиль Делёз (1925–1995) превратил «Эдипа» в «Анти-Эдипа». В 1972 году он издал, совместно с психоаналитиком Феликсом Гваттари, книгу «Анти-Эдип. Капитализм и шизофрения». В ней он перешёл от введения в психоанализ к введению в шизоанализ. Но главное отличие состоявшегося постмодернизма от того же фрейдистского психоанализа заключается в следующем. Психоанализ – это лечебная или псевдолечебная практика. И он, по замыслу Фрейда (по его словам) должен был держаться в этих рамках. Однако в постмодернизме его практика перешла в построение, структурирование литературных (в широком этого слова) текстов. Так и появился постструктурализм в общем и постметафизическое мышление в области философии.

Инструмент, с помощью которого психоаналитический метод работы с пациентами Фрейда был перенесён на работу (манипуляцию) с текстами, изобретён швейцарским лингвистом Фердинандом де Соссюром (1857–1913). Он, как сообщают энциклопедические справочники, заложил основы семиологии и структурной лингвистики, был основателем Женевской лингвистической школы. Особенно выделяют в его исследованиях разработку семиологии. Определяется она как наука, изучающая «жизнь знаков в рамках жизни общества». Она должна была бы открыть нам, для чего нужны знаки, какими законами управляется их функционирование. Де Соссюр утверждал, что семиология должна быть частью социальной психологии; определение её места в социальной психологии – задача психолога. Задача же лингвиста состоит в выяснении того, что выделяет язык как особую систему семиологических явлений. Поскольку язык является одной из систем знаков, постольку лингвистика оказывается частью семиологии.

Полагают, и так считал сам де Соссюр, что он совершил своего рода «коперниканский переворот» в лингвистике. Сущность этого переворота он видел в высвобождении изучаемых лингвистикой языковых средств от их привязанности к референту (обозначаемому). Языковое средство как обозначающее есть знак по отношению к обозначаемому (референту, денотату). Обозначающее, по де Соссюру, немотивированно, оно «произвольно по отношению к данному означаемому, с которым у него нет в действительности никакой естественной связи» [3; 61].

Зарождалась постмодернистская идеология как таковая как раз в сфере (интерпретации) языковых явлений. Однако затем она вышла за эти пределы и охватила собою все прочие области социальной действительности, включая и хозяйственную жизнь общества, изучаемую политэкономией. Так, согласно Жаку Деррида (1930–2004), «если всеобщая форма стоимости у Маркса означала способность данного товара обмениваться на любой товар безотносительно к натурным, вещественным различиям, то всеобщая семиотическая форма стоимости означает обмен любой реальности на знак и способность последнего окончательно вытеснить реальность» (цит. по: [17; 69–70]). Но ближе к языкознанию следующие рассуждения Жака Деррида, касающиеся не стоимости товаров, а денег. Свою «грамматологию» он обозначает как движение аналитического абстрагирования при обращении произвольных знаков параллельно движению денег. Деньги замещают вещи знаками вещей. Причём не только внутри данного общества, но и в отношениях между культурами, между экономическими организмами. Вот почему алфавит есть дело коммерческое. Он должен быть понят внутри денежной системы экономической рациональности. Критическое описание денег – это вместе с тем и верное изображение размышлений о письме. В обоих этих случаях вещь подменяется неким безликим восполнением. «Как понятие сохраняет лишь то, что в разных вещах доступно сравнению, как деньги дают несоизмеримым вещам их «общую меру», превращая их в товары, так же и буквенное письмо переводит в систему произвольных и общих означающих разнородные означаемые – живые языки. Тем самым угрожает жизни, которую оно же приводит в движение» [4; 493–494].

Итак, можем ли мы в данном случае согласиться с тем, что слова, приобретающие статус письменного языка, назначаются произвольно для обозначения тех или иных вещей? Такой вопрос возник ещё в Древней Греции. Мы находим его в диалоге Платона «Кратил», где его ставит Кратил, а беседу между собой в основном ведут Гермоген и Сократ. Гермоген сомневается в том, что можно установить какое-либо естественное соответствие между вещью и именем, а Сократ пытается доказать, что такое соответствие есть, но при этом он ссылается и на волю божества, которая не всегда совпадает с волей людей. «Разве ты не знаешь, – обращается он к Гермогену, – что тот поток в Трое, который единоборствовал с Гефестом, боги, по словам Гомера, называют Ксанфом, и люди – Скамандром?» (Кратил, 13). Но независимо от того, от кого исходят имена – от богов или от людей – надо не упускать из виду, что давать имена суть тоже действия, которые входят в нашу речь. (Здесь у Платона не берётся в расчёт различие между речью устной и речью, выраженной посредством письменного языка).

Далее Сократ поясняет свою мысль на примере слова «демон». Демоны у Гесиода, сообщает он, – это ведемоны. Он называл их так потому, что они были разумны и всё им было ведомо. В древнем эллинском языке именно такое значение было у этого слова. Поэтому и утверждает Гесиод, да и другие поэты, что достойному человеку после смерти выпадает великая доля и честь, и он становится демоном, заслужив это имя своей разумностью. «Вот, – говорит Сократ, – и я поэтому всякого человека, если он человек достойный, и при жизни и по смерти приравниваю к этим божествам и считаю, что ему правильно называться демоном» (Кратил, 35). Большинство современных лингвистов и специалистов по психологии литературного творчества связывают решение данного вопроса с решением проблемы происхождения языка. К примеру, А. Л. Погодин и Б. А. Лезин, представители Харьковской школы по вопросам теории и психологии творчества, касаясь данного диалога, отмечают, что Платон уже знал обе основные теории происхождения языка – теорию его естественного происхождения, которая толковала о присущем человеку даре речи, основанной на инстинктивном воспроизведении явлений, и теорию искусственного происхождения языка, сводящуюся к условному созданию слов. «Однако вопрос о происхождении языка отступал в научных интересах Платона на задний план перед вопросом о сущности его» [5; 369].

Есть две линии восхождения к пониманию сути Слова и Языка. Одна линия гносеологическая, её можно образно представить как линию, идущую снизу вверх: от чувственного восприятия к представлению, от представления к понятию, от понятия к идее. Она блестяще разработана выдающимся российским языковедом А. А. Потебней (1835–1891). Вторая линия идёт сверху вниз, началом её принято считать как раз платоновскую идею. Эту линию в настоящее время уместно было бы назвать онтологической линией, принимая во внимание её экспликацию в фундаментальной онтологии Мартина Хайдеггера. Вероятно, синтез этих линий позволит решить

проблему возникновения языка и словесного наименования вещей или, во всяком случае, значительно преуспеть в её решении.

Отправными положениями в учении Потебни являются положение о чувственном восприятии, которое маркируется словом, и положение о представлении или, точнее говоря, представительном признаке, выбранном из данного чувственного восприятия. Так, берём, к примеру, какое-нибудь слово и видим, что в лексике это слово имеет определённое значение, раскрываемое и объясняемое рядом других слов. Слово, говорит Потебня, есть психологическая ассоциация звукового комплекса с определённым значением. Содержание, фиксируемое словом, Потебня называет внешней формой слова. Но помимо этой внешней формы у слова есть ещё форма внутренняя. Внутренняя форма – это ближайшее этимологическое значение слова. Например, когда мы произносим такие слова, как «подснежник», «медведь», «защита», в них просматриваются признаки, взятые каждый по одному из общего восприятия, говорящие о том, почему данный предмет назван именно таким, а не иным словом. В слове «защита» мы имеем отзвук того щита, которым древний воин защищал себя от копья и стрел противника. В том, что слово, не обретшее статус логического понятия, имеет образное содержание, едва ли кто может усомниться.

Проза, указывает Потебня, порождается тогда, когда происходит потеря поэтичности слова в результате превращения чувственного образа в понятие. «Но какой бы отвлечённости и глубины, – пишет он, – ни достигла наша мысль, она не отделается от необходимости возвращаться как бы для освежения к своей исходной точке, представлению. Язык не есть только материал поэзии, как мрамор – ваяния, но сама поэзия, а между тем поэзия в нём невозможна, если забыто наглядное значение слова» [6; 169–170]. Термин «представление» не должен вводить в заблуждение, его не следует, отметим ещё раз, смешивать с чувственным восприятием. Представление, для Потебни, есть характерный признак («корова» = «рогатая»), и как признак он является абстракцией наряду с теми абстракциями, с помощью которых образуются понятия. Так что именно из этих представительных признаков-абстракций и получается художественный образ. С этой точки зрения всякий поэтический образ или художественный тип есть не что иное, как абстракция-идеализация, идеализация в том смысле, что она, как полагает Потебня, означает возможность перехода низших слоёв нашей психической жизни в высшие.

Однако не совсем ясно, как реализуется указанная автором возможность. Ибо в порядке пояснения данного суждения сказано у него, что идеализация художественного типа состоит, опять же, в выделении из основного комплекса восприятий одних значимых черт, в устранении других, присутствие которых сбивало бы мысль с пути, по которому направляет её образ. Поэтому и в науке, и в искусстве решается, хотя и разными средствами (разными в смысле видовых признаков абстракции как таковой), одна и та же грандиозная задача: перенести в страну идей всю природу, т.е. сравнять по объёму содержание опыта с миром. Конечная цель умственных усилий человека – «соединить эту огромную массу отрывочных явлений в нераздельное единство и организованную целость» [6; 154–155].

Данные, очень поучительные, размышления Потебни оставляют всё же ощущение, что в постановке им «грандиозной задачи» недостаёт завершающего звена, с которым можно было бы идентифицировать результат идеализации. Это уже понимали его ученики и сторонники созданного им учения. Для примера назовём двоих из них – Б. А. Лезина и Д. Н. Овсянико–Куликовского. Лезин сделал попытку восполнить недостаток Потебни принципом экономии мышления. При этом он ссылаясь на бессознательную работу человеческого мозга. Идеализация искусства и науки, писал он в одной из своих статей на данную тему, носит в своей основе тот же экономический характер, какой заключает в себе, – начиная от рефлекторных движений, ощущений, представлений, понятий, образов, и кончая «верхами» творческой деятельности, – мышлением. «Дать возможно больше при наименьшей затрате мысли – таков от начала до конца характер деятельности научного и художественного мышления» [7; 243]. Математик, заметив от себя, охарактеризовал бы такую задачу как задачу на определение оптимального (минимального) значения некоторой величины в рамках её варьирования. Художник этого сделать не может, помимо общего пожелания типа: «сделай так, чтобы словам было тесно, а мысли – просторно».

Овсянико–Куликовский предложил другой вариант достижения идеального оптимума. Из собственных наблюдений за тем, как опыты жизни, усваиваемые художником, преобразуются у него в литературный тип, он пришёл к выводу, что творческий процесс создания типов и повторяющий его процесс восприятия (понимания) есть род индукции, «это – движение мысли от частного к общему, от факта к обобщению в типе» [8; 138]. Целостным этот тип делается от того, что члены индукции выстраиваются в бесконечную последовательность, хотя речь у него идёт не о бесконечности в точном математическом смысле, в смысле актуальной бесконечности, а о неопределённости. Обобщение членов индуктивного ряда в одном образе, пишет автор, делает их счёт ненужным. «Ненужность перечисления производит впечатление его невозможности; впечатление же невозможности содействует тому, что неопределённый, непрерывный ряд () превращается в одну из масок бесконечности» [8; 139]. «Отсюда конкретный вывод: художественные типы в психологии их создания и восприятия сопряжены с чаянием (если угодно с иллюзией, а лучше с впечатлением) бесконечного скрытого в форме количественно-неопределённого ряда фактов, находящихся в художественном образе своё объединение, обобщение и истолкование» [8; 139].

Есть, по нашему мнению, духовная инстанция, которая по праву ставится на место такого рода иллюзорных бесконечностей. Называется она Логосом. Древнегреческий термин означает речь, слово, разум. Понятием логоса древние греки обозначали, согласно изысканиям С. Н. Трубецкого, направляющее разумное начало, «единую мудрость» Гераклита [9; 149]. Потому как единый вселенский логос претворяется в жизнедеятельности человека, его подразделяют на три составляющие: логос вербальный (словесный), логос математический и логос музыкальный (мелос). Ни один из трёх видов логоса не сводим к другому. Так, поясняя сущность мелоса, К. Метнер писал, что музыка запекает о несказанном. Для несказанного же нужны не слова, а смыслы. «Смыслы эти заключены в согласованной сложности звуков. Иначе говоря: корнями музыки никоим образом не являются разрозненные атомы звуков, существующих в природе, и так же как не буквы породили слова речи, а из слов образовался буквенный алфавит, так и из музыкальных смыслов – звуковой алфавит» [10; 450].

Мы утверждаем, что три вида логоса – вербальный, математический и музыкальный – существуют неслиянно и нераздельно. Однако надо иметь в виду, что отдельные модификации того или иного вида логоса могут очень тесно смыкаться с другим видом. Вербально-поэтический вариант словесного логоса, который А. С. Пушкин называл божественным глаголом, настолько близко подходит к мелосу, что сами стихи напрашиваются на музыку. В них как бы звучит скрытая мелодия:

В гармонии соперник мой

Был шум лесов, иль вихорь буйный,
Иль иволги напев живой,
Иль ночью моря гул глухой,
Иль шёпот речки тихоструйной.

Что касается математического логоса, то его нельзя отождествлять со всеми видами деятельности, уподобляемой математике лишь на том основании, что кто-то манипулирует знаками с произвольно устанавливаемыми правилами игры. Более того, в самой математике может быть отход от существа математической деятельности в результате ошибочной постановки задач. Ближайший пример – неограниченное порождение (нагромождение) трансфинитных чисел при попытке оценить мощность континуума. Числовые объекты в математическом логосе имеют смысл, когда они несут на себе печать размерных величин или сами служат в качестве таковых. Это открытие было сделано Н. И. Лобачевским при создании не-евклидовой (Воображаемой, по его терминологии) геометрии. В не-евклидову геометрию вошла размерная константа, имеющая размерность длины и получившая название «абсолютной длины» (её уместно было бы назвать универсальной константой Лобачевского). Она позволила соотнести идеальную меру протяжённости с теми мерами, которыми пользуется человек и для которых единицами служат сантиметр, дюйм, аршин и т.п. Тем самым был подвергнут сомнению тезис древнегреческого софиста Протагора, согласно которому человек есть мера всех вещей.

Следующий шаг по уточнению понятия математического логоса был сделан Мартином Хайдеггером. Если Лобачевский наделил математический логос мерой протяжённости, то Хайдеггер внёс в него время. Тема времени требует отдельного разговора, а мы вернёмся к вопросу о том, как всё-таки возникают в сознании человека образы различных вещей и какие суждения на сей счёт мы находим у Хайдеггера.

Хайдеггер резко критикует традиционную концепцию отражения предметов в сознании человека. Отправной пункт критики – отсутствие эталона, по которому можно было бы как-то сравнивать (сопоставлять, уподоблять) то, что находится вовне, и то, что в качестве отражения находится в мозгу. Можно спросить людей, читаем мы в его книге «Цолликоновские семинары», действительно ли у них, когда они видят классную доску, есть некоторое «ментальное» представление, которое они воспринимают. «Если они выдвигают теорию чувственного восприятия, то следует спросить, когда вон та доска, на которой я пишу, обнаруживается как доска? Теория возникновения «представления» из чувственного восприятия – чистая мистификация» [11; 236]. Почему мистификация? – Да потому, что когда начинают объяснять восприятие доски исходя из чувственного раздражения, доску-то уже увидели. И где в этой теории чувственного раздражения то, что обозначается как «есть»? «Даже самые большие концентрация и интенсивность раздражения никогда не производят это «есть». Оно уже наперёд задано в каждом бытии-раздражённом» [11; 236].

Оно уже наперёд задано потому, что человек связан с миром, в котором он телесно существует. Поэтому даже фантазирование, говорит Хайдеггер, может быть увидено лишь в мире. Ведь фантазирование, скажем, по поводу золотой горы происходит только так, словно она где-то в мире стоит, находится в ландшафте, в котором располагается и тело того, кто её воображает. И как тело человека не находится внутри мозга, так и картина золотой горы не находится в мозге. «Она связана с людьми, землёй, небом, богами» [11; 237]. А дальше разбирательство с вопросом о генезисе сознания проводится на примере взаимоотношения ребёнка и матери. Сознание как осознание внешнего мира, как осознание ребёнком своей матери, не возникает путём интроекции. Ребёнок, пишет Хайдеггер, при подражании матери ориентируется на мать. Он исполняет бытие-в-мире матери. Он может это делать лишь

постольку, поскольку он сам есть бытие-в-мире. Ребёнок растворяется в поведении матери. Он растворяется в способах бытия-в-мире матери. «Это прямая противоположность тому, что называют интроецированностью матери. Он ещё «снаружи» захвачен (*verhaftet*) способами бытия-в-мире другого человека, своей матери» [11;237].

Мы узнаём, таким образом, что Хайдеггер рассматривает сознание *homo sapiens* как осознание внешнего мира и вместе с тем осознание себя в этом мире. Видеть так себя со своим сознанием значит смотреть на себя в просвете Бытия. Бытие (*Sein*) занимает у Хайдеггера место логоса. От Бытия, как и от логоса, исходит сказ Бытия. И здесь мы подходим к тому, чего не понял постмодернист Деррида, когда утверждал, что буквенное письмо переводит в систему произвольных и общих означающих разнородные означаемые – живые языки – и тем самым угрожает жизни. Математика оперирует знаками, но жизнь из неё не уходит, если она сама не отрывается от логоса. У Хайдеггера же сказ Бытия означает озвученность речи, и её не следует понимать как голое средство общения, как результат физиолого-физических процессов [12; 248, 253–254].

В заключение снова поставим вопрос: как подняться от восприятия, представления, понятия к идее, к идеальному миру? Наш выдающийся педагог, философ-мыслитель, специалист в области эстетических исследований К. Д. Ушинский дал образец ответа на этот вопрос в виде следующих суждений. Понятие, писал он, долго не может оторваться от тех представлений, из которых оно составилось; оно даже вовсе не могло бы от них оторваться и навсегда осталось бы в нашей душе чем-то смутным и мелькающим в толпе представлений, если бы человек не обладал духовною, ему исключительно принадлежащую, способностью облекать понятие в слово, налагать на понятие новый, произвольный значок и тем самым оканчивать и завершать процесс понятий, начинающийся, но никогда не оканчивающийся и не завершающийся в животном мире [13; 535–536].

Понятие, таким образом, находит свою завершённую форму в слове. Слово, отмечает Ушинский, выражает собой понятие, но не выражает идею; идея «лежит всегда между словами, выражается в подборе слов, но не в словах» [13; 535]. Более того, идея распоряжается мышлением: она подбирает слова для завершения процесса образования понятий и связывает слова в суждения и мысли. «Но идея не соизмерима с понятием и представлением: она выражается в их сочетаниях, но не в них самих. Строго говоря, мы мыслим не словами, не понятиями и не представлениями, а идеями, связывающими слова, понятия и представления» [14; 459]. Ушинский ссылается далее на существование идейного источника, действие которого на человека передаётся не с помощью пяти внешних чувств, а в форме внутреннего чувства. Кто-то, по его сказанию, должен отпереть таинственную дверь, за которой скрывается данный источник. А пока можно подсмотреть только одно, «что определённые требования души, по которым происходит подбор наших понятий, слов и представлений, обнаруживаются в форме внутреннего чувства, в форме недовольства, если подбираемые представление, слово или понятие не соответствуют идее, для выражения которой они подбираются» [13; 534].

Кажется, можно догадаться, что чувство удовольствия или неудовольствия, возникающее в подборе понятий, слов и представлений, есть чувство эстетического переживания и восходит оно к логосу. В сочинениях Ушинского я не встречал указания на логос, но его поиски шли в этом направлении. С чем нельзя полностью согласиться, так это с его акцентом на «произвольный значок», который налагается на понятие. Такое высказывание справедливо только в отношении математики, да и то с весьма существенными оговорками. В отношении же словесной лексики в целом это неверно, идея может быть выражена одним словом, необязательно апеллировать к сочетанию нескольких слов.

Литература

1. *Малявин В. В. Конфуций. М.: «Молодая гвардия», 1992. – 336 с.: ил.*
2. *Всемирная энциклопедия. Философия. Москва–Минск: «АСТ», «ХАРВЕСТ», «Современный литератор», 2001.*
3. *Соссюр Ф. Труды по языкознанию (пер. с французского А. А. Холодовского). М.: «Прогресс», 1977. 696 с.*
4. *Деррида, Жак. О грамматологии [электронный ресурс // URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=3849> (accessed 01.04.18) (In Russ.).*
5. *Вопросы теории и психологии творчества. Том IV: Проф. А. Л. Погодинъ, изд.-ред. Б. А. Лезинъ. Язык как творчество. Происхождение языка. Харьковъ, 1913. 559 с.*
6. *Потебня А. А. Мысль и язык (изд. 4-е). Одесса, 1922. 188 с.*
7. *Лезин Б. Художественное творчество как особый вид экономии мысли // Вопросы теории и психологии творчества. Том 1 (2-е изд., под редакцией Б. А. Лезина). Харьков, 1911 (432 с.). С. 202–243.*
8. *Овсянико–Куликовский Д. Н. Собр. соч. Т.6. (Психология мысли и чувства. Художественное творчество. Основы ведаизма). СПб.: «Прометей», 1909.*
9. *Трубецкой С. Н. Курс истории древней философии. М., 1997.*
10. *Метнер Н. К. Муза и мода // Ильин И. А. Собр. соч. в 10 т. Т. 6. Кн. 1. М., 1996 (559 с.). С. 445–533.*
11. *Хайдеггер М. Цолликоновские семинары (Протоколы – Беседы – Письма) (пер. с немецкого И. Г. Глухой). Вильнюс: Европейский гуманитарный университет, 2012. 404 с.*
12. *Бимель, Вальтер. Мартин Хайдеггер сам свидетельствующий о себе и о своей жизни (пер. с немецкого). Урал LTD, 1998. 285 с.*
13. *Ушинский К. Д. Избранные педагогические сочинения. Т.2. М., 1954.*
14. *Ушинский К. Д. Педагогические сочинения. Т.5. М.: «Педагогика», 1990. 528 с.*

Natural science assessment of postmodern approach to linguistics and literary creativity

Antipenko L.G.,

senior researcher, PhD

RAS Institute of Philosophy, Moscow, Russian Federation chistrod@yandex.ru

There are two lines of ascent to understanding the essence of the word and language. One line is gnoseological, it can be represented as a line that goes from the sensual perception to the representation, from the representation to the concept, from the concept to the idea. It has been brilliantly designed by the outstanding Russian linguist A. A. Potebnya. The second line leads from top to bottom, the beginning of it is to be just Platonic idea. This line could now be called an ontological line, taking into account its explication by Martin Heidegger's fundamental ontology.

The article shows how the synthesis of these two lines allows to confront the postmodern doctrine of arbitrariness (F. Saussur, Jacques Derrida) in the solution of the question of relationship between the signifier and signified, the sign (word) and thing (object).

Key Words: thing, word, speech, concept, idea, logos.

References

1. Malyavin V. V. Konfutsii [Confucius]. M.: «Molodaya gvardiya», 1992.— 336 s.:il.
2. Vsemirnaya entsiklopediya. Filosofiya [World encyclopedia. Philosophy]. Moskva—Minsk: «AST», «KHARVEST», «Sovremennyi literator», 2001.
3. Sossyur F. Trudy po yazykoznaniiyu (per.s frantsuzskogo A. A. Kholodovskogo) [Travaux sur la linguistique]. Moscw: «Pgogress», 1977. 696 p.
4. Derrida, Zhak. O grammatologii [elektronnyi resurs] [De la grammatologie]. Available:URL: <http://www.opentextnn.ru/man/?id=3849>
5. Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva. Tom IV. Prof. A. A. Pogodin, izd.- red. B. A. Lezin. Yazyk kak tvorchestvo. Proiskhozhdenie yazyka [Language as creativity. Origin of language]. Kharkov, 1913. 559 p.
6. Potebnya A. A. Mysl' i yazyk (izd. 4-e) [Thought and language]. Odessa, 1922. — 188 s.
7. Lezin B. Khudozhestvennoe tvorchestvo kak osobyi vid ekonomii mysli [Artistic creativity as a special kind of economy of thought] // Voprosy teorii i psikhologii tvorchestva. T.1. (2-e izd. pod redaktsiei B. Lezina). Kharkov, 1911 (559 s.), pp. 445—533.
8. Ovsyaniko—Kulikovskii D. N. Sobr.soch. T.6. (Psikhologiya mysli i chuvstva. Khudozhestvennoe tvorchestvo. Osnovy vedaizma) [(Psychology of thought and feeling. Artistic creation. The basics of Vedism)]. Saint—Petersburg.: «Prometei», 1909.
9. Trubetskoi S. N. Kurs istorii drevnei filosofii [The course of the history of ancient philosophy]. Moscow., 1997.

Антипенко Л.Г.,
Естественнонаучная оценка постмодернистского подхода
к лингвистике и литературному творчеству
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 14-23.

Antipenko L.G.,
Natural science assessment of postmodern
approach to linguistics and literary
creativity
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 14-23.

10. Metner N. K. Muza i moda [The Muse and fashion] // Iliin I. A. Sobr. coch. V 10 t. T.6. Kn.1. Moscow, 1996 (559 s.), pp. 445–449.
11. Khaidegger. Tsollikonovskie seminry (Protokoly – Besedy – Pisma) (per. s nemetskogo I. G. Gluchovoi) [Zollikonov Seminar. Protokolle – Zweigespräche – Briefe]. Vilnyus: Evropeiskii gumanitarnyi universitet, 2012. 404 p.
12. Bimel', Valter. Martin Khaidegger sam svidetelstvuyushchii o sebe i o svoei zhizni (per. s nemetskogo) [Martin Heidegger mit Selbstzeugnissen und Bilddokumenten dargestellt von Walter Biemel]. Ural LTD, 1998. 285 p.
13. Ushinskii K. D. Izbrannye pedagogicheskie sochineniya [Selected pedagogical works]. T.2. Moscow., 1954.
14. Ushinskii K. D. Pedagogicheskie sochineniya [Pedagogical works]. T.5. Moscow: «Pedagogika», 1990. – 528 p.

Концепт Спасения в повести Е.Г. Водолазкина «Лавр»¹

Дергачева И.В.,

доктор филологических наук, заместитель директора института «Иностранные языки, современные коммуникации и управление», профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», Московский государственный психолого-педагогический университет, Москва, Россия dergachevaiv@mgppu.ru

Роман Е.Г. Водолазкина «Лавр», написанный в форме жития, переносит читателя в Средневековую Русь XV века. Телеологический сюжет, характерный для средневековых проложных или синодичных текстов: Грех — Молитва — Отпущение грехов — Назидание в романе обрастает многочисленными эпизодами и сюжетными линиями, однако сохраняет свою сакральную составляющую, в нем отчетливо звучит танатологический дискурс, характерный для русской словесности.

Ключевые слова: танатологический дискурс, телеологический сюжет, пролог, синодик, грех, молитва, Страшный суд.

Для цитаты:

Дергачева И.В. Концепт Спасения в повести Е.Г. Водолазкина «Лавр» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Dergacheva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Dergacheva I.V. The concept of Salvation in the novella "Laurus" by Vodolazkin E.G. [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Dergacheva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Пролог, «древнерусский житийный сборник, ведущий свое происхождение от византийских месящесловов, или синаксарей», [8, с. 376], пользовался на Руси большой популярностью. Календарный характер Пролога (жития святых расположены в соответствии с днями их памяти, и на каждый день приходится несколько памятней и, соответственно, житий) обусловил исключительную краткость входящих в него житий. Эта краткость как нельзя более подходила для сборников разного состава, в том числе и синодиков, которые ввиду значительного объема следующего за ними Помянника не могли претендовать на большое текстовое пространство.

При анализе Пролога как источника синодичных предисловий мы опирались на его публикацию, осуществленную О. А. Державиной [7]. Приведем список названий некоторых проложных текстов, обнаруженных нами в синодичных предисловиях:

¹ Издание осуществлено при финансовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований, проект № 16-04-00523.

1.Сентября 5: Слово о юноше, сковавшем крест Патрикию, иже приложи своего злата десять златник.

2. Сентября 18: Слово о милостыни, яко дая нищему Христу дает.

3. Сентября 22: Слово св. Иоанна Милостивого о Петре мытаре.

4.Сентября 27: Слово св. Евагрия, еже не судити ближнему. «Старец некий велик и прозорлив слышав о некоем брате, впадшем в блуд и рече: "О, зло сотворил еси..."».

5. Октября 5: Слово св. Андрея о тате гробнемъ.

6.Октября 15: Слово о святемъ Андреи, како виде богатаго оумерша. «Святыи Андреи, Христа ради уродивый, виде некоего человека немилостива и сурова по смерти во гробе несома и поругаема от бесов...».

7.Октября 18: Слово о некоемъ игумене, его же искуси Христось въ образе нищаго. «Общему житию некто старейшина игумен имея под собою братии...».

8.Ноября 16: Память св. апостола и евангелиста Матфея. «Матфеи апостол и евангелист и мученик Христов поже бо егда апостол и еваггелист мучен бысть и предаст душу свою Богови, и в ту ночь явися Платону епископу...».

9. Декабря 2: Слово о Месите чародеи.

10.Января 19: Слово о спасшемся отъ болезни милостыни ради и паки раскаявся умре. «Человек некто боляи, повеле по смерти своей роздати на поминок душе церквам и нищим елико имяше...».

11. Марта 18: Слово о некоемъ воине именемъ Таксиоте воскресшемъ изъ мертвыхъ.

12.Апреля 12: В той же день преподобныя Афанасии игумении. «Рече преподобная Афанасия игумения о усопших душах. Известно вам буди, иже за душу творимое до четыредесят днии или милостыню, или альчных насыщение, или иереискыя в церкви молитвы, аще и грешни суть усопших душа, и от Бога отпущение грехов приимут...».

13.Апреля 30: Слово от патерика о некоемъ старце, иже умирая возвести братии, яко в покой грядеть. «Старец некто имея житие чисто в ските, и преставльшуся ему, братия ж начаша над ним пети надгробная пения и виде брата умершаго трижды возсмеющагося...».

Тексты этих синодичных предисловий, как правило, представляют сокращенный вариант заимствований из Пролога, повествующих о спасении души и памяти смертной. В их основе находится трехчастная композиция с жестким телеологическим сюжетом: Грех—Молитва—Отпущение грехов—Назидание или Несчастье—Молитва—Спасение—Назидание. Возможны варианты, например, отсутствие первого члена схемы, удвоение или даже умножение схемы. Второй член схемы, «Молитва», как правило, дополняется сопутствующими элементами, например, принесением «спасенной жертвы» и др.

Даже в совсем кратких интерполяциях житийного произведения содержится знакомая триада — Мучения — Молитва — Спасение: «Святыи Андреи Христа ради уродивый виде некоего человека немилостива и сурова по смерти во гробе несома и поругаема от бесовъ и оплакана от аггела хранителя. И помоли за него святыи Андреи и молитвою из муки исторже и лукавыя духи отогна» .

В тех синодичных статьях, где сюжет присутствует, он выражается телеологической конструкцией. Сюжетные компоненты не более, чем схемы, наглядно выражающие дидактическую идею автора и, соответственно, составителя Синодика. Сюжетные особенности отступают на второй план по сравнению с эсхатологической дидактикой, автор предлагает однозначное теологическое решение сюжетной коллизии. Телеологический, подсказывающий

сюжет подкрепляется и обрамляется авторскими высказываниями и назиданиями. Авторские отступления выполняют в композиционной системе синодичных предисловий ту же роль, что и телеологический сюжет, указывая читателю путь к «спасению души» и оправдывая название Синодика как «книги спасенной и душеполезной».

Так называемая «вечная» тематика древнерусских текстов определяет и манеру повествования. «Художественное абстрагирование» пронизывает поэтику синодичных предисловий. Проводится четкое разграничение персонажей на праведников и грешников, причем для грешников возможно обращение (за исключением тех, кто познал Господа, но отвергся от него). Чувства людей не описываются, но называются. Нередко статьи Пролога подвергаются правке со стороны составителей предисловий, заключающейся в том, что снимаются указания на место действия и имена действующих лиц для обобщения изображаемой ситуации. Люди изображаются как символы определенных идей. Время и место изображаемых событий не важны для составителей синодичных предисловий. Они ими пренебрегают, считая, что идея выше времени и пространства, вневременна и всеобъемлюща. Лишь для третьего члена сюжетной триады место постоянно — души грешников пребывают в аду, а праведников — в раю. Художественные особенности синодичных предисловий целенаправленно помогали донести до слушателя или читателя дидактическую идею, заключенную в Синодиках — тезис о возможности и необходимости спасения души.

Проложные сюжеты использовались и в русской классической литературе. Особое значение их интерпретация получила в творчестве Н.С. Лескова [2]. В современной русской словесности одним из ярких примеров аллюзии на сюжеты и поэтику агиографических сюжетов является роман Е.Г. Водолазкина «Лавр», написанный в форме жития. Действие переносит читателя в Средневековую Русь XV века. Арсений, главный герой романа, целитель и травник. Его невенчанная жена Устина умирает во время родов, не успев разрешиться от бремени. Горе Арсения безгранично. Целью его жизни становится искупление греха и отмаливание души Устины. Он странствует по свету, исцеляя больных. Приняв образ юродивого, он бредёт к Иерусалиму. Постригаясь в монахи, а затем и в схиму, Арсений берёт себе другое имя – Лавр.

Телеологический сюжет Грех—Молитва—Отпущение грехов—Назидание в романе Е. Водолазкина обрастает многочисленными эпизодами и сюжетными линиями, однако сохраняет свою сакральную составляющую. На протяжении романа отчетливо и явно звучит танатологический дискурс, столь характерный для русской словесности с самого начала ее существования. Арсения тема смерти интересует с ранних лет: Что такое смерть, спросил Арсений. Смерть – это когда не двигаются и молчат. Вот так? Арсений растянулся на мхе и не мигая смотрел на Христофора. Поднимая мальчика, Христофор сказал в себе: моя жена, его бабушка, тоже тогда так лежала, и потому сейчас я очень испугался. Не надо бояться, закричал мальчик, потому что я опять живой [1, с. 13, 14].

Бинарная оппозиция Жизнь/ Смерть справедливо ассоциируется у мальчика с оппозицией Земля/ Небо. Однако Арсений еще не постиг сакральность потустороннего мира, он не в состоянии видеть мир «умными очами»: В одну из прогулок Арсений спросил Христофора, где его бабушка пребывает сейчас. – На небе, ответил Христофор. В тот день Арсений решил долететь до неба. Небо давно его привлекало, и сообщение о пребывании там не виденной им бабушки сделало влечение неодолимым. В этом ему могли помочь только перья павлина – птицы безусловно райской... В первый раз Арсений не собирался на небо надолго. Он хотел лишь вдохнуть его лазурный воздух и, если получится, наконец увидеть бабушку. ... Арсений подошел к коньку, взмахнул крыльями и сделал шаг вперед. Полет его был стремителен, но недолог. В правой ноге, которая первой коснулась земли, Арсений почувствовал резкую боль... Чтобы крепла не только плоть, но и дух Арсения, он повез его в монастырь. Знаю, что собираешься на небо, сказал с порога кельи старец Никандр. Но образ

действий твой считаю, прости, экзотическим. В свое время я расскажу тебе, как это делается [1, с. 14].

Популярная в древнерусских сборниках история о маловременности сего жития, часто вспоминаемая его дедом, привлекала Арсения: На ночь Христофор рассказывал ребенку о Соломоне и Китоврасе. Эту историю оба знали наизусть и всегда воспринимали ее как в первый раз. Когда Китовраса вели к Соломону, он увидел человека, покупавшего себе сапоги. Человек захотел узнать, хватит ли этих сапог на семь лет, и Китоврас рассмеялся. Идя далее, Китоврас увидел свадьбу и расплакался. И спросил Соломон у Китовраса, почему он смеялся. Видех на человеке сем, сказал Китоврас, яко не будет до седми дний жив. И спросил Соломон у Китовраса, почему он плакал. Сжалихся, сказал Китоврас, яко жених той не будет жив до тридцати дний. Однажды мальчик сказал: Я не понимаю, почему смеялся Китоврас. Потому что знал, что этот человек воскреснет? Не знаю. Не уверен. Христофор и сам чувствовал, что лучше бы Китоврасу было не смеяться [1, с. 1617].

В книге подробно описаны эпидемии средневековой чумы, опустошающей деревни и города: Дед и внук медленно шли по улице, но только собаки рвались с цепей им навстречу. Людей не было. Когда они приблизились к дому Арсения, Христофор сказал: Дальше не ходи. Здесь в воздухе смерть. Мальчик кивнул, потому что видел ее крыла. Они витали над домом [1, с.18, 19]. Образ смерти, связанный с эпидемиями чумы, в средневековой культуре характерен для письменности и изобразительного искусства западной Европы [6].

Лейтмотивом в тексте романа проходит напоминание о бренности земного бытия: Человек сотворен из праха. И в прах обратится. Тело же человека, которое призван лечить Арсений, имеет свой сакральный смысл, ибо будет восстановлено Высшим Судиею в конце времен: Что судится телеси человеческому? Тело наше в персть разыдется. Но Господь, создавый тело из персти, наша телеса разшедшася купно восставит. Ведь это, знаешь, только кажется, что тело разлагается без следа, что смешивается с другими элементами, становясь землей, рекой, травой. Наше тело, Арсение, как разлитая ртуть, которая лежит, распавшись на мелкие шарики, на земле, но с землей не смешивается. Она лежит себе до тех пор, пока не придет некий умелец и не соберет ее обратно в сосуд. Так и Всевышний вновь соберет наши разложившиеся тела для всеобщего воскресения [1, с. 51, 52]. Полемика о составе тела при Всеобщем воскресении характерна для средневекового религиозного дискурса [3, с. 36–53].

Тема существования души волнует героев романа и в применении к животным: Да, у животных есть душа, но она соприродна их телу и заключена в крови их. И заметь: до потопа люди не ели животных, щадя их душу, ибо с телом животного душа его умирает [1, с. 51].

В романе, равно как и в средневековых сборниках, важное место уделено описанию концепта «Душа»: Что такое душа, спросил Арсений. – То, что Господь вдыхает в тело, то, что отличает нас от камней и растений. Душа делает нас живыми, Арсение. Уподоблю ее пламени, исходящему от земной свечи, но земной природы не имеющему, стремящемуся ввысь к соприродным стихиям... Душа же человеческая телу иноприродна и с телом не умирает, несть бо душа человеческа от вещи иная, но от самого Творца вдуновена благодатию [1, с.50, 51].

«Эсхатологический оптимизм» [4, с. 98], столь характерный для древнерусского эсхатологического дискурса, пронизывает мысли деда Арсения, прожившего вполне праведную жизнь, направленную на служение людям и готового ответить за нее посмертно: Еще и на кладбище. Там ведь лежат живые люди. Я видел только мертвых. Для Бога все живые. Арсений отвернулся: А я стал бояться смерти. Старец провел рукой по волосам Арсения. Сказал: Каждый из нас повторяет путь Адама и с потерей невинности осознает, что смертен. Плачь и молись, Арсение. И не бойся смерти, потому что смерть – это не только горечь расставания. Это и радость освобождения [1, с.54].

Разговоры дела и внука постоянно возвращаются к бренности бытия: Почему на могилах нет имен, спросил однажды Арсений. Потому что Господу они и так известны, ответил Христофор. А потомкам имена без надобности. Через сто лет уже никто не вспомнит, кому они принадлежали. Бывает, что и через пятьдесят. А может быть, даже через тридцать [1, с. 62, 63].

Главная задача для живых – сохранить свою душу, чтобы ответить за нее на Страшном суде. Поэтому известие о смерти двух разбойников воспринимается с радостью: И будучи человеколюбивы, вздохнули с облегчением, потому что дали усопшим надежду на Страшном Суде – если не на оправдание (святого ведь человека убили), то на снисхождение, чтобы им, претерпевшим муку зде, уменьшилась бы мука тамо [1, с. 68, 69].

Смерть Христофора описана в романе как смерть праведника, много послужившего людям. Как и полагается праведникам, он предвидит время смерти: Пришедшим к нему по некоей надобности Христофор сказал: Не глагольте ми мирская, яко боле не имам части с живыми. Расслабишася ми уды, и не возвещает се ничтоже, разве скорыя смерти и Суда Страшного Спасова будущего века [1, с. 87]. Смерть не страшна Христофору, жившему ради спасения людей и потому спасшего и свою душу: Погладив спящего мальчика по щеке, Христофор сказал Господу: В руке Твои предаю дух мой, Ты же мя помилуй и живот вечный даруй ми. Аминь. Перекрестился, лег рядом с внуком и закрыл глаза. Проснулся Арсений рано утром. Посмотрел на лежащего рядом Христофора. Вдохнул весь доступный в избе воздух и закричал. Услышав крик в монастыре, старец Никандр сказал Арсению: Не надо так громко кричать, ибо кончина его была мирной. Услышав крик в слободке, люди отложили житейское попечение и двинулись в сторону Христофорова дома. Память о добрых делах Христофора хранили их излеченные тела [1, с. 90, 91].

Эсхатологический оптимизм Христофора не свойственен Устине, женщине молодой, не успевшей послужить людям и воспринимающей предчувствуемый ею смертный час как герои фольклорных плачей:

В нашей деревне все умерли, сказала Устина, осталась только я. И страшусь часа смертного. А ты страшишься? Арсений не ответил. Устина вдруг запела неожиданно сильным высоким голосом: Душа с белым телом распроцается, прости, мое тело белое (набрала воздуха), тебе, тело, идти во сырую землю, сырой земле на предание (на горле набухла вена), лютым червям на съедение [1, с. 111].

Бойтся ее смерти и Арсений. Подобно героям древнерусских апокрифов, он в тонком сне видит исход души своей любимой и их души прощаются...

С наступлением утра Арсений заметил свет, но сделал все, чтобы не проснуться. Даже во сне он боялся обнаружить, что Устина умерла. Его охватил особый утренний ужас: наступление нового дня без Устины было для него невыносимо. Он снова напился сном до бесчувствия. Сон струился по жилам Арсения и стучал в его сердце. С каждой минутой он спал все крепче, потому что испытывал страх проснуться. Сон Арсения был так крепок, что душа его временами покидала тело и зависала под потолком. С этой небольшой, в сущности, высоты она созерцала лежащих Арсения и Устину, удивляясь отсутствию в доме любимой ею Устиной души. Увидев Смерть, душа Арсения сказала: не могу вынести твоей славы и вижу, что красота твоя не от мира сего. Тут душа Арсения рассмотрела душу Устины. Душа Устины была почти прозрачна и оттого незаметна. Неужели я тоже так выгляжу, подумала душа Арсения и хотела было прикоснуться к душе Устины. Но упреждающий жест Смерти остановил душу Арсения. Смерть уже держала душу Устины за руку и собиралась ее уводить. Оставь ее здесь, заплакала душа Арсения, мы с ней срослись. Привыкай к разлуке, сказала Смерть, которая хотя и временна, но болезненна [1, с. 159, 160].

Недаром Устина боится смерти, умирая во грехе и без причащения, она произносит свои последние слова, как бы подводя жизненный итог: Устина открыла глаза: жаль, Арсение, что я ухожу в этом мраке и смраде [1, с. 157].

Е.Г. Водолазкин, блестящий знаток древнерусских текстов, поднимает вопрос, интересующий всех воцерковленных людей, – узнает ли душа по наступлении смертного часа своих родных и любимых. В древнерусских синодиках встречается статья из Синаксаря в субботу мясопустную «Афанасии Великийи пишет, Антиоху князю глаголя, яко даже и до общаго воскресения даровася святым друг друга познавати и веселитися, грешнии же сего лишишася» [4, с. 141]У. В романе Смерть отвечает Арсению, что, если человек сохранит верность усопшему, то по смерти их души встретятся: «Узнаем ли мы друг друга в вечности, спросила душа Арсения. Это во многом зависит от тебя, сказала Смерть: в ходе жизни души нередко черствуют, и тогда они мало кого узнают после смерти. Если же любовь твоя, Арсение, неложна и не сотрется с течением времени, то почему же, спрашивается, вам не узнать друг друга тамо, идеже несть болезнь, ни печаль, ни воздыхание, но жизнь бесконечная» [с. 160, 161].

Автор последовательно рисует путь души по наступлению смертного часа тела: «Арсений начал читать последование об усопших. Он просил Господа, чтобы Устина была избавлена от сети ловчи и от словесе мятежна, чтобы не убоялась от страха ношнаго и от стрелы, летящая во дни. Время от времени оборачивался и смотрел на ее лицо. Свой голос он слышал издалека. Иногда в нем звучали слезы. Голос глухо сообщал, что Господь заповедает ангелам сохранить Устину во всех путях ее. Арсений помнил, как Устина уходила, держа за руку Смерть, как очертания ее уменьшались, пока не превратились в точку. Тогда с ней была Смерть, не ангелы. Арсений оторвал глаза от листа. Теперь ты должна быть в руках ангелов, робко обратился он к Устине. На руках возмут тя, да не когда преткнеши о камень ногу твою. Он еще раз обернулся, и ему показалось, что лицо Устины дрогнуло. Он не поверил своим глазам. Приподняв свечу, подошел ближе. Тень от Устининога носа переместилась по лицу. Двигалась не только тень: вместе с тенью изменялось лицо Устины. Это изменение не выглядело естественным, оно не соответствовало живой мимике Устины, но было в этом и что-то, не свойственное мертвецу. Устина была если не совсем живой, то как бы не вполне и мертвой. Арсений испугался, что может упустить замеченные им в Устине ростки жизни. Заморозить их, например. Только сейчас он ощутил, что за прошедшие сутки изба выстудилась. Он бросился к печи и разжег в ней огонь. От волнения руки Арсения тряслись. Ему вдруг пришло в голову, что все зависит от того, как скоро сейчас удастся развести огонь. Через несколько минут дрова уже потрескивали. Арсений все еще не оглядывался на Устину, давая ей время привести себя в порядок. Но Устина не вставала. Чтобы не спугнуть ростки жизни в Устине, Арсений решил сделать вид, что он их не заметил. Он продолжил читать последование об усопших. За ним стал читать псалмы. Он читал их не торопясь и внятно произнося каждое слово. Дошел до конца Псалтири и задумался. Решил прочесть ее еще раз. Закончил под утро [1, 163–165].

Одной из центральных тем романа является ключевая для средневековой онтологической мысли тема ожидания Страшного суда по истечении 7000-го года от Сотворения мира: Если ты действительно умерла, сказал Арсений Устине, я должен сохранить твоё тело. Я ожидал, что оно тебе понадобится в ближайшей перспективе, но раз это не так, приложим все усилия, чтобы сохранить его для грядущего всеобщего воскресения. Прежде всего, разумеется, прекратим топить печь, которая способствует разложению тканей. Здесь уже и так летают мухи, не характерные для месяца ноября, и их появление меня, честно говоря, удивляет. Особенно меня беспокоит наш с тобой сын, он выглядит очень плохо. В сущности, наша задача не так сложна, как это может показаться на первый взгляд. По словам деда моего, Христофора, в год от Сотворения мира 7000-й вполне возможен конец света. Если исходить из того, что на дворе год 6964-й, продержаться нашим телам осталось тридцать шесть лет. Согласись, что в сравнении с временем, истекшим от мироздания, это не так уж много. Сейчас наступают холода, и всех нас слегка подморозит. Затем, конечно, еще тридцать шесть раз

наступит лето (оно бывает жарким даже в наших краях), но ко времени тепла мы уже как-то закрепимся в своем новом положении, ибо первые месяцы – они не только трудные, но и решающие [1, с. 168–169].

Е.Г. Водолазкин подробно описывает посмертную участь так называемых заложных покойников, погребаемых в скудельницах: Скудельница, или божедомка, располагалась на холме в двух верстах от Христофорова дома. Там лежали погибшие от мора, странники, удушенные, некрещенные младенцы и самоубийцы. Те, кого покрывала вода, и брань пожара, и убийцы убиша, и огонь попали. Внезапу восхищенныя, попадаемая от молний, измершие мразом и всякою раною. Жизнь этих несчастных была разной, и не она их объединяла, потому что сходство их состояло в смерти. Это была смерть без покаяния. Умерших такой смертью не отпевали и на общих кладбищах не хоронили. Их отвозили в скудельницу. Там тела опускали на дно глубокой ямы и закладывали сосновыми ветвями. Так покойники становились заложными. Они лежали в общей яме, томясь от своей неприкаянности. Их серые, запорошенные песком лица нет-нет да и выглядывали из-под ветвей. Особенно грустным зрелище было весной, когда таявший снег сдвигал ветви с их мест. Тогда заложные покойники представляли в самом неприглядном своем виде – лишенные глаз и носов, с руками и ногами, сползшими на соседние тела, – словно в обнимку друг с другом. Но по безграничной милости Господа и Спаса нашего Иисуса Христа и их участь не была безнадежна. В четверг седьмой недели по Пасхе из Кирилло-Белозерского монастыря приезжал иерей и заложных покойников отпевал. Этот день назывался Семиком [1, с.174, 175]. В описании заложных покойников звучит тема сострадания к людям, окончивших жизнь разными страшными видами смерти и принявших смертный час без покаяния. Данный текст перекликается с Молитвой об усопших, умерших без покаяния, входившей в 1-ую редакцию древнерусского синодика, принадлежащую перу Иосифа Волоцкого, а позднее прилегавшей к синодичным предисловиям разных редакций [4, с. 126].

Арсений, переживший смерть любимой и сына, остается жить, чтобы отмолить их души и заслужить им царство небесное. Он спасает множество людей, исцеляя их тело травами, а душу молитвой. Кого не удастся исцелить, таких он просит передать привет своим любимым усопшим. В Иерусалим Арсений отправляется с той же целью: «Карп звал тебя в небесный Иерусалим, а ты не стал ему попутчиком. Это и понятно: ты не пойдешь туда без Устины. Но отправься в Иерусалим земной, чтобы попросить о ней у Всевышнего» [1. с. 201]. Эсхатологический дискурс описывается Е.В. Водолазкинским в межкультурной коммуникации – в Иерусалим Арсений отправляется еще с одним одаренным видеть мир умными очами человеком – итальянцем Амброджо, внимание которого к эсхатологии кажется ему «достойным поощрения»: «Меня послал к тебе посадник Гавриил, сказал Амброджо. Он хочет. Чтобы ты стал моим спутником в Иерусалим. Я исхожу из того, что конец света наступит не раньше 7000 года, 1492-го от Рождества Христова» [1, с. 202]. Далее приводятся расчеты Амброджо, напоминающие расчеты Пасхалий знаменитого математика средневековой Руси Кирика Новгородца [5]. Посвящая Арсения в тайну летоисчисления, Амброджо открывает ему символичность чисел «Числа, Арсение, имеют свой высший смысл, ибо отражают ту небесную гармонию, о которой ты спрашиваешь» [1, с. 203].

Путешествие в Иерусалим в романе является аллюзией на знаменитые в древнерусской литературе Хождения, но назидательные истории обрастают сюжетными подробностями, поэтика которых характерна для литературы нового времени (см., например, историю искушения Арсения женой корчмаря, чудесное исцеление раскаявшегося корабельщика, провидение Амброджо перемещения мощей преп. Евфросинии Полоцкой и пр.). Космология предстает перед путешественниками исполненной тайн: Правда ли, что есть многорукие чудовища, спросил Арсений. – О таких не слышал, ответил Амброджо, но, путешествуя к востоку от Руси, один мой соотечественник видел чудовищ, у которых была только одна рука, да и та на середине груди. Плюс одна нога... По голосу итальянца Арсению показалось, что тот

улыбаются. Арсений же был серьезен. Он поражался огромному черному миру, который раскинулся за их спинами. Этот мир заключал в себе много неизвестного, таил опасности, шелестел на ночном ветру листвою и мучительно скрипел ветками [1, с. 434, 435].

Временной хронотоп описан в романе максимально исполненным вневременной сакральности: Амброждо расстегнул верхние пуговицы кафтана. Я скажу странную вещь. Мне все больше кажется, что времени нет. Все на свете существует вневременно, иначе как мог бы я знать небывшее будущее? Я думаю, время дано нам по милосердию Божию, чтобы мы не запутались, ибо не может сознание человека впустить в себя все события одновременно. Мы заперты во времени из-за слабости нашей [1, с. 463].

Герои обсуждают связь большой и малой эсхатологии, очевидной для средневекового человека: Значит, по-твоему, и конец света уже существует, спросил Арсений. – Я этого не исключаю. Существует ведь смерть отдельных людей – разве это не личный конец света? В конце концов, всеобщая история – это лишь часть истории личной [1, с. 463, 464]. Репликой польского купца Владислава остроумно подмечена склонность русского человека к танатологическому дискурсу: Я слышал, как вы говорили о смерти, сказал купец. Вы, русские, очень любите говорить о смерти [1, с. 464].

Защищая «лампаду в память о дочери псковского посадника Анне, яже в реце утопи», сраженный мамлюком, Амброждо погибает, не дождавшись долгожданного конца света, и в далекой Палестине не позолоченный, а вполне реальный ангел возносил к небу душу итальянца Амброждо Флеккиа [1, с. 590].

На протяжении романа повторяется обсуждение сакральных особенностей временного хронотопа «Монастырское время действительно смыкается с вечностью, сказал старец Иннокентий, но не равно ей. Путь живых, Амвросие, не может быть кругом. Путь живых, даже если они монахи, разомкнут, ведь без выхода из круга какая же. Спрашивается, свобода воли? И даже когда мы воспроизводим события в молитве, мы не просто вспоминаем их. Мы переживаем эти события еще раз, а они еще раз происходят..... Возлюбив геометрию, движение времени уподоблю спирали. Это повторение, но на каком-то новом, более высоком уровне... [1, с. 626, 627]. Ход времени провиденциален: Древо познания приводит человечество к смерти, а кресное древо дарует человечеству бессмертие. Помни, Амвросие, что повторения даны для преодоления времени и нашего спасения [1, с. 628].

Постепенное осознание правильности единственно возможного пути приносит Амвросию постепенное умиротворение: А потом слезы печали сменились слезами благодарности. Он благодарил Всевышнего за то, что Устина не осталась без надежды, а он, Амвросий, может просить о ней, пока жив, и трудиться в духовное ей благо. Слезы благодарности у Амвросия вызывало то, что он все еще жив, а значит, способен совершать добрые дела. Амвросий благодарил господу за великое множество исцеленных, за предоставленную им возможность жить в то время, когда они должны были быть мертвыми и не способными более к совершению добрых дел [1, с. 636].

В монастырском скриптории из-под пера Амвросия выходили патериковые рассказы, из которых самый известный – о преподобном Марке, просившем усопшего пожить, пока он не подготовит ему могилу. История о воине, впадшем в блуд с женой земледельца, раскрывает перед читателем ужасающие картины мытарства души воина, обреченной на страшные мучения до Страшного суда, но спасенной ангелами. Переписывает он и популярный в синодиках рассказ о избавлении от страшных мук благочестивой царицей с помощью молитв в первую неделю великого поста души царя иконоборца Феофила, причем аллюзия в этом тексте содержится не только на предисловие литературного синодика, но и Чин православия, читаемый в престольных храмах в первую неделю великого поста.

18 августа года седмтысячного от Сотворения мира в храме успения Пресвятой Богородицы Амвросий принял схиму [1, с. 668]. Так, несмотря на то, что ожидаемый конец света так и не наступил, еще при жизни закончился земной путь человека, прошедшего все части средневековой триады «Грех—Молитва—Отпущение грехов» и его жизнь, изображенная в виде жизни типичного художественного образа средневекового праведника представляет нашим современникам назидание (четвертая часть средневековой телеологической схемы) не забывать о часе смертном и настоятельно заботиться о душе, следуя путем, рекомендованным в Евангелии: потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их (Матф.7:14).

Литература

1. Водолазкин Е.Г. *Лавр. Неисторический роман*. М., 2013.
2. Водолазкин Е.Г. *Интерпретация древнерусского Пролога Н.С. Лесковым // Новгород в культуре Древней Руси: Материалы чтений по древнерусской литературе. Новгород, 1995.*
3. Дергачева И.В. *Посмертная судьба и «иной мир» в древнерусской книжности*. М., 2004.
4. Дергачева И.В. *Древнерусский Синодик: исследования и тексты. Памятники древнерусской мысли: исследования и тексты. Вып. VI*. М., 2011.
5. Дергачева И.В. *Развитие Иваном Саниным некоторых творческих интенций Кирика Новгородца // Новгородика 2012. У истоков российской государственности. 24–26 сентября 2012. Великий Новгород, 2013.*
6. Дергачева И.В. *Русская и европейская танатологические парадигмы XIV–XVII в. (на материале Синодиков и макабрических сюжетов) // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. № 2 (68). М., 2017. С. 69–75.*
7. Державина О. А. *Древняя Русь в русской литературе XIX века. Пролог. Избранные тексты*. М., 1990. С. 193—391.
8. Фет Е. А. *Пролог // Словарь книжников и книжности Древней Руси. XI—первая половина XIV в. Л., 1987.*

The concept of Salvation in the novella "Laurus" by Vodolazkin E.G.

Dergacheva I.V.,

Doctor of Philology, Deputy Director of the Institute of Foreign Languages, Modern Communications and Management, professor of the "Linguodidactics and Crosscultural Communication" chair, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

The novel "Laurus" by E.G. Vodolazkin, written in the form of life, takes the reader to Medieval Russia of the XV century. The teleological plot, characteristic of medieval or synodic texts: Sin-Prayer-Absolution of sins-Edification in the novel is overgrown with numerous episodes and plot lines, but retains its sacral component, it clearly sounds the thanatological discourse, characteristic of Russian literature.

Key Words: tanatological discourse, teleological plot, prologue, synodic, sin, prayer, Last Judgment.

References

1. Vodolazkin E.G. Lavr. Neistoricheskij roman. M., 2013.
2. Vodolazkin E.G. Interpretaciya drevnerusskogo Prologa N.S. Leskovym // Novgorod v kul'ture Drevnej Rusi: Materialy chtenij po drevnerusskoj literature. Novgorod, 1995.
3. Dergacheva I.V. Posmertnaya sud'ba i «inoj mir» v drevnerusskoj knizhnosti. M., 2004.
4. Dergacheva I.V. Drevnerusskij Sinodik: issledovaniya i teksty. Pamyatniki drevnerusskoj mysli: issledovaniya i teksty. Vyp. VI. M., 2011.
5. Dergacheva I.V. Razvitie Ivanom Saninyom nekotoryh tvorcheskih intencij Kirika Novgorodca // Novgorodika 2012. U istokov rossijskoj gosudarstvennosti. 24–26 sentyabrya 2012. Velikij Novgorod, 2013.
6. Dergacheva I.V. Russkaya i evropejskaya tanatologicheskie paradigmy XIV–XVII v. (na materiale Sinodikov i makabricheskikh syuzhetov) // Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki. № 2 (68). M., 2017. S. 69–75.
7. Derzhavina O. A. Drevnyaya Rus' v russkoj literature XIX veka. Prolog. Izbrannye teksty. M., 1990. S. 193—391.
8. Fet E. A. Prolog // Slovar' knizhnikov i knizhnosti Drevnej Rusi. XI—pervaya polovina XIV v. L., 1987.

ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ УСТНО- РАЗГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ

Зайцев А.А.,

кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой русского языка и культуры речи, РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева a.zaizev@mail.ru

Гнездилова Е.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры связей с общественностью и речевой коммуникации, РГАУ-МСХА имени К.А. Тимирязева, gnezdilovaelena@mail.ru

С одной стороны, статья посвящена анализу особенностей функционирования во французских устно-разговорных текстах категории связности. С другой стороны, в работе затрагивается вопрос о статусе устно-разговорной речи как функциональной разновидности современного французского литературного языка.

Ключевые слова: текст, категория связности, устно-разговорная речь.

Для цитаты:

Зайцев А.А., Гнездилова Е.В. ОСОБЕННОСТИ ВЫРАЖЕНИЯ ТЕКСТОВОЙ КАТЕГОРИИ СВЯЗНОСТИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ УСТНО-РАЗГОВОРНЫХ ТЕКСТАХ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Zaitsev_Gnezdilova.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Zaitsev A.A., Gnezdilova E.V. THE TRAITS OF FUNCTIONING COHESION CATEGORY IN FRENCH ORAL-COLLOQUIAL TEXTS [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Zaitsev_Gnezdilova.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Сложная система взаимосвязей языковых знаков является одной из главных предпосылок коммуникации и служит основой для выражения совокупного содержания текста. Поэтому изучение любого текста целесообразно начинать с выявления характера его связности.

Действительно, «связность – это первое, с чем имеет дело получатель, воспринимая готовый текст» [4, с. 22]. Связным считается такой отрезок текста, который содержит в себе информацию, заложенную в предшествующих компонентах текста. Связь этих компонентов вытекает из единства темы и обусловлена развитием тематического цикла, строящегося по формуле: тема1 → рема1 – одного высказывания – тема2 (из ремы1) → рема2 последующего высказывания. Такая связь высказываний в тексте по линии актуального членения приводит к глубокому взаимодействию высказываний в структурном и семантическом аспектах. Причем следует заметить, что при тематическом развертывании присоединение новых тематических элементов к уже известным может осуществляться не только к известному элементу,

выраженному в непосредственно предшествующем предложении, т.е. частному элементу одного предложения, но и к элементу, вытекающему из ранее выраженных предложений, т.е. к элементу доминирующей темы, общей для предложений связной тематической единицы.

Все исследователи, занимающиеся изучением текста, выделяют в нем средства связи. Однако описываются и классифицируются они по разным признакам, исходя из общей концепции исследований.

Так, Л.М. Лосева дает описание формальных средств связи, выделяя контактные, диктантные и цепные виды связи в сверхфразовых единствах (далее - СФЕ) и грамматические средства связи [3]. О формальных средствах связи говорит и Н.Д. Зарубина: описание координации, инверсионности, инкомплетивности, прономинальности как частных значений категории последовательности, выявляющихся в пределах одного СФЕ [2]. О.И. Москальская [6], Е.А. Реферовская [7], И.Р. Гальперин [1], Т.В. Матвеева [5] и другие исследователи описывают как структурные, так и смысловые средства связи в тексте.

В современной французской устной разговорной речи большую роль в соединении высказываний в одно текстовое целое играют отношения между номинациями. В акте референции устанавливаются отношения идентичности номинаций с экстралингвистическими объектами, либо отношения семантической смежности номинаций, либо отношения неидентичности и несмежности номинаций.

К основным способам выражения референтной идентичности относятся: простое местоименное замещение (анафора), повтор номинации, синонимическое замещение, обобщающее замещение (повтор на уровне предложения), повтор номинации с местоименным или адъективным идентификатором.

Анализ собранного материала показывает, что для текстов французской устной разговорной речи весьма характерен дословный повтор как способ выражения номинации, обеспечивающий связь между предложениями. Ср.: – Euh, j'ai quarante cinq ans donc euh, comme vous pourrez (rire) vous en apercevoir. Je fais le metier de marin de commerce. Euh, je suis marié à Françoise euh

– Euh, tu f/ tu as toujours fait ce metier?

– Pratiquement, je fais ce metier depuis mille neuf cent quatre vingt un en, sans discontinuer sinon je l'ai fait un petit peu avant soixante dix neuf. J'ai arrêté euh au bout de, de trois quatre mois de euh de navigation. [8]

В приведенном примере наблюдается дословный повтор не только отдельного слова, но и целого устойчивого сочетания. Вот еще материал, иллюстрирующий дословный повтор номинации. Ср.: – Ben, déjà peut-être parce que je suis venue à Paris euh, euh, j'avais dix-neuf ans déjà. Donc j'ai pas été élevée ici à Paris. J'ai quand même gardé des, des habitudes, des traditions.

– Par exemple ?

– Ben.

– Les habitudes ?

– Ben, les habitudes, moi je, je vis un peu, je vis un peu comme là bas hein. Je suis pas, je, je suis pas, euh, comme on dit, peut-etre j'ai encore de la paille dans mes sabots, c'est-a-dire que. [8]

Нередко используется усеченный зацепляющий повтор, представляющий собой структурный подвариант повтора номинации с опущением компонента номинационной цепочки. Ср.: – Est-ce que tu te souviens des, fin des, comment dire, des, des choses spciales?

– Oui, il y a plein de choses. En gnral on va chercher des gens qui sont en panne. Avec le bateau souvent. [8]

Другим важным средством связи во французской устной разговорной речи является простое местоименное замещение (прономинальная анафора). Ее средством выражения служит анафорическое местоимение *il, elle, ils* и др. Ср.: – Et à Paris, c'est plutôt.

– Ah steak frites, moules frites, poulet frites?

– Ah oui. Poulet frites, steak frites. Bon, les gens, moi je vois j'ai des amis qui sont vraiment Parisiens, euh, ils font pas de soupe le soir. Parce que

– Qu'est-ce qu'ils mangent? [8]

Свое место во французской устной разговорной речи при связи предложений находит и синонимическое замещение, хотя в отличие от таких функциональных разновидностей литературного языка, как художественная и публицистическая речь, здесь оно представлено довольно слабо. Ср.: – On passe du temps à eplucher les légumes. Tu te rends compte, tu passes du temps tu prends, tu as qu'à acheter de, des soupes toutes prêtes.

– Oui, ils descendent au magasin, ils vont chercher euh les plats cuisinés, les choses comme ça. [8]

Таким образом, проведенное исследование показывает, что в современной французской устной разговорной речи используются прежде всего общезыковые средства выражения связности, функционирование которых обусловлено ее функционально-стилевой направленностью, и уже затем некоторые специфические средства текстовой организации, присущие только данной разновидности. Разумеется, приведенный перечень языковых средств выражения связности в современной французской устной разговорной речи может быть дополнен, а обсуждение проблем связности как текстовой категории на этом не заканчивается.

Литература

1. Гальперин И.Р. Текст как объект лингвистического исследования. М.: Наука, 1981. 139 с.
2. Зарубина Н.Д. Текст: лингвистический и методический аспекты. М.: Рус. яз., 1981. 112 с.
3. Лосева Л.М. Как строится текст. М.: Просвещение, 1980. 93 с.
4. Лукин В.А. Художественный текст. Учебник для филологических специальностей вузов. – М.: Ось-89, 1999. – 192 с.
5. Матвеева Т.В. Стилистика текстовых категорий // *Stylistyka*. 1997. №6. С. 185-198.
6. Москальская О.И. Грамматика текста. М.: Высш. шк., 1981. 183 с.
7. Реферовская Е.А. Коммуникативная структура текста. Л.: Наука, 1989. 167 с.
8. <https://public.projet-pfc.net/hyperaudio/index.php?folder=21ama1&type=g>

THE TRAITS OF FUNCTIONING COHESION CATEGORY IN FRENCH ORAL-COLLOQUIAL TEXTS

Zaitsev A.A.,

PhD in Philology, associate-professor, Head of department of the Russian Language and Speech Culture, Russian State Agrarian University-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, a.zaizev@mail.ru

Gnezdilova E.V.,

PhD in Philology, Associate-professor of department of Public Relations and Voice Communication, Russian State Agrarian University-Moscow Timiryazev Agricultural Academy, Moscow, Russia, gnezdilovaelena@mail.ru

On the one hand, the article is dedicated to analyzing the traits of functioning cohesion category in French oral-colloquial texts. On the other hand, the paper touches upon the issue of the oral-colloquial speech statues as the modern French literary language variety.

Key Words: text, cohesion category, oral-colloquial speech.

References

1. Gal'perin I.R. Tekst kak ob"ekt lingvisticheskogo issledovaniya. M.: Nauka, 1981. 139 s.
2. Zarubina N.D. Tekst: lingvisticheskij i metodicheskij aspekty. M.: Rus. yaz., 1981. 112 s.
3. Loseva L.M. Kak stroitsya tekst. M.: Prosveshchenie, 1980. 93 s.
4. Lukin V.A. Hudozhestvennyj tekst. Uchebnik dlya filologicheskikh special'nostej vuzov. – M.: Os'-89, 1999. – 192 s.
5. Matveeva T.V. Stilistika tekstovyh kategorij // Stylistyka. 1997. №6. S. 185-198.
6. Moskal'skaya O.I. Grammatika teksta. M.: Vyssh. shk., 1981. 183 s.
7. Referovskaya E.A. Kommunikativnaya struktura teksta. L.: Nauka, 1989. 167 s.
8. <https://public.projet-pfc.net/hyperaudio/index.php?folder=21ama1&type=g>

ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОН СЛОВА «ЖИЗНЬ» В НОВОСТНЫХ ЗАГЛАВИЯХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

Сидорченко К.М.,

аспирант кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета
«Иностранные языки» ФГБОУ ВО МГППУ

В статье представлен анализ полисеманта «жизнь» в новостных заглавиях на русском и английском языках. Также исследование посвящено описанию лексического фона и его функционированию в заглавиях СМИ.

Ключевые слова: слово, значение, ассоциация, контекст, содержание слова, лексический фон, заглавие.

Для цитаты:

Сидорченко К.М. ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОН СЛОВА «ЖИЗНЬ» В НОВОСТНЫХ ЗАГЛАВИЯХ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Sidorchenko.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Sidorchenko K.M. THE LEXICAL BACKGROUND OF THE WORD "LIFE" IN NEWS HEADINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Sidorchenko.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В языке есть слова, с помощью которых выражается оценка, мнение, чувства, эмоции. Когда что-то нравится: восхитительно, великолепно, отлично. Если собеседник нам рассказывает какую-либо ситуацию, то мы выражаем свой интерес: хорошо, удивительно, поразительно. Эти слова вызывают ассоциации, потому что они связаны с контекстом, который объясняет их уместное употребление в речи и их семантическое значение.

Данное явление описано в трудах Е.М.Верещагина и В.Г.Костомарова. Во-первых, семантика слова одним лексическим понятием не исчерпывается. Слова, эквивалентные в понятийной области, расходятся в другой сфере своей семантики. Во-вторых, Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров используют членение содержания самого слова [1, с. 496]. Это ясно показано на примере отличия слов «кресло» и «табуретка». Содержание первого слова состоит из ассоциаций: спинка, подлокотники, мягкая обшивка, удобно, комфортно. Эти «фоновые знания определяют место слова в лексической системе и его употребление в речи» [2, с. 38].

Но в своей речи, если хотим сказать слово «кресло», мы не станем перечислять его составляющие, а просто назовем слово. Е.М.Верещагин и В.Г.Костомаров вводят понятие «лексический фон» - «составляющие содержание слова, которые не участвуют в опосредованной языком деятельности человека» [1, с. 497]. То есть лексический фон - вся совокупность свойственных обыденному языковому сознанию сведений, относящихся к слову.

Есть слово и есть контекст, определяющий место слова в лексической систем, именно: чтобы у адресата, кому направлена речь, возникла правильная ассоциация. Поэтому лексический фон необходим для уместного использования слов.

Есть множество приемов создания изящного, броского заголовка. Ни для кого не секрет, что уже давно в современной журналистике преобладает некая тенденция «модных» заголовков. Способов создания подобных заголовков – огромное количество: употребление известных цитат, выражений, крылатых фраз, названий знаменитых фильмов. Безусловно, если часть заглавия содержит прецедентный текст, ссылающийся на одно из вышеперечисленного, то у читателя возникает определенная ассоциация. Наиболее подходящий пример – слово «жизнь», в новостных заглавиях. Оно употребляется как в прямом, так и в ином значении и является полисемантом. Например: Федор Бондарчук: «Кино — это вся моя жизнь, без этого я не смогу» (<http://www.ok-magazine.ru/stars/interview/73355-fedor-bondarchuk-kino-eto-vsya-moya-zhizn-bez-etogo-ya-ne-smogu>).

Пример подобран таким образом, что слово «жизнь» и контекст, относящийся к нему, находятся не только в содержании статьи, но и в самом заглавии. Здесь, на наш взгляд, знаменитый режиссер Федор Бондарчук с помощью слова «жизнь» хочет выразить отношение к своей работе. Режиссер настолько любит свою работу, что называет ее «жизнью».

Можно графически выделить следующие конструкции использования слова «жизнь»:

Это моя жизнь (It's my life) – в смысле: поступать так, как самому хочется.

Ты моя жизнь (you are my life) – в смысле: высоко ценить и любить кого-то.

<...> - моя жизнь (<...> - my life) – в смысле: жить только одним <...> (жить работой).

Если провести лексикографический анализ слова «жизнь», то получим следующие данные:

1. Особая форма существования материи.

Возникновение жизни на земле.

2. Физиологическое состояние живого организма.

Беречь жизнь. Дорожить жизнью.

3. Полнота проявления физических и духовных сил.

Кто-либо полон жизни. В нём много энергии, много жизни.

4. Время, период существования от рождения до смерти.

Короткая, долгая жизнь.

5. Совокупность всего пережитого и сделанного человеком.

Жизнь замечательных людей.

6. Деятельность общества и человека в тех или иных её проявлениях, в различных областях, сферах.

Хозяйственная жизнь страны. Жизнь государства.

7. Реальная действительность; бытие.

В окружающей жизни немало интересного.

В собственных примерах выделено только три значения, когда Большой толковый словарь русского языка [3] содержит семь значений слова «жизнь».

Другой пример: Художник в квадрате: удивительная жизнь Казимира Малевича (<https://mir24.tv/articles/16293076/hudozhnik-v-kvadrate-udivitelnaya-zhizn-kazimira-malevicha>).

Здесь авторское выражение «художник в квадрате», конечно же, заимствовано из названия знаменитой картины «Квадрат Малевича». Уже этот факт ясно указывает на то, что «художник в квадрате» - прецедентный текст с отсылкой к «Квадрат Малевича». Но автор статьи сравнивает «жизнь» знаменитого художника с «квадратом». На такую ассоциацию указывают факты из биографии Малевича, описанные в самой статье. Данный пример подходит под один из пунктов в толковом словаре: 5. Совокупность всего пережитого и сделанного человеком. «Жизнь замечательных людей».

Следующее использование семантики слова 'жизнь': Надежда длиною в жизнь (<https://www.golos-ameriki.ru/a/patterson-seach-for-brother/4256563.html>).

Здесь слово «жизнь» ассоциируется с единицей измерения (настолько длинной, что пришлось употребить слово «жизнь»). Поэтому в данном заголовке «жизнь» ассоциируется с очень длинным промежутком времени. Однако ни к одному из пунктов дефиниций в Большом толковом словаре данное значение не подходит. Поэтому мы можем графически выделить конструкцию:

<...> длиною в жизнь – в смысле: очень большой промежуток времени.

В результате анализа был выявлен лексический фон в СМИ. Описывая его функциональные способности в заглавиях, следует выделить вытекающие термины:

1. План выражения слова - это понятия, ассоциации, соответствующие обыденному уровню отражения действительности:

ты моя жизнь – любовь;

кино - вся моя жизнь – работа;

длинною в жизнь – время.

2. План содержания слова – составляющие – (контекст) определяют место слова в лексической системе:

3. Прецедентный текст – отсылка – заимствование из цитаты, названия фильма и т.д.:

Художник в квадрате: удивительная жизнь Казимира Малевича.

Данная статья является демонстрацией работы лексического фона. Среди примеров были только новостные заглавия из русскоязычных источников. Теперь необходимо рассмотреть механизм создания и работы заглавий в англоязычных СМИ.

Данное заглавие из англоязычных СМИ: Life Is Heald: Parkland reaction to ban the guns is forgetting about those who pull the trigger (<https://amp.naplesnews.com/amp/367840002>).

Выражение «Life Is Heald» является прецедентным текстом в американской культуре. В статье с данным заголовком есть контекст: «“Life is Heald” is not a humor column today. When your wife is a school teacher and you have three boys in school, you don’t write a humor column on such a day». Это объясняет не только само выражение «Life Is Heald» в американской культуре, но и его использование в заголовке. Он построен на языковой игре с эффектом обманутого ожидания. Выражение «Life Is Heald» ассоциируется в США с юмором. Однако продолжение в заголовке содержит трагические моменты: «...Parkland reaction to ban the guns is forgetting about those who pull the trigger». Это событие стрельбы в школе во Флориде.

Следующий пример: 'Life should mean life' for attacker (<http://www.bbc.com/news/av/uk-scotland-tayside-central-43156044/life-should-mean-life-for-attacker>) - заголовок построен на обманутом ожидании. Знаменитое англоязычное выражение «Life should mean life» обыгрывается продолжением заголовка «...for attacker». Статья содержит контекст, объясняющий заглавие: «Robbie McIntosh was sentenced and given a lifelong restriction order». В данном случае выражение «Life should mean life» ассоциируется с пожизненным тюремным сроком.

Американские исследователи создали специальный сервис – инструмент «онлайн-анализатор заглавий» [4]. Он представляет собой анализ общей структуры, грамматики и читаемости заголовка. Проанализировав заглавие «Life Is Heald: Parkland reaction to ban the guns is forgetting about those who pull the trigger», исследователи получили следующие данные с последующими терминами:

Common words – составляют основную структуру заголовка; Uncommon words – благодаря этим словам заголовок обогащается headline substance; Emotional words – вызывают у читателя эмоциональный отклик; Power words or phrases – указывают на intense trigger words (предпосылка, источник), которые акцентируют внимание читателя [4].

Если провести параллель между англоязычными и русскоязычными терминами, то можно выявить общие составляющие («табл.1»).

В английском языке	В русском языке
Common words – составляют основную структуру заголовка	План выражения слова - это понятия, ассоциации, соответствующие обыденному уровню отражения действительности План содержания слова – составляющие - определяют место слова в лексической системе
Uncommon words – (жизнь) благодаря этим словам, заголовок обогащается headline substance (фишка заголовка)	Определенное слово (жизнь) благодаря этим словам, заголовок обогащается headline substance (фишка заголовка)

Power words or phrases – указывают на intense trigger words (предпосылка, источник), которые акцентируют внимание читателя	Прецедентный текст – отсылка – заимствование из цитаты, названия фильма
--	--

Таким образом, исследование показало, что можно считать что история изучения лексического фона, введенного Е.М.Верещагиным и В.Г.Костомаровым сохраняет свою актуальность. Актуальность и новизна подтверждаются использованием лексического фона в СМИ. Это позволяет не только создавать трендовые заглавия, но и правильно их воспринимать. Понятие «лексический фон» относится только к русской филологии. Однако настоящее исследование показало, что и американские лингвисты также проводят исследования в данной области и их терминология во многом заимствуется из российской.

Литература

1. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Язык и культура*, М.: Индрик, 2005.
2. Верещагин Е.М., Костомаров В.Г. *Лингвострановедческая теория слова*, М.: Русский язык, 1980.
3. Дергачева И.В. *Жанровое своеобразие русских синодиков и западноевропейские параллели/ Жанры и формы в письменной культуре средневековья. Материалы конференции. Институт мировой литературы им. А.М.Горького РАН. 2005. Стр7 81-104.*
4. Кузнецов С.А. *Большой толковый словарь русского языка. [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>*
5. *Онлайн - анализатор заглавий СМИ [Электронный ресурс]. — Режим доступа: — URL: <https://coschedule.com>*

THE LEXICAL BACKGROUND OF THE WORD "LIFE" IN NEWS HEADINGS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Sidorchenko K.M.,
*graduate student of the "Linguodidactics and Crosscultural Communications" chair,
Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia*

The paper reviews analyses of polysemantic «life» in news headlines in russian and english. This researching represent the description of lexical background and functioning of lexical background in mass medias headlines.

Key Words: words, meaning, association, context, content of word, lexical background, headline.

References

1. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. YAzyk i kul'tura, M.: Indrik, 2005.
2. Vereshchagin E.M., Kostomarov V.G. Lingvostranovedcheskaya teoriya slova, M.: Russkij yazyk, 1980.
3. Dergacheva I.V. ZHanrovoe svoeobrazie russkih sinodikov i zapadnoevropejskie paralleli/ ZHanry i formy v pis'mennoj kul'ture srednevekov'ya. Materialy konferencii. Institut mirovoj literatury im. A.M.Gor'kogo RAN. 2005. Str7 81-104.
4. Kuznecov S.A. Bol'shoj tolkovyj slovar' russkogo yazyka. [EHlektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: — URL: <http://gramota.ru/slovari/info/bts/>
5. Onlajn - analizator zaglavij SMI [EHlektronnyj resurs]. — Rezhim dostupa: — URL: <https://coschedule.com>

Молнар А.А.,
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.,
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

Новейшие тенденции в области развития программ обучения нескольким родственным языкам одновременно в европейских странах

Молнар А.А.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров
государственного управления ИГСУ РАНХ и ГС, г. Москва, Россия, lomnar@mail.ru

В статье рассматривается история развития программ межъязыковой компетенции, представляется практический опыт обучения студентов по новому направлению в некоторых ВУЗах Европы (на примере университета г. Гренобль, Франция), анализируются трудности, с которыми столкнулись разработчики в ход реализации программ, а также рассматривается нынешнее положение дел в этой области, перспективы развития, проводится обзор обучающих сайтов, разработанных с этой целью.

Ключевые слова: учебные программы, родственные языки, европейские университеты, история одновременного обучения нескольким языкам, перспективы развития программ обучения иностранным языкам.

Для цитаты:

Молнар А.А. Новейшие тенденции в области развития программ обучения нескольким родственным языкам одновременно в европейских странах [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Molnar.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Molnar A.A. The latest trends in the development of training programs for several related languages at the same time in European countries [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Molnar.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Несмотря на все свое разнообразие, романские языки имеют много общего: единые лингвистические корни, единое культурное пространство. В последнее время это обрело особое значение для теории и практики обучения иностранным языкам. Именно это сходство языковых явлений, корней слов, менталитета позволило задумать и разработать интересную концепцию обучения иностранным языкам, которая вылилась в ряд глобальных проектов, рассчитанных на долгосрочную перспективу и охватывающих все страны, где говорят на романских языках (а это 40% европейского населения), а в перспективе и не только их. Интересный факт: на переводческие работы в Евросоюзе выделяется около 330 млн. евро в год, а все возможные языковые комбинации составляют более 270. Очевидно, возможность взаимопонимания помогла бы ускорить обмен информацией, облегчить сотрудничество и стать одним из ведущих факторов устойчивого экономического развития стран, принадлежащих к данному региону.

Самым первым проектом, направленным на развитие новых методов обучения романским языкам, стал EuRom4. Этот проект финансировался ЕЭС в начале 90-х годов и был

Молнар А.А.
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

разработан совместными усилиями преподавателей - исследователей четырех европейских университетов: Клер Бланш-Бенвенист, Андре Вали из университета Прованс, Франция, Изабель Узланга Вивар из университета г. Саламанка, Испания, Антониа Мота из университета в г. Лиссабон, а также Рафаэль Симон и Элизабет Бонвино из университета в г. Рим. Был выпущен первый учебник по данной программе - « EuRom4 : méthode d'enseignement simultané des langues romanes », опубликованный в 1997 г. издательством La Nuova Italia. Целью обучения стало понимание газетных статей на родственных языках при условии владения одним из языков обучения (португальский, испанский, итальянский, французский).

Основным преимуществом методики является то, что результат достигается за очень короткое время: обучаемый приобретает навыки понимания текстов на всех четырех языках за 40 академических часов. Таким образом, новизной методики считается именно скорость обучения и комбинированный подход с применением четырех языков одновременно.

Однако на сегодняшний день программа EuRom4 исчерпала свои ресурсы. С учетом приобретенного опыта была разработана новая, более совершенная программа EuRom5, которая предусматривает, кроме прочего, подключение еще одного языка – каталанского.

Итак, в конце XX века в романской филологии появился новый термин, который прочно вошел в употребление: *intercompréhension* – межъязыковая компетенция. Этим термином обозначается умение людей поддерживать коммуникацию с другими, говоря на своем собственном языке и понимая при этом, что говорит партнер.

Впрочем, навыки такого общения появились не вчера. Они использовались, например, средневековыми монахами в странах, где основой родных языков был латинский: при встречах каждый говорил на своем языке, и людям удавалось каким-то образом договариваться, хоть и не достигая 100% понимания. Именно этот способ общения был описан Умберто Эко в его известном романе «Имя розы». В своей статье «В поисках идеального языка для европейской культуры» этот итальянский философ и писатель сказал: «Европа полиглотов – это не та Европа, в которой многие бегло говорят на многих языках, но такая Европа, где люди, встречаясь и разговаривая каждый на своем языке, может понимать язык другого. Не имея возможности бегло говорить на языках других народов, но понимая их, пусть даже с трудом, можно проникнуть в «дух» другого народа, постичь особенности его цивилизации, которые каждый человек передает с помощью языка своих предков и своих традиций».

Можно также привести пример Скандинавских стран, где относительная близость датского, шведского и норвежского языков создают благоприятные условия для взаимопонимания и вот уже целый век школьники этих стран на уроках родного языка знакомятся с основами двух других скандинавских языков. 85-90% слов в скандинавских языках имеют приблизительно одинаковые форму и значение, но произношение и расстановка ударений очень различны. Поэтому результаты понимания письменной и устной речи родственных языков в этой подгруппе являются также разными: норвежцы лучше всего понимают устную речь двух других языков, легче всего понимать шведов, а тяжелее всего – датчан. Однако опыт взаимопонимания скандинавских народов, к которому детей приучают с самого раннего возраста в ходе обучения родному языку, может послужить моделью для всей Европы.

Идея воспользоваться преимуществами родства многих европейских языков для того, чтобы удовлетворить реальную потребность взаимного общения как можно большего числа людей в Евросоюзе, привела к появлению на факультетах европейских университетов новой специальности, название которой можно перевести на русский язык следующим образом: «Межъязыковая компетенция в области родственных языков». Обучение специалистов данного профиля в некоторых университетах ведется уже около 20 лет.

Молнар А.А.
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

Методика обучения по новым программам базируется на развитии компетенций, связанных с восприятием иностранного языка – чтение, аудирование, и в гораздо меньшей степени обращается внимание на устную или письменную речь, т. е. продуктивную деятельность.

Каковы же преимущества нового подхода? По мнению Бланш-Бенвенист Клер, вдохновителя и создателя инновационных методик обучения иностранным языкам, они заключаются в следующем:

во-первых, эффективность общения: если кто-то из собеседников вынужден пользоваться иностранным языком, он должен формулировать свои мысли упрощенно, не имея богатых возможностей для точных и тонких формулировок. Межъязыковая компетенция позволяет преодолеть этот недостаток.

Во-вторых, быстрота обучения: для приобретения первичных навыков понимания письменной речи родственных языков достаточно несколько недель.

В-третьих, данный подход позволяет полностью преодолеть проблему «языкового барьера», даже не одаренные в области изучения иностранных языков люди быстро начинают понимать, что общение возможно и без того, чтобы говорить на иностранном языке.

В-четвертых, учащийся расширяет свою общелингвистическую компетенцию, т. к. базируясь на том языке, который он либо хорошо знает, либо изучает углубленно, он одновременно приобретает знания о родственных языках, что позволяет ему читать и слушать на этих языках.

Рассмотрим подробнее, как проводится обучение по программе.

EuRom 5 разработана главным образом для взрослых (в частности, студентов), которые владеют на уровне родного одним из 5 предлагаемых языков: испанский, французский, итальянский, португальский, каталанский. Цель программы: приобрести навыки понимания письменной речи на уровне B2 в четырех других языках. Студенты работают над всеми языками одновременно, в основном на базе статей о международных событиях или общественной жизни, опираясь, таким образом, на знание реальных событий. В распоряжении обучаемых множество ресурсов: многоязычный словарь, пересказ изучаемых текстов на 4-х других языках, аудиозапись текстов, сопровождаемая графическим изображением интонации каждого предложения, перевод отдельных частей текста, элементы сопоставительной грамматики, информация о странах романских языков. Каждый урок заключается в прослушивании текста, чтении его про себя, переводе текста с опорой на все имеющиеся ресурсы. Занятие рассчитано на 1 час 30 минут, время распределяется между языками равномерно. Предлагается определенная последовательность изучения текстов, но учащийся может установить свой собственный порядок или пользоваться программой как энциклопедией. Программа доступна на CD или сайте Интернет.

В процессе обучения студентов было замечено, что они понимают и воспринимают гораздо больше, чем первоначально предполагали разработчики; студенты, несомненно, проявляют огромный интерес к программам и достаточно быстро достигают значимых результатов.

Программа оказалась настолько успешной, что был запущен пилотный проект Euromania, появившаяся в Тулузе, который рассчитан на обучение детей школьного возраста (с 8 до 11 лет) и включает в себя 5 романских языков: французский, испанский, итальянский, португальский, румынский. В ближайшем будущем планируется серьезное внедрение новых методик в школьное образование.

Молнар А.А.
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

Существуют и другие программы, предназначенные для обучения. Другими интересными проектами являются EuroCom Rom под руководством Клайн, университет г. Франкфурт, методика Европейской межъязыковой компетенции Реймского университета, Intercommunicabilité Romane, руководитель проекта Шмиттженсен (J. SchmittJensen) в университете г. Орхус, Дания.

Рассмотрим пристальнее еще один интересный проект - Galanet, созданный под руководством Дабен в университете г. Гренобль, Франция.

Программа разработана для студентов университетов, языковых центров, лицеев. Обучаемый должен владеть хотя бы одним из четырех языков на уровне родного. Цель программы Галанет – развить навыки сотрудничества и взаимной помощи. Методом обучения в данном случае не является последовательное обучения пониманию конкретных текстов, но обучение пониманию высказываний других обучаемых. Главная задача – добиться, чтобы тебя понял другой учащийся, мало сведущий в твоём родном языке. Форма обучения – совместное создание «проектов», в основном газетных материалов, на базе одной платформы. Обучение состоит из Интернет - сессий по 10 недель и предполагает либо самостоятельную работу, либо направляемое преподавателем обучение и творчество. Каждая сессия состоит из нескольких этапов. Во-первых, учащиеся знакомятся друг с другом, затем договариваются о теме, которую они совместно группой будут разрабатывать, затем следует сбор и обсуждение материалов, и, наконец, «публикация» многоязыкового досье. Общение учащихся осуществляется за счет наличия в платформе многообразных ресурсов: грамматические справочники, специальные упражнения, описание соответствий в романских языках, и т. д. Основой программы является интерактивная платформа в Интернете, доступная для учащихся всего мира, т. е. участие в проекте можно принимать дистанционно.

Следует отметить, что опыт практической работы со студентами сопровождается интенсивными научными исследованиями в области сравнительного языкознания. Была проделана огромная работа по выявлению лексических единиц с похожими корнями и составлены многоязыковые словари родственных языков, где лексические единицы группируются по принципу сходства; ведутся исследования в сфере сравнения грамматических и синтаксических особенностей, просодики, создается множество учебных пособий и соответствующих электронных ресурсов.

В настоящее время амбиции исследователей и разработчиков проектов простираются еще дальше: например, программа EuroCom Rom занимается одновременно романскими, германскими и славянскими языками. Одним из ведущих специалистов в этой области является Эрик Кастань, известный французский лингвист. Он в настоящее время возглавляет проекта ICE (InterCompréhension Européenne - «Европейская межъязыковая компетенция»), который главным образом занят созданием аналогичных программ с подключением славянских языков.

Последователи Бланш-Бенвенист Клер, которая стояла у истоков первых программ, в настоящее время планируют расширить рамки исследований и охватить диалекты романских языков в Европе, а также вариации этих языков в странах Латинской Америки.

Новая практика обучения вызывает живой интерес специалистов – лингвистов, педагогов и методистов стран Европы. Несомненно, у инновационных проектов по межъязыковой компетенции в области родственных языков большое будущее.

Молнар А.А.,
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.,
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

Литература

1. *Blanche-Benveniste, C. EuRom4 : Méthode d'enseignement simultané des langues romanes. - Florence: La Nuova Italia, 1997.*
2. *Castagne, E. L'intercompréhension des langues romanes comme vecteur de développement géopolitique durable.- Paris, Hermès, La Revue 2016/2 (n°75), pp. 131-138. - 2016.*
3. *Castagne, E. Pour créer l'intercompréhension en Europe. A propos d'EuRom4 et d'autres programmes destinés à former à la compréhension de langues apparentées/ International Conference «Nordic intercomprehension in a European perspective» at Uppsala universitet - 2006.*
4. *Renheimer, S., Tasmowski, L. Pratique des langues romanes, - Paris, L'Harmattan, 1997.*
5. *Teyssier, P. Comprendre les langues romanes. Du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain, - Paris, Chandeigne. - 2004.*
6. *Umberto Eco. La Recherche de la langue parfaite. - Paris: Seuil, 1994. - p. 436*
7. <http://www.eurom5.com/p/chisiamo-fr/intercomprensione>
8. <http://www.euro-mania.eu/index.php>

Молнар А.А.,
Новейшие тенденции в области развития программ
обучения нескольким родственным языкам
одновременно в европейских странах
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 44-49.

Molnar A.A.,
The latest trends in the development of
training programs for several related
languages at the same time in European
countries
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 44-49.

The latest trends in the development of training programs for several related languages at the same time in European countries

Molnar A.A.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia, lomnar@mail.ru

Against the background of globalisation more and more professionals who master several foreign languages are needed. In some European universities they have launched pilot projects of teaching from 3 to 5 related languages at the same time within the frame of one course. One language is supposed to be known at C1-C2 level including all kinds of activities (both productive and perceptive) while all the other languages are taught to be understood when listening and reading. The article presents the history of the project, focuses on learning techniques within the frame of the programmes and outlines some perspectives.

Key Words: programmes of teaching, related languages, simultaneously, European universities, history, current situation, perspectives.

References

1. Blanche-Benveniste, C. EuRom4 : Méthode d'enseignement simultané des langues romanes. - Florence: La Nuova Italia, 1997.
2. Castagne, E. L'intercompréhension des langues romanes comme vecteur de développement géopolitique durable.- Raris, Hermès, La Revue 2016/2 (n°75), pp. 131-138. - 2016.
3. Castagne, E. Pour créer l'intercompréhension en Europe. A propos d'EuRom4 et d'autres programmes destinés à former à la compréhension de langues apparentées/ International Conference «Nordic intercomprehension in a European perspective» at Uppsala universitet - 2006.
4. Renheimer, S., Tasmowski, L. Pratique des langues romanes, - Paris, L'Harmattan, 1997.
5. Teyssier, P. Comprendre les langues romanes. Du français à l'espagnol, au portugais, à l'italien & au roumain, - Paris, Chandeigne. - 2004.
6. Umberto Eco. La Recherche de la langue parfaite. - Paris: Seuil, 1994. - r. 436
7. <http://www.eurom5.com/p/chisiamo-fr/intercomprensione>
8. <http://www.euro-mania.eu/index.php>

Никанорова О.Н.
О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.
On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!»

Никанорова О.Н.,

Магистр лингвистики, филолог, координатор академических программ Montelingua, Будва, Черногория

Статья посвящена вопросам методики преподавания иностранных языков в контексте краткосрочного обучения. Автор обозначает методические принципы, ставшие основой подготовки и написания программы интенсивного обучения иностранным языкам «Учитесь и отдыхайте!» в рамках проекта образовательного туризма Montelingua в Черногории. В статье даны практические рекомендации по проведению интенсивных курсов иностранных языков «Учитесь и отдыхайте!» с учетом методики интенсивного обучения.

Ключевые слова: программа, методика, коммуникативная лингвистика, иностранные языки, интенсивное обучение, организация учебной среды, интерактивная практика, Montelingua.

Для цитаты:

Никанорова О.Н. О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Nikanorova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Nikanorova O.N. On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Nikanorova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Программа интенсивного обучения иностранным языкам «Учитесь и отдыхайте!» разработана в рамках проекта Montelingua (Будва, Черногория). В основу разработанной программы легли практические наработки в процессе обучения иностранных учащихся русскому языку как иностранному на Летних курсах в Москве, а также опыт интенсивного обучения иностранным языкам (английский, сербский) сотрудников международных компаний в Москве и в Будве. Кроме того, при подготовке программы были изучены теоретические материалы, представленные в работах зарубежных и отечественных лингвистов и дидактиков. Краткий список использованной литературы дан в конце статьи. Программа базируется на стандартах Совета Европы: Общеευропейские компетенции владения иностранным языком. Курс обучения строится, исходя из стандартных требований по количеству учебных часов, необходимых для подачи, усвоения и закрепления материала. Важнейшим фактором при разработке программы стало изучение принципов коммуникативной лингвистики и применение элементов методики интенсивного обучения. Организационные формы учебных курсов предполагают интенсивное использование времени,

Никанорова О.Н.

О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.

On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

отведенного на приобретение умений и навыков иноязычного общения в рамках отдельных временных модулей. Продолжительность одного модуля варьируется от одной до двух недель.

Методика интенсивного обучения иностранным языкам состоит из двух основных компонентов: активации возможностей учащихся (в группах и индивидуально) и поэтапно-концентрической организации учебного материала. Коммуникативная лингвистика ставит перед методикой задачи, из которых главной является задача овладения языком как средством коммуникации. Формирование умений общения на изучаемом языке предполагает комплексное развитие языковых навыков, обучение всем видам речевой деятельности - слушанию, говорению, чтению и письму - на базе современной, живой лексики и грамматического фундамента. Обучение в рамках интенсивных курсов - это управляемая речевая деятельность учащихся при максимальном погружении в пространство языка. Исходя из основной задачи интенсивного курса - обучение живому общению на иностранном языке - необходимо создавать ситуации, в которых учащийся может активизировать свои творческие способности, мобилизовать внимание и память под воздействием положительного эмоционального настроения.

Основы построения учебной программы обучения. Программа обучения строится на основе положений документа Совета Европы «Общевропейские компетенции владения иностранным языком», в котором представлено описание системы уровней владения иностранными языками.

A1 Уровень выживания Умение говорить, используя простые фразы для решения конкретных задач в ситуациях повседневного общения: объясниться в отеле, кафе, магазине, на улице. Умение читать и переводить несложные тексты, писать простые письма, заполнять формуляры. Умение воспринимать звучащую речь в рамках элементарного уровня.

A2 Предпороговый уровень Умение рассказать о себе, своей семье, профессии, предпочтениях. Умение читать и понимать тексты рекламы, объявления в аэропорту, магазине, надписи на продуктах, открытках, знать, как писать личные и деловые письма. Умение читать и пересказывать простые тексты разнообразной тематики.

B1 Пороговый уровень Умение понимать, о чем идет речь в большинстве радио- и телепрограмм о текущих событиях. Умение выразить собственное мнение, пересказывать содержание прочитанного, вести личную и деловую переписку средней сложности, читать адаптированную литературу на иностранном языке.

B2 Пороговый продвинутый уровень Владение разговорным языком в различных ситуациях (от бытовых до профессиональных), умение без подготовки общаться с носителем языка. Возможность высказать и объяснить свою точку зрения по широкому кругу, приводя аргументы. Умение читать неадаптированную литературу на иностранном языке, пересказывать содержание сложных текстов.

С1 Умение без подготовки, не испытывая трудности в подборе слов, выражать свои мысли, пользуясь разнообразием языковых средств и точностью их употребления в ситуациях повседневного, учебного или профессионального общения. Умение составлять четкие, логичные, подробные сообщения по сложной тематике.

С2 Уровень владения в совершенстве Свободное владение иностранным языком. Умение бегло и четко излагать свои мысли по сложным проблемам, передавая тончайшие оттенки значения, в устной и письменной форме. В соответствии с критериями, заложенными в стандартах, в программе краткосрочного обучения «Учитесь и отдыхайте!» представлены четыре уровня A1, A2, B1, B2.

Никанорова О.Н.

О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.

On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

Сценарий учебного занятия определяется спецификой группы и индивидуальностью преподавателя. В рамках интенсивного обучения следует обратить особое внимание на творческую роль преподавателя в интенсивном обучении. Организация учебного занятия предполагает самостоятельное индивидуальное творчество педагога. Главная задача преподавателя – создание условий для естественной речевой коммуникации на изучаемом языке. Творческая инициатива преподавателя заключается в выборе сюжета, наиболее адекватного материалу, подлежащему усвоению и одновременно отвечающего интересам конкретной учебной группы. Каждое занятие состоит из нескольких блоков. При составлении урока следует учитывать лексические, грамматические, фонетические компоненты в рамках конкретной коммуникативной ситуации. Уроки должны быть динамичными и воспроизводить естественные ситуации общения. Преподаватель начинает урок с приветствий и простой, оживленной беседы. Приветствие, вопрос, реплика, шутка — начало, которое задает тон урока и стимулирует, создает доверительную обстановку в группе. Важен ритм и темп урока. Темп должен быть высоким. Интенсивность занятия должна ритмично сменяться рекреационными паузами.

А) Презентация учебного материала. Преподаватель использует различные приемы презентации нового материала, проявляя свою индивидуальность и творческий подход к обучению. Для того, чтобы вести урок как естественное общение, необходимы подготовка и профессиональное мастерство преподавателя. На уроке допускается импровизация. Урок ведется на иностранном языке. Преподаватель помогает учащимся понять смысл и содержание материала переводом на родной язык отдельных слов или фраз.

Б) Выполнение учебных заданий. В каждой ситуации перед учащимся стоит коммуникативная задача, решение которой предполагает: 1) умение ориентироваться в условиях общения; 2) умение планировать свою речь и выбирать содержание общения; 3) умение подобрать адекватные средства для передачи этого содержания. Следует внимательно наблюдать за состоянием группы, за поддержкой активного внимания, эмоциональным тонусом группы. Если наступает ослабление внимания, снижение активности группы, рекомендуется перебивать работу песнями, играми, короткими паузами отдыха и т. п. Исправление ошибок должно быть в форме подсказки. Такой характер исправления создает доброжелательную обстановку в группе и приучает учащихся к самостоятельному исправлению ошибок. Преподаватель подводит итог выполнению каждого задания и не должен забывать подбадривать и поощрять учащихся. Профессиональное мастерство преподавателя должно проявляться в его искренней заинтересованности в успехе учащихся.

В) Организация и проведение контроля знаний и умений. Текущий контроль знания лексического материала осуществляется регулярно по завершении работы над каждым уроком. Учащимся предъявляется со слуха материал урока (100—150 словарных единиц за 3 дня занятий). Единицей проверки может быть слово, словосочетание, предложение. Текущий контроль знания грамматики осуществляется регулярно по мере прохождения определенного грамматического материала. Это может быть контроль в форме выбора верного варианта из 3—4 предлагаемых (так называемый множественный выбор), трансформации предложенных образцов, заполнения пропусков в предложениях и т. п. Данные виды контроля должны выполнить дополнительную обучающую функцию. Контроль понимания со слуха. Этот вид контроля также проводится регулярно. Учащимся предъявляется устно текст монологического, диалогического или смешанного характера, объемом от 1200 до 4000 знаков. Текст построен или отобран на базе лексики и грамматики пройденных уроков. Текст предъявляется один раз в естественном темпе непосредственно преподавателем или в записи с магнитофона. Задания, контролирующие понимание, могут быть следующие: изложите кратко содержание текста, ответьте на вопросы, подчеркнув верный вариант ответа из трех предлагаемых.

Контроль навыка чтения. В процессе обучения развитие навыка чтения становится объектом постоянного и регулярного

Никанорова О.Н.,

О методике преподавания иностранных языков в рамках краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.,

On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

контроля. При развитии навыков чтения основной акцент делается на ознакомительное и просмотровое чтение. Чтение рассматривается как средство получения информации. Текст для контроля подбирается преподавателем на основе пройденного языкового материала объемом от 1200 до 5000 знаков. Объем постепенно увеличивается. Учащиеся получают текст на определенное время, а затем выполняют задание, которое может быть в виде ответов на предлагаемые вопросы, выбора правильного суждения из нескольких указанных, характеристики героя или линии его поведения, составления плана рассказа. Важно следить за скоростью чтения.

Организация учебной среды. Интенсивное обучение предъявляет особые требования к организации учебной среды. Рекомендуется делить общее аудиторное пространство на три зоны: учебную, техническую и зону отдыха. За столиком преподавателя, на стене — большой экран. Техническая зона располагается у противоположной экрану стены. Это — аппаратная для размещения проекционной и звуковоспроизводящей аппаратуры. Желательно, чтобы она была отделена от учебной зоны звуконепроницаемой стеной. Рекреационная зона (зона отдыха) является либо продолжением учебной зоны, либо отделяется от нее декоративной стенкой. Во время перерывов учащиеся продолжают общаться, слушая музыку (песни на изучаемом языке), обмениваясь мнениями и т. п. Это один из хорошо зарекомендовавших себя приемов психологической разгрузки. Для максимальной активизации процесса обучения и творческих возможностей личности необходимы психологическая поддержка учащихся, управление их состоянием и вниманием. С этой целью используются технические средства управления состоянием. Это означает установку определенной цветовой гаммы для создания в учебной аудитории освещения необходимой яркости и спектрального состава.

Программа интенсивного обучения Monteligua включает в себя три взаимосвязанных образовательных модуля: академические занятия, интерактивная практика в сопровождении преподавателя, самостоятельная работа. Интенсивный курс предусматривает максимальную вовлеченность учащихся в процесс освоения иностранного языка. Каждый день в утренние часы проходят занятия в аудитории. Академическое занятие спроектировано таким образом, чтобы можно было совместить интенсивность подачи материала с оптимальным его усвоением. Во время внеаудиторных занятий учащиеся имеют возможность отрабатывать полученные знания в живом общении. Они участвуют в организованных прогулках по городу, экскурсиях в музеи и галереи, обзорных поездках по историческим маршрутам Черногории. В вечерние часы учащимся предлагается самостоятельный просмотр фильма на изучаемом языке с последующим обсуждением в группе. Данная форма самостоятельной работы учащихся позволяет сделать процесс обучения более продуктивным. В процессе обучения идет развитие всех видов речевой деятельности на иностранном языке: восприятие на слух, устная речь, чтение, письмо. На уроках грамматический материал и лексика изучаются в ситуациях живого общения: диалоги, ролевые игры, прослушивание и исполнение песен. Учащиеся получают раздаточный материал по теме каждого занятия и затем используют его в ходе внеаудиторной программы, то есть во время специально организованных тематических экскурсий, прогулок и поездок. По результатам пройденного курса учащиеся смогут рассказывать о себе, своей семье, профессии, предпочтениях, понимать тексты рекламы, объявления в аэропорту, магазине, надписи на продуктах, открытках, писать письма, читать и пересказывать тексты, а также смотреть фильмы на иностранном языке и воспринимать на слух рассказы гида во время экскурсий.

Никанорова О.Н.
О методике преподавания иностранных языков в рамках
краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к
Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.
On the methodology of teaching foreign
languages in short-term courses. //
Methodical recommendations to the
program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

Литература

1. *Маркова Е.А. Синергия методических направлений в коммуникативно направленном обучении РКИ // Studia Russico-Slovaca. Ruzomberok: Verbum, 2014. — С. 227—240.*
2. *Пассов Е. И. Методическая система иноязычного образования как адекватное средство развития умения индивидуальности вести диалог культур. — Липецк, 2013.*
3. *Marjatta Huhta. Tools for Planning Language Training. Guide for the development of Language Education Policies in Europe. Council of Europe, Strasbourg, 2002*
4. *Леонтьев А.А., Китайгородская Г.А. Содержание и границы понятия интенсивное обучение // Психолого-педагогические проблемы интенсивного обучения иностранным языкам / Под ред. А.Д. Климентенко, О.И. Москальской. – М.: АПН СССР, 1981. – 142 с.*
5. *Китайгородская Г.А. Методика интенсивного обучения иностранным языкам. М., Высшая школа, 1986*
6. *Капитонова Т.И., Московкин Л.В., Щукин А.Н. Методы и технологии обучения русскому языку как иностранному / Под редакцией А.Н. Щукина. – М.: Русский язык, 2008. – 309 с.*

Никанорова О.Н.,
О методике преподавания иностранных языков в рамках
краткосрочных курсов. //Методические рекомендации к
Программе «Учитесь и отдыхайте!»
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 50-55.

Nikanorova O.N.,
On the methodology of teaching foreign
languages in short-term courses. //
Methodical recommendations to the
program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 50-55.

On the methodology of teaching foreign languages in short-term courses. // Methodical recommendations to the program "Learn and have fun!"

Nikanorova O.N.,

Master of Linguistics, philologist Coordinator of academic programs Montelingua, Budva, Montenegro

The article deals with teaching methodology within short-term language courses. The author gives description of methodology basis for the program "Learn and Have Fun!" within Montelingua educational tourism program in Budva, Montenegro.

Key Words: programm, methodology, communicative linguistic, foreign languages, intensive studies, educational environment, interactive practice, Montelingua.

References

1. Markova E.A. Sinergiya metodicheskikh napravlenij v kommunikativno napravlennom obuchenii RKI // Studia Russico-Slovaca. Ruzomberok: Verbum, 2014. — S. 227—240.
2. Passov E. I. Metodicheskaya sistema inoyazychnogo obrazovaniya kak adekvatnoe sredstvo razvitiya umeniya individual'nosti vesti dialog kul'tur. — Lipeck, 2013.
3. Marjatta Huhta. Tools for Planning Language Training. Guide for the development of Language Education Policies in Europe. Council of Europe, Strasbourg, 2002
4. Leont'ev A.A., Kitajgorodskaya G.A. Soderzhanie i granicy ponyatiya intensivnoe obuchenie // Psihologo-pedagogicheskie problemy intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam / Pod red. A.D. Klimentenko, O.I. Moskal'skoj. – M.: APN SSSR, 1981. – 142 s.
5. Kitajgorodskaya G.A. Metodika intensivnogo obucheniya inostrannym yazykam. M., Vysshaya shkola, 1986
6. Kapitonova T.I., Moskovkin L.V., SHCHukin A.N. Metody i tekhnologii obucheniya russkomu yazyku kak inostrannomu / Pod redakciej A.N. SHCHukina. – M.: Russkij yazyk, 2008. – 309 s.

Попова И.А.,
Понимание речи на слух как один из главных этапов
изучения иностранных языков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 56-59.

Popova I.A.,
On the methodology of teaching foreign
languages in short-term courses. //
Methodical recommendations to the
program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 56-59.

Понимание речи на слух как один из главных этапов изучения иностранных языков

Попова И.А.,

*Старший преподаватель кафедры языковой подготовки кадров государственного
управления факультета международного регионоведения и регионального управления
ИГСУ РАНХиГС при Президенте Российской Федерации ni_ak@mail.ru*

В статье рассматривается роль и значение аудирования в организации учебного процесса, показывается эффективность использования современных образовательных методик обучения аудированию, подчеркивается необходимость развития навыков понимания речи на слух как очень важного умения в образовательной деятельности.

Ключевые слова: аудирование, учебный процесс, принципы обучения, педагогические приемы, ориентиры в обучении.

Для цитаты:

Попова И.А. Понимание речи на слух как один из главных этапов изучения иностранных языков [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Popova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Popova I.A. Understanding speech by ear as one of the main stages of learning foreign languages [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Popova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

В статье рассматривается роль и значение аудирования в обучении иностранным языкам.

Хотелось бы отметить, что в процессе обучения иностранным языкам восприятие речи на слух имеет такое же важное значение, как и мастерство говорения, одно не работает без другого. Аудирование подготавливает говорение, а говорение помогает формированию понимания речи на слух.

Понимание речи на слух самым тесным образом связано и с другими видами речевой деятельности, такими как чтение и письмо. Так, например, учащиеся, читая вслух или про себя, как бы слышат печатный текст, а в процессе написания, как бы проговаривают и слышат то, что пишут.

Таким образом, в современной методике обучения иностранным языкам уделяется особое внимание овладению навыками аудирования, как очень важным умением, без которого невозможно общение на языке.

В процессе обучения аудированию важно учитывать, что учащиеся имеют разную «слуховую память», они могут понимать разное количество слов и могут запоминать разное количество информации.

Поэтому на первых ступенях обучения преподаватель должен давать простые, посильные задания, чтобы ученики, услышав запись, не испытывали страха из-за того, что они не понимают услышанного, считая его слишком сложным для себя, и не теряли бы к этому интерес.

Хотелось бы обсудить, какие материалы и виды деятельности, способствующие развитию понимания речи на слух на уроках иностранного языка, могут привлечь внимание учащихся и одновременно, повысить эффективность понимания.

Для этого бы хотелось остановиться на трех основных принципах при выборе учебных материалов и видов деятельности:

- актуальность.
- ситуативность (речевая ситуация)
- результат

Любой материал, который предлагается учащимся для прослушивания, не только должен быть интересен и актуален, но так же должен быть воспроизведен в реальных жизненных ситуациях. Это означает, что учащиеся, услышав какую-либо информацию, могут применять ее в повседневной жизни. Вот некоторые примеры видов деятельности, осуществляемые учащимися разных возрастов: при обучении школьников предлагается использовать сказки, например. Дети слушают историю, а затем могут применять мораль сказок в различных жизненных ситуациях. Подросткам, в зависимости от их предпочтений и вкусов, предлагается, например, смотреть музыкальные видео или слушать песни, что также может ими применяться за пределами классной комнаты, при посещении концертов или просмотров видео. Студентам предлагается слушать радио или смотреть телевизионные программы, что также может ими применяться за пределами учебных заведений, они могут самостоятельно смотреть и слушать новости и обсуждать их с другими людьми.

Особое внимание следует обратить на подбор интересных материалов. Без сомнения, на продвинутом уровне изучения иностранных языков очень важны аутентичные материалы, которые передают все разнообразие иностранного языка, это эмоционально окрашенные слова, фразеологизмы, идиомы, речевые клише, сленг и т.д, что помогает учащимся узнать многое о стране изучаемого языка.

Также особое внимание следует обратить на подготовку упражнений для аудирования. Эти упражнения должны быть ориентированы на создание условий, максимально приближенных к условиям реального общения. Они будут более эффективными, если будут структурированы вокруг определенной темы и задачи. Эти упражнения должны включать задания, выполняемые последовательно на трех этапах: до прослушивания, во время прослушивания, после прослушивания. На этих этапах учащиеся должны выполнять определенные действия в ответ на то, что они слышат, чтобы продемонстрировать понимание.

Задача этапа до прослушивания - создать ситуацию потребности в получении недостающей информации.

Предлагаются такие виды упражнений как:

- догадаться о содержании текста по заголовку;
- определить тему текста по картинкам или иллюстрациям;
- охарактеризовать ситуацию общения, используя фразы участников диалога, отношения между ними, предмет разговора, время, место и т.д.

Попова И.А.,
Понимание речи на слух как один из главных этапов
изучения иностранных языков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 56-59.

Popova I.A.,
On the methodology of teaching foreign
languages in short-term courses. //
Methodical recommendations to the
program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 56-59.

Задача этапа во время прослушивания является логическим продолжением предыдущего - обеспечить внимательное и сознательное прослушивание.

Предлагаются такие виды упражнений как:

- называть имена персонажей;
- заполнить пропуски словами по смыслу;
- расположить в нужном порядке действия главного героя;
- отметить, являются ли верными или нет указанные гипотезы и т.д.

Задача этапа после прослушивания — получение результата прослушивания — передача сообщения, анализ содержания, его оценки, дополнения, выполнение инструкций и т.д.

Предлагаются такие виды упражнений как:

- рассказать историю, похожую на прослушанную;
- рассказать о том, что произошло потом;
- выразить и обосновать свое мнение по поводу услышанного;
- кратко изложить смысл услышанного;
- ответить на вопросы после текста и т.д.

Аудирование, будучи непосредственно связанным с другими видами речевой деятельности, играет важную роль в изучении иностранного языка. Современные ученые, разрабатывающие новейшие методики обучения иностранным языкам, подчеркивают необходимость развития навыков восприятия речи на слух как очень важного умения, без овладения которыми невозможна коммуникация на иностранном языке. Аудирование должно занимать важное место уже на начальном этапе обучения, и только регулярное включение заданий на аудирование в образовательный процесс может дать реальные результаты.

Литература

1. Елухина Н.В. Обучение слушанию иноязычной речи // *Иностранные языки в школе*. - 1996. - № 5.
2. Мосолова Е.М. Проблема аудирования на уроках иностранного языка как вида речевой деятельности // *Психология и педагогика: современные методики и инновации, опыт практического применения*. - 2015. - №9.
3. Елухина Н.В. Речевые упражнения для обучения аудирования // *Иностранные языки в школе*. - 2009. - №4.

Попова И.А.,
Понимание речи на слух как один из главных этапов
изучения иностранных языков
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 56-59.

Popova I.A.,
On the methodology of teaching foreign
languages in short-term courses. //
Methodical recommendations to the
program "Learn and have fun!"
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 56-59.

Understanding speech by ear as one of the main stages of learning foreign languages

Popova I.A.,

Senior Lecturer of the Department of Language Training in the Public Administration of the Faculty of International Regional Studies and Regional Management, IGSU RASHiGS under the President of the Russian Federation

The article demonstrates the role and the importance of the audition in the educational process, illustrates the effectiveness of using the modern educational methods in teaching foreign languages, points out the necessity of developing good listening skills in the educational activities.

Key Words: audition, educational process, principles of teaching, pedagogical techniques, reference points in learning.

References

1. Eluhina N.V. Obuchenie slushaniyu inoyazychnoj rechi // Inostrannye yazyki v shkole . - 1996. - № 5.
2. Mosolova E.M. Problema audirovaniya na urokah inostrannogo yazyka kak vida rechevoj deyatel'nosti // Psihologiya i pedagogika: sovremennye metodiki i innovacii, opyt prakticheskogo primeneniya. – 2015. – №9.
3. Eluhina N.V. Rechevye uprazhneniya dlya obucheniya audirovaniya // Inostrannye yazyki v shkole. – 2009. – №4.

Использование метода проектов как технологии лично-ориентированного обучения студентов

Разуваева Л.В.,

кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка ВГМУ им. Н.Н. Бурденко, Воронеж, Россия

Статья посвящена описанию исследования возможности использования метода проектов как технологии лично-ориентированного подхода к обучению иностранных студентов русскому языку на кафедре русского языка Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко. Исследование показало, что проектная деятельность – одно из перспективных средств реализации рефлексивной модели образования, т.к. может применяться на всех стадиях обучения и практически по любому предмету, а также способствует развитию личности обучаемого и оптимизации учебного процесса.

Ключевые слова: метод проектов, лично-ориентированная технология обучения, рефлексивная модель образования.

Для цитаты:

Разуваева Л.В. Использование метода проектов как технологии лично-ориентированного обучения студентов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Razuvaeva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Razuvaeva L.V. Using the project method as a technology for student-centered student learning [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Razuvaeva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Сегодня образование России (равно как и других развитых стран) стоит перед очевидной необходимостью пересмотра своих целевых установок. Стратегия модернизации общего образования в России ориентирует на существенное обновление образовательного процесса. «В ходе образова-тельного процесса современный человек должен не столько накапливать багаж знаний и умений, сколько приобретать способность самостоятельно и совместно с другими людьми ставить осмысленные цели, выстраивать ситуации самообразования, искать и продуцировать средства и способы разрешения проблем, т.е. становиться на деле самос-тоятельным, инициативным и креативным» [4, с. 34].

Достижение этих целей связывается с изменением не только содержания образовательного процесса, но и с принципиально иной его организацией, в связи с чем возникает проблема – невозможность добиться нового качества образования традиционными методами обучения.

В качестве ведущего принципа такой организации рассматривается принцип проектного обучения. Включение обучаемых всех уровней обучения в проектную деятельность обусловлено необходимостью создания личной траектории развития каждого учащегося, исходя из его природных возможностей.

Социальная значимость и недостаточная теоретическая разработанность указанной проблемы определили тему исследования нашей кафедры. Было решено использовать метод проектов как технологию личностно-ориентированного обучения студентов. В процессе использования изучить эффективность метода проектов как технологии личностного развития учащихся вуза на кафедре русского языка.

В ходе реализации проекта необходимо было выявить эффективность метода проектов как технологии личностного развития учащихся.

Для реализации проекта были поставлены следующие задачи:

1. Изучить специфику метода проектов как личностно-ориентированной образовательной технологии.
2. Разработать систему практикумов, направленных на реализацию метода проектов.
3. Создать систему контрольно-диагностических мероприятий по определению результативности проектной деятельности учащихся, способствующей достижению нового качества образования.
4. Разработать модели применения метода проектов в личностно-ориентированном образовании.

Участниками проекта стали студенты, обучающиеся на кафедре русского языка в ВГМУ им. Н.Н. Бурденко (г. Воронеж), и ППС кафедры русского языка.

«В современном мире все больше государств осознает, что их будущее и прежде всего конкурентоспособность зависят от образования. Точнее от качества образования» [5, с. 12]. В связи с этим необходимо ввести в образовательный процесс такую деятельность, которая будет обладать следующими характеристиками: практикоориентированность, направленность на конкретный результат, ориентация на готовый осязаемый продукт, ориентация на общественную полезность, возможность использования различных образовательных пространств, возможность творчества участников образовательного процесса, этапность, возможность анализа результатов на каждом этапе деятельности, опора на предыдущий опыт участников образовательного процесса, возможность синтеза других видов деятельности, возможность разнообразия источников информации, возможность «пробовать» себя в разных ролях, разнообразие форм организации образовательного процесса. Все эти признаки содержит в себе проектная деятельность.

Авторское право на метод проектов в педагогике принадлежит американскому педагогу У. Килпатрику – ученику Дж. Дьюи.

Анализ работ С.Т. Шацкого, П.П. Блонского, Е.С. Полат, В.Н. Стернберг показал, что советские педагоги (С.Т. Шацкий, В.Н. Шульгин, М.В.Крупенина, Б.В.Игна-тьев) использовали главным образом социальную составляющую «метода проектов», и посредством этого метода пытались реконструировать окружающую социальную среду, порой недооценивая педагогические возможности этого метода как средства, обеспечивающего «самодвижение» ученика, его активность и самостоятельность в процессе освоения предметного содержания.

Разумеется, со временем идея метода проектов претерпела некоторую эволюцию. Родившись из идеи свободного воспитания, в настоящее время она становится интегрированным компонентом вполне разработанной и структурированной системы образования. Но суть ее остается прежней – стимулировать интерес учащихся к определенным проблемам, предполагающим владение определенной суммой знаний и через проектную деятельность, предусматривающую решение этих проблем [1], умение практически применять полученные знания, развитие рефлексивного (или критического в терминологии Джона Дьюи) мышления.

Включение обучаемых в планомерную проектную деятельность нами рассматривается в качестве одного из возможных путей выхода из кризиса традиционного образования, ассоциируемого со школой готовых знаний. Проектная деятельность помогает воспитывать мыслящего, самостоятельного, готового к совместной деятельности учащегося, понимающего, что знание – это не самоцель, а средство развития личности [2]. Выполнение проекта учит умению самому отыскивать информацию, включает студента в интеллектуальный творческий поиск, позволяет решать задачи социализации личности. Для студента образование становится органичным, естественным делом, возникшим как способ реализации собственных потребностей [3]. Именно эти ценные аспекты проектной деятельности стали предметом внимания данного исследования. Поскольку традиционная информационно-просветительская модель уже перестает удовлетворять растущим запросам динамически изменяющегося социума, мы видим в проектной деятельности одно из перспективных средств реализации новой рефлексивной модели образования, направленной на исследование окружающего мира через познание самого себя.

В качестве механизма достижения поставленной цели предстает следующее:

- апробация метода проектов как технологии личностно-ориентированного обучения студентов на учебных практических занятиях кафедры русского языка Воронежского государственного медицинского университета им. Н.Н. Бурденко;
- анализ использования метода проектов по результатам тестирования студентов;
- оценка эффективности данного метода как технологии личностно-ориентированного обучения студентов на практических занятиях.

Проект был реализован в несколько этапов. Во-первых, были выявлены элементы проектной деятельности студентов (устный опрос, беседа), используемой преподавателями кафедры русского языка. Во-вторых, была разработана система практикумов, направленных на реализацию метода проектов. В-третьих, была создана система контрольно-диагностических мероприятий по определению результативности проектной деятельности учащихся, способствующая достижению нового качества образования. В-четвертых, был апробирован метод проектов на учебных практических занятиях кафедры русского языка. В-пятых, проведен анализ использования метода проектов по результатам тестирования студентов, дана оценка эффективности данного метода как технологии личностно-ориентированного обучения студентов на практических занятиях и разработаны модели применения метода проектов в личностно-ориентированном образовании.

По итогам исследования применения метода проектов были подведены краткосрочные и долгосрочные результаты. К краткосрочным можно отнести:

- рост личностных качеств и учебно-организационных умений учащихся (самостоятельности, инициативности учащихся, их познавательной мотивированности);
- развитие социальных навыков студентов в процессе групповых взаимодействий;
- приобретение обучающимися опыта самостоятельного выбора, исследовательско-творческой деятельности, оценки и самооценки полученного результата.

Долгосрочными результатами являются:

- обеспечение качества знаний учащихся – 80%, успеваемости – 100%;
- рост числа призёров олимпиад и конкурсов, фестивалей различного уровня.

Метод проектов представлен как личностно-ориентированная технология, которая может применяться в работе с учащимися на всех стадиях обучения практически по любому предмету. Новая форма организации обучения и воспитания способствует развитию личности

обучающихся, оптимизации учебного процесса, она повышает эффективность обучения, что позволяет дать ей высокую оценку.

Долгосрочные результаты и результаты тестирования студентов помогли показать эффективность реализации нашего проекта.

В ходе реализации проекта мы столкнулись с рядом трудностей. Трудности, прежде всего, связаны с перекосами в учебной программе (ведь не каждую тему дисциплины возможно уложить во все требуемые знания по проведению проекта); проблемой общения со сверстниками и со взрослыми путем совместных поисков решения задач, осознанием себя как члена коллектива в процессе групповой деятельности в коллективных проектах и осознанием своей оригинальности при выполнении индивидуальных проектов; дополнительной нагрузкой преподавателя для разработки системы практикумов, направленных на реализацию метода проектов.

В дальнейшем предполагается разработка модели применения метода проектов в личностно-ориентированном образовании, подготовка методических рекомендаций по вопросам внедрения проектных технологий в образовательный процесс высшей медицинской школы, а также использование практического материала на всех уровнях образования и внедрение метода проектов, что обеспечит качественное, инновационное образование и креативного, самостоятельного, инициативного специалиста.

Литература

1. Джужук И.И. *Метод проектов в контексте личностно-ориентированного образования. Материалы к дидактическому исследованию.* – Ростов н/Д, 2005.
2. Пахомова Н.Ю. *Проектное обучение – что это? Из опыта метод. работы. Дайджест журнала “Методист”./ Сост. Пахомова. Науч. Ред. Э.М.Никишин.* – М.: АМК и ПРО, 2004.
3. Полат Е.С. *Новые педагогические и информационные технологии в системе образования.* – М., 1998.
4. *Сборник «Построение Общероссийской системы оценки качества образования и региональных систем оценки качества образования».* – М., 2007.
5. Сиденко А.С. *Метод проектов: история и практика применения.* //Завуч. – 2003. - №6.

Using the project method as a technology for student-centered student learning

Razuvaeva L.V.,

Candidate of Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language, VSMU. N.N. Burdenko, Voronezh, Russia

The article is devoted to description investigate the possibility to use the method of projects as a technology of personality-oriented approach to teaching foreign students the Russian language at the Russian language Department of the Voronezh state medical University. N. N. Burdenko. The study showed that the project activity is a promising means of implementing a reflective model of education, because it can be applied at all stages of training and almost any subject, and contributes to the development of the individual student and the teaching process optimization.

Key Words: method of projects, technology of personality-oriented approach to teaching, reflective model of education.

References

1. Dzhuzhuk I.I. Metod proektov v kontekste lichnostno-orientirovannogo obrazovaniya. Materialy k didakticheskomu issledovaniyu. – Rostov n/D., 2005.
2. Pahomova N.YU. Proektnoe obuchenie – chto ehto? Iz opyta metod. raboty. Dajzhest zhurnala “Metodist”./ Sost. Pahomova. Nauch. Red. E.H.M.Nikishin. – M.: AMK i PRO, 2004.
3. Polat E.S. Novye pedagogicheskie i informacionnye tekhnologii v sisteme obrazovaniya. – M., 1998.
4. Sbornik «Postroenie Obshcherossijskoj sistemy ocenki kachestva obrazovaniya i regional'nyh sistem ocenki kachestva obrazovaniya». – M., 2007.
5. Sidenko A.S. Metod proektov: istoriya i praktika primeneniya. //Zavuch. – 2003. - №6.

Особенности восприятия невербальных компонентов рекламы в условиях межкультурной коммуникации

Бугаева И.В.,

доктор филологических наук, профессор кафедры «Лингводидактика и межкультурная коммуникация», факультета «Иностранные языки» ГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, bugaevaiv@mgppu.ru

Исследование, проведенное на основе анализа южнокорейской видеороликов, посвящено анализу невербальных компонентов рекламы и их роли в восприятии рекламного сообщения в условиях межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: реклама; вербальные и невербальные компоненты; межкультурная коммуникация.

Для цитаты:

Бугаева И.В. Особенности восприятия невербальных компонентов рекламы в условиях межкультурной коммуникации [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Bugaeva.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Bugaeva I.V. Specific features of perception of nonverbal components in intercultural communication [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Bugaeva.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Восприятие чужой культуры – процесс достаточно сложный и многокомпонентный. Пересекая границы, человек часто ощущает дискомфорт по разным причинам: языковой барьер, незнание правил поведения в разных коммуникативных ситуациях, изменение часовых поясов, другой климат, непривычная пища и т.д. В условиях межкультурной коммуникации, обмена студентами и специалистами важно создать хотя бы минимально комфортные условия, чтобы привлекать в страну всё больше гостей, учащихся, туристов, специалистов.

Путешествуя, человек попадает в непривычную языковую среду: слышит незнакомую речь, видит разнообразие вывесок, рекламных щитов и плакатов на городских улицах, содержание которых не понимает; в отеле смотрит телевизор и т.п. Естественно стремление человека что-то понять в новом для него городском пространстве. Не владея языком страны пребывания, он обращает внимание на изображения рекламных баннеров, пропуская вербальную часть. В этом случае невербальные компоненты рекламы становятся главными или единственными носителями информации. Уровень восприятия рекламы на незнакомом языке зависит от нескольких факторов, которые будут проанализированы ниже.

Цель исследования – проанализировать особенности восприятия рекламы в условиях межкультурной коммуникации и определить роль разных невербальных компонентов (логотип, рекламный образ, рекламный герой, иллюстрации, элементы фирменного стиля) в восприятии рекламного сообщения.

На первом этапе исследования была изучена реклама транснациональных компаний и мировых брендов, а также ее восприятие в странах с различными культурными, религиозными традициями и нормами. С этой целью был проведен сравнительный контент-анализ российской и зарубежной печатной рекламы. Результаты данного этапа позволили сделать вывод о том, что если рекламируются товары известных транснациональных брендов, то степень узнавания почти стопроцентная. При рекламе товаров национальных брендов и торговых марок оценить содержание рекламного сообщения и степень адекватного восприятия трудно. В рекламе наиболее ярко проявляется взаимодействие разных знаковых систем, и если в рекламном сообщении помимо текста присутствует изображение рекламируемого товара, то минимальная информация реципиентом получена. Но нередко реклама на иностранном языке так и остается непонятной, наличие незнакомого логотипа не способствует «узнаванию» или пониманию содержания [1].

В странах юго-восточной Азии, особенно в Южной Корее и в Китае, «содержание и способ презентации рекламной информации напрямую зависит от того, ориентирована реклама на внутренний или на внешний рынок. Восточные специалисты тонко учитывают различия в ментальности азиатских и европейских народов» [1: 55].

На втором этапе исследования проводился эксперимент на восприятие аудио-визуальной информации. В каждой стране мира реклама отличается своими национальными особенностями, подачей, контекстом, эмоциональным насыщением, цветом и прочими невербальными компонентами, но для представителей любой иной культуры они могут содержать в себе разное, часто неожиданное и не прогнозируемое значение.

Материалом исследования послужили южнокорейские рекламные ролики. В эксперименте участвовало 56 человек, 30 – студенты специальности «Реклама и связи с общественностью», 26 – студенты направления «Государственное и муниципальное управление». Возрастная категория от 18 до 21 года. По данным опроса, 80% респондентов видели корейскую рекламу ранее, 90% респондентов знакомы с корейской продукцией.

В ходе исследования вниманию аудитории были представлены группы роликов: 4 рекламных ролика известных транснациональных брендов и 4 рекламных ролика национальных южнокорейских брендов. В первую группу вошли южнокорейские рекламные видеоролики транснациональных брендов Sprite, Coca-Cola, Nescafe. Во вторую - рекламные ролики национальных южнокорейских брендов Beapole, Lock&Lock, Clalen. Проанализировав вербальный компонент видеороликов, выяснили, что в южнокорейской рекламе часто используются заимствования из английского языка. Например, в конце рекламного ролика бренда Beapole слово «ветровка» представлена не на корейском, а на английском языке. В названиях национальных брендов также часто используется латинский шрифт.

Среди невербальных компонентов в южнокорейских видеороликах выделим элементы звукового кода (музыка, голоса, звуки, звук льющейся воды, шелест ветра, шум мотора автомобиля и т.д.) и элементы визуального кода, который выражен видеорядом (люди, бытовые предметы, автомобили, поле, квартира, улица, сцена и т.д.).

В ходе экспериментального исследования выяснилось, что звуковой и визуальный компоненты способствуют запоминанию торговой марки путем создания ассоциаций. Также было подтверждено, что невербальные компоненты помогают идентифицировать товар, регулировать настроение, иллюстрировать информацию и образы вербального текста и изображения, создавать определенный звуковой ритм, что способствует восприятию, пониманию и запоминанию у респондентов рекламного сообщения в условиях межкультурной коммуникации.

В результате исследования пришли к выводу, что основными проблемами межкультурной коммуникации в рекламе являются отсутствие у респондентов понимания

вербальной составляющей рекламного сообщения, неосведомленность и недостаточная информированность о традициях, культуре и менталитете страны, чья реклама им была предложена для просмотра.

По итогам опроса, проведенного после просмотра южнокорейских рекламных роликов транснациональных брендов Sprite, Coca-Cola и Nescofe, были получены практически одинаковые результаты у большинства респондентов. Во-первых, все испытуемые узнали объект рекламы благодаря логотипам и отметили, что знакомые черты бренда повлияли на их восприятие рекламного сообщения. Во-вторых, у 80 % респондентов при просмотре рекламного ролика возникли положительные эмоции, так как знакомые товары рекламировались по-новому, героями рекламных роликов были известные южнокорейские актеры и певцы.

Во второй части эксперимента испытуемым были предложены ролики с рекламой национальных южнокорейских брендов, ориентированных на внутренний рынок. В результате были получены следующие данные. В роликах брендов Lock&Lock (национальный бренд бытовой техники) и Beaprole (национальный бренд одежды) в конце использовались изображения рекламируемых товаров, что позволило 88 % респондентов правильно определить объект рекламы. При просмотре яркого 4-минутного ролика бренда Clalen (контактные линзы) с популярной актрисой в главной роли у 76 % респондентов возникли отрицательные эмоции. Причина - полное непонимание того, что происходило на экране. Никто из испытуемых правильно не определил объект рекламы, высказывались предположения, что это может быть рекламой духов, гигиенической косметики, средства от прыщей, крем от морщин, стирального порошка, освежителя воздуха и т.д.

По результатам проведенного исследования были выявлены следующие закономерности.

Во-первых, результаты эксперимента продемонстрировали, что современная реклама, включающая коды двух разных семиотических систем, представляет собой специфический неоднородный текст, в котором основное содержание передается с помощью вербальных и невербальных средств, находящихся в разном соотношении.

Во-вторых, иллюстрация является главным компонентом, по которому, находясь в условиях межкультурной коммуникации, потребитель может определить объект рекламы.

В-третьих, иллюстрация как невербальный компонент рекламы является самым запоминающимся элементом рекламного ролика иной лингвокультуры.

Полученные результаты позволяют предложить некоторые рекомендации копирайтерам, работающим на внешний рынок. Во-первых, для получения желаемого результата от вывода товара или услуги на международный рынок необходимо учитывать особенности национальной культуры, традиции и обычаи страны, в которой планируется рекламная кампания.

Во-вторых, для достижения поставленных целей рекламной кампании в условиях межкультурной коммуникации следует учитывать вербальную составляющую рекламных сообщений – перевод рекламного текста на национальный язык страны, в которой планируется рекламная кампания.

В-третьих, для эффективного воздействия на представителя иной лингвокультуры следует учитывать невербальную составляющую рекламных сообщений – цветовую гамму, шрифт, визуальные образы, звуковое сопровождение и т.д. Насыщение невербальными компонентами рекламного сообщения обязательно при отсутствии или переизбытке его вербальной составляющей.

В-четвертых, для того чтобы достичь желаемого восприятия рекламного сообщения потребителем, следует использовать рекламные приемы, привычные для населения страны, в которой планируется рекламная кампания.

Восприятие рекламы в условиях межкультурной коммуникации зависит от подачи рекламного сообщения, от оптимального сочетания невербальных и вербальных компонентов, доступных для понимания представителям другой культуры. Отсутствие достаточного наполнения невербальными компонентами рекламного сообщения на иностранном языке негативно сказывается на восприятии.

Исследование также показало, что невербальные компоненты в рекламном сообщении передают больше информации, чем вербальные, а в условиях межкультурной коммуникации значение невербальных компонентов существенно увеличивается, часто они являются единственными носителями информации для иностранцев. Если рекламодатели хотят, чтобы их рекламное сообщение достигло разных целевых аудиторий, необходимо учитывать степень и условия восприятия вербальных и невербальных компонентов.

Важно отметить, что в современном мире, где происходит взаимодействие различных культур не только на международном рекламном рынке, но и в одной стране, наличие представлений о межкультурной коммуникации играет одну из главных ролей в достижении успеха рекламной кампании. Благодаря учёту кросс-культурных особенностей компания или предприятие могут избежать многих рисков функционирования в условиях межкультурной коммуникации.

По меткому замечанию Т.В. Шмелевой, городские вывески являются коммуникативной единицей [2]. Это дает нам основание рассматривать и рекламу во всех её видах как коммуникативную единицу. Более того, предлагаем использовать рекламу как учебную единицу, а то значит, что реклама может быть успешно использована на уроках иностранных языков. Например, при семантизации лексики, усвоении синтаксических конструкций, расширении словарного запаса, изучении фразеологии, знакомстве с прецедентными текстами. А видео-реклама может помочь усвоению фонетики и интонации изучаемого языка.

Литература

1. Бугаева И.В. Реклама в свете межкультурной коммуникации // I Международная научно-практическая конференция «Пересекая границы: Межкультурная коммуникация в глобальном контексте» / Отв. ред. Н.Г. Брагина, А.Г. Жукова. М.: Гос.ИРЯ им. А.С. Пушкина, 2018. С. 55-56. ISBN 978-5-9826176-7
2. Шмелева Т.В. Коммуникативные единицы на городских вывесках // Русский язык за рубежом. 2017. № 5. С. 14-18.

Бугаева И.В.,
Особенности восприятия невербальных компонентов
рекламы в условиях межкультурной коммуникации
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 65-69.

Bugaeva I.V.,
Specific features of perception of nonverbal
components in intercultural communication
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 65-69.

Specific features of perception of nonverbal components in intercultural communication

Bugaeva I.V.,

*Full PhD of Philology, Professor in Moscow State University of Psychology and
Education, Moscow, Russia, bugaevaiv@mgppu.ru*

The study, based on the analysis of South Korean videos, focuses on the analysis of the nonverbal components of advertising and their role in the perception of advertising messages in terms of intercultural communication.

Key Words: advertising; verbal and non-verbal components; intercultural.

References

1. Bugaeva I.V. Reklama v svete mezhkul'turnoj kommunikacii // I Mezhdunarodnaya nauchno-prakticheskaya konferenciya «Peresekaya granicy: Mezhkul'turnaya kommunikaciya v global'nom kontekste» / Otv. red. N.G. Bragina, A.G. Zhukova. M.: Gos.IRYa im. A.S. Pushkina, 2018. S. 55-56. ISBN 978-5-9826176-7
2. Shmeleva T.V. Kommunikativnye edinicy na gorodskih vyveskah // Russkij yazyk za rubezhom. 2017. № 5. S. 14-18.

Кателина Л.С., Корнев В.А.,
Роль психологического климата в обучении иностранных
студентов подготовительного факультета в российском
вузе
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 70-74.

Katelina L.S., Kornev V.A.,
The role of the psychological climate in the
training of foreign students at the
preparatory faculty in a Russian university
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 70-74.

Роль психологического климата в обучении иностраннх студентов подготовительного факультета в российском вузе

Кателина Л.С.,

*кандидат филологических наук, преподаватель кафедры русского языка, ВГМУ,
Воронеж, Россия*

Корнев В.А.,

*кандидат филологических наук, доцент, ст. преподаватель кафедры русского языка,
ВГМУ, Воронеж, Россия*

Статья посвящена проблеме создания благоприятного психологического климата в процессе обучения иностранных студентов в российских вузах на начальном этапе обучения на факультетах предвузовской подготовки. Пристальное внимание в ней уделяется педагогическим технологиям, путям и способам решения названной проблемы. Особый интерес представляет подход к решению проблемы во многом с точки зрения самих учащихся, анализируемой по результатам проведенного авторами анкетирования.

Ключевые слова: психологический климат, культура здоровья, образование как ценность, мотивация здорового образа жизни, здоровье сберегающие технологии.

Для цитаты:

Кателина Л.С., Корнев В.А. Роль психологического климата в обучении иностранных студентов подготовительного факультета в российском вузе [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Katelina_Kornev.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Katelina L.S., Kornev V.A. The role of the psychological climate in the training of foreign students at the preparatory faculty in a Russian university [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Katelina_Kornev.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Существуют разнообразные психолого-педагогические технологии, программы, методы, которые направлены на воспитание у учащихся культуры здоровья, личностных качеств, способствующих их сохранению и укреплению, формирование представления об образовании как ценности, методы, создающие мотивацию на ведение здорового образа жизни и получение полноценного образования [3].

Качественная характеристика любой образовательной технологии – это совокупность тех принципов, методов педагогической работы, которые, дополняя традиционные технологии обучения и воспитания [4], создают возможность обучать студентов в режиме здорового микроклимата, способствующего гармоничному развитию личности, сохранению интереса к будущей профессии.

Опрос студентов медицинского университета позволил выделить некоторые значимые для студентов факторы, влияющие на отношение к процессу обучения, на восприятие окружающей действительности [2].

В конечном итоге мы попытались проанализировать соотношение ожидаемых и реализуемых потребностей личности в области образовательных, духовных, культурных и жизненных аспектов с точки зрения иностранного студента в российском вузе. Особенно интересующим нас фактором была оценка психологического комфорта, а именно, психофизиологического состояния, возникающего в процессе жизнедеятельности учащегося в результате оптимального взаимодействия его со внутривузовской образовательной средой [1].

Опрос студентов проводился в форме анонимных опросных листов, где каждая позиция оценивалась по 10-балльной шкале, и каждая позиция предусматривала оценку значимости названного фактора на родине студента (до начала обучения) и оценку фактора в период обучения в российском вузе.

Таким образом, мы получили совокупные данные о некоторых психологических аспектах ожидаемых реалий и действительно реализованных фактах. Оценка их приоритета для студентов позволила сделать некоторые наблюдения.

В материалах опроса были выделены некоторые значимые для студентов категории.

1. Создание образовательной среды, обеспечивающей снятие всех стрессовых факторов учебно-воспитательного процесса. Атмосфера доброжелательности, вера в силы учащегося, индивидуальный подход, создание для каждого ситуации успеха необходимы не только для познавательного процесса, но и для нормального психофизиологического состояния обучающихся.

2. Творческий характер образовательного процесса. Этот прием повышает интерес к процессу обучения, активизирует мыслительный процесс, создает предпосылки для развития индивидуальных возможностей студентов. Возможность для реализации творческих задач достигается использованием на занятиях, уроках и во внеурочной работе активных методов и форм обучения.

3. Обеспечение мотивации образовательной деятельности. Учащийся – субъект образования и обучающего общения, он должен быть эмоционально вовлечен в процесс социализации, что обеспечивает естественное повышение работоспособности и эффективности работы мозга не в ущерб здоровью. Важно выявить личную мотивацию студентов, способствовать реализации личной мотивации как метода повышения качества знаний.

4. Основой качественного обучения считается построение учебно-воспитательного процесса в соответствии с закономерностями становления и развития психических функций обучаемого. Прежде всего имеется в виду переход от совместных действий к самостоятельным, от действия в материальном плане по материализованной программе к речевому и умственному планам выполнения действия, переход от развернутых поэтапных действий к свернутым и автоматизированным. Предпочтение значимого осмысленного содержания при освоении нового материала, принцип целостности изучаемого предмета. Это оценивается студентами как качество образования.

7. Осознание учащимся успешности в любых видах учебной деятельности. Педагогу нет необходимости быть необъективным – он может выделить какой-то аспект работы, похвалить за старание в определенный период времени.

8. Рациональная организация здорового образа жизни.

9. Обеспечение адекватного восстановления сил. Смена видов деятельности, регулярное чередование периодов напряженной активной работы и расслабления, смена произвольной и эмоциональной активации необходимо во избежание переутомления учащихся. Здесь важным моментом является эмоциональная разрядка на уроке, снятие психологического напряжения.

Таким образом, мы получили совокупные данные о некоторых психологических аспектах ожидаемых реалий и действительно реализованных фактах. Оценка их приоритета для студентов позволила сделать некоторые наблюдения.

Оценка ожидаемых факторов и событий по большей части не совпадает с оценкой реализуемых категорий. Из представленных данных первая цифра – это ожидаемое значение, вторая – реализованное фактически.

Так, ожидания трудностей адаптации были преувеличены.

Факт адаптации оценивается в два раза менее напряженным, чем ожидали студенты, что по 10- бальной шкале составляет 4,07 балла ожидаемых и 2,8 балла реализуемых.

Нарушение режима дня, отсутствие здорового образа жизни реально показало результаты в 2 раза более значимые против ожидаемых, что соответствует 2,7 –3,6 баллам.

Влияние природно-климатических факторов, холодный климат оценены как более существенные по сравнению с ожиданием, где балл ожидания равен 3,6 и балл реализации равен 4,0.

Стрессовая педагогическая тактика (излишне жёсткие требования к дисциплине учебной работы и поведения), интенсификация учебного процесса, постепенное нарастание умственного и психологического утомления, которое выражается в снижении работоспособности (рассеивается внимание, ослабляется память, появляется неуверенность в своих возможностях) – данные факторы в своей оценке ожидания и реализации в основном совпадают что составляет 3,2 и 3,07 балла.

Выделяется вопрос о снижении интереса к работе, что соответствует 2,8 баллам предполагаемого уровня и 3,3 реализованного. Можно предположить, что реальные трудности проживания оказали негативное влияние на стабильность интереса к обучению.

Отсутствие семейной поддержки вдали от родины оказалось достаточно существенным психологическим фактором, уровень которого указан как 4,0 балл ожидания и 4,2 балл реализации.

Факторы психологического комфорта получили более высокую эмоциональную оценку, что можно понимать как важный для студентов момент в процессе обучения.

Интерес к знакомству с новым образом быта, социальной жизни, интерес к общению с людьми других национальностей получил значимые баллы, что составляет 5,1 – 4,6 балла.

Наличие личной мотивации деятельности учащихся на уроке, т. е. получение знаний, профессии – 5,6 –7,1 балла.

Удовлетворение полученным уровнем знаний – 6,1 – 5,8 балла.

Высоко оцениваются студентами факторы внешней мотивация: оценка, похвала, поддержка, соревновательный момент как стимул активности и интереса, эмоциональные разрядки на уроке, использование игровых технологий, игровых обучающих программ, оригинальных заданий и задач, введение в урок исторических экскурсов и отступлений, которые позволяют снять эмоциональное напряжение – 6,1 – 6,8 баллов.

Очень существенным оказался фактор положительных взаимоотношений на уроке: учитель – ученик (комфорт – сотрудничество), что оценивается как 6,1 –7,4 балла.

Индивидуальный подход к студенту — 6,3 – 6,5 балла. Самую высокую оценку получил такой фактор, как атмосфера доброжелательности в отношениях с преподавателем – 7,3 – 8,2 балла.

Опрос студентов позволил выявить ряд факторов, способствующих благоприятному психологическому климату. Полученные данные показывают, что создание благоприятной психологической атмосферы в период обучения помогает реализовать основные задачи обучения – подготовку специалиста высокой квалификации, сохраняя при этом психологическое здоровье учащихся, создавая положительный настрой в отношении к стране обучения, к коллективу университета. Поддержание оптимистического рубежа как методический прием «возвышает» учащегося над его проблемами, и он сам начинает верить в себя и преодолевать сложности обучения.

Структурными составляющими комфорта для студента в период обучения являются психологический, интеллектуальный и физический комфорт. Их единство в процессе образовательной деятельности и есть одно из условий полноценного личностного развития студента. Психологический комфорт указывает на состояние радости, удовольствия, удовлетворения, которые учащийся переживает, находясь в образовательном учреждении. Эти состояния связаны с процессом обучения (т.е. интеллектуальным комфортом) и с организацией предметного окружения (т.е. физическим комфортом). Действия педагога по конструированию комфортной среды заключаются в обеспечении наиболее благоприятных условий для взаимодействия со студентами, в том, чтобы дать возможность студенту проявиться в полной мере как личности.

Литература

1. *Выготский Л.С. Психология. – М., 2002.*
2. *Земскова В.П. Здоровьесберегающие технологии в образовательном процессе // Электронный научно-практический журнал «Ресурсы, обзоры и новости образования». Выпуск 9 (март 2011).*
3. *Косянчук Н.М., Черных А.В. Формирование учебной мотивации студентов медицинского вуза // Электронный научно-образовательный вестник Здоровье и образование в XXI веке. 2014. Т. 16. № 9. С. 1-3.*
4. *Питюков В.Ю. Основы педагогической технологии. Учебно-практическое пособие. – М.: Ассоциация авторов и издателей «Тандем», 1997.*

The role of the psychological climate in the training of foreign students at the preparatory faculty in a Russian university

Katelina L.S.,

PhD in Philology, lecturer of the Russian language department, VSMU, Voronezh

Kornev V.A.,

PhD in Philology, senior lecturer of the Russian language department, VSMU, Voronezh

The article is devoted to the problem of creating a favorable psychological climate in the process of teaching foreign students in Russian universities at the initial stage of study at the faculties of pre-University training. It pays close attention to pedagogical technologies, ways and means of solving this problem. Of particular interest is the approach to solving the problem largely from the point of view of the students themselves, analyzed on the basis of the results of the survey conducted by the authors.

Key Words: psychological climate, culture, health, education as a value, nati language lifestyle, health saving technologies.

References

1. Vygotskij L.S. Psihologiya. – M., 2002.
2. Zemskova V.P. Zdorov'esberegayushchie tekhnologii v obrazovatel'nom processe // EHlektronnyj nauchno-prakticheskij zhurnal «Resursy, obzory i novosti obrazovaniya». Vypusk 9 (mart 2011).
3. Kosyanchuk N.M., CHernyh A.V. Formirovanie uchebnoj motivacii studentov medicinskogo vuza // EHlektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj vestnik Zdorov'e i obrazovanie v XXI veke. 2014. T. 16. № 9. S. 1-3.
4. Pityukov V.YU. Osnovy pedagogicheskoy tekhnologii. Uchebno-prakticheskoe posobie. – M.: Associaciya avtorov i izdatelej «Tandem», 1997.

Махмудова С.М.,
Языковая репрезентация аксиологической доминанты
концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира
рутулов
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 75-81.

Makhmudova S.M.,
Language representation of the axiological
dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in
the national picture of the world of Rutul
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 75-81.

Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов

Махмудова С.М.,

доктор филологических наук, профессор кафедры "Лингводидактика и межкультурная коммуникация" Московского государственного психолого-педагогического университета, Москва, Россия, rutulsveta@mail.ru

Рутулы – седьмой по численности коренной народ Дагестана. Рутулы называют себя мыха1быр. По результатам переписи 2010 года рутулов 35 240 человек, однако это сильно заниженная цифра, так как рутулов, проживающих в Азербайджане (более 20 000), указывают азербайджанцами по национальности, рутулов старшего поколения и хновских рутулов – как лезгин. Фактически рутулов – около 80 тысяч. Материалом исследования настоящей работы послужили представления о концепте Абыр "Этика" в языковой картине рутулов, во многом определяющие менталитет, этическую и духовную основу горского народа Дагестана.

Ключевые слова: рутульцы, этика, менталитет, национальная картина мира.

Для цитаты:

Махмудова С.М. Языковая репрезентация аксиологической доминанты концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира рутулов [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Makhmudova.shtml> (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Makhmudova S.M. Language representation of the axiological dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in the national picture of the world of Rutul [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: <http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Makhmudova.shtml> (Accessed dd.mm.yyyy)

Рутулы – седьмой по численности коренной народ Дагестана. Рутулы называют себя мыха1быр. По результатам переписи 2010 года рутулов 35 240 человек, однако это сильно заниженная цифра, так как рутулов, проживающих в Азербайджане (более 20 000), указывают азербайджанцами по национальности, рутулов старшего поколения и хновских рутулов – как лезгин. Фактически рутулов – около 80 тысяч [Махмудова 2002].

В последние годы в лингвистике одними из приоритетных признаны направления, которые исследуют национальный менталитет народа – лингвокультурология, лингвистическая аксиология, этнолингвистика, этнопсихоллингвистика, а также когнитивная лингвистика и т.д. Лингвисты связывают строение языка с концепцией национальной картины мира народа, доказывая, что язык формирует тип мышления человека. Наряду с универсальностью некоторых общечеловеческих концептов, существуют и специфические для каждого конкретного народа концепты, и иногда концептосфера языка служит ключом к пониманию особенностей стиля жизни как всего народа, так и отдельных его представителей.

Проблемы языковой картины мира разрабатываются в работах Р. Лангакера, А. Вежбицкой, Н.Д. Арутюновой, Ю.Д. Апресяна, В.Н. Телии, Д.А. Леонтьева, Е. Рахилиной, и др.

Материалом исследования настоящей работы послужили представления о концепте Абыр "Этика" в языковой картине рутулов, во многом определяющие менталитет, этическую и духовную основу горского народа Дагестана.

Древний кодекс чести рутулов - своеобразная конституция, которой они неукоснительно подчинялись поколение за поколением. Правила горской чести четко, подробно и конкретно прописаны в неписаном своде законов гор, который называется Абыр.

Абыр - это закон гор и кодекс чести, основа нравственных законов, национального самосознания рутулов, культурно-исторический феномен рутульского народа, который следует соблюдать неукоснительно, правила этикета, составленные многими поколениями предков. Абыр - это высшая мораль гор и горцев, в которой прописано каждое действие в семье и в обществе.

Приведем основные положения кодекса Абыр - этикета рутулов.

Мужчина должен всю жизнь беречь свою честь и честь своей семьи:

всегда и во всем повиноваться сперва деду, потом отцу, потом старшим мужчинам своего рода;

безусловно подчиняться старшим;

не сидеть в присутствии деда или отца;

если пришлось сесть, то по правую руку их; если сыновей двое или больше, то по обе руки - старший по правую руку;

в пути идти рядом с отцом по правую руку;

отец или братья не могут присутствовать на свадьбе дочери, сестры, при этом должны полностью обеспечить и контролировать свадьбу;

в танце мужчина приглашает женщину; женщина не должна смотреть на мужчину, с которым танцует; пытаться уйти, а мужчина в танцевальном прыжке не позволять ей уходить; в танце мужчина не должен приближаться или прикасаться к женщине, даже если это его жена;

почитать и ухаживать за бабушкой по отцу, матерью, бабушкой по матери;

быть строг в семье - не показывать любовь к жене или своим детям, никогда при родителях не разговаривать со своей женой или брать своих детей на руки (при этом можно показывать любовь к детям брата или сестры);

если кто-либо оскорбит его или членов его семьи - отца, мать, сестру, жену, дочь, смыть оскорбление только кровью; если же женщины семьи заслужили оскорбление своим поведением, смыть кровью позор;

избегать бедности, содержать свою семью и родителей в хороших материальных условиях; помогать членам своего рода, помогать слабым и больным, старым и одиноким в своем роду, селе, народе.

Мужчина должен сохранять спокойствие и хладнокровие в любых обстоятельствах:

избегать хвастовства и многословия;

никогда не хвалить себя или членов своей семьи на людях;

уметь владеть собой в любой ситуации;

Махмудова С.М.,
Языковая репрезентация аксиологической доминанты
концепта 'Этика' ('Абыр') в национальной картине мира
рутулов
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 75-81.

Makhmudova S.M.,
Language representation of the axiological
dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in
the national picture of the world of Rutul
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 75-81.

не повышать никогда голос;
реагировать на все с внешним спокойствием;
уметь стойко переносить страдания, как физические, так и душевные, принимать хорошие или скорбные события, не дрогнув ни одним мускулом лица;
всегда быть готовым защищать родину, свое селение и род;
никогда не отступать в бою;
не показывать страха, тем более слез;
презирать смерть;
быть готовым смело смотреть в лицо испытаниям;
не позволять себе выходить из себя: не вытаскивать кинжал из ножен настолько долго, сколько сможет, а если уже вытащил - убить.
Мужчина должен выглядеть красиво:
содержать тело и одежду в опрятности и чистоте;
избегать чревоугодия и быть воздержанным в еде;
держат осанку.
Мужчина должен достигать хорошего уровня в образовании:
уметь читать и слагать стихи;
знать лучшие стихотворения мастеров слова своего народа наизусть;
достичь такого уровня в образовании, чтобы без труда мог поддерживать разговор на любую тему.
Мужчина должен быть честным и благородным:
обладать чувством собственного достоинства, гордостью;
иметь самообладание, силу воли,
не давать слово, а если обещал, выполнить даже ценой жизни;
ставить интересы народа выше собственных;
никогда не лгать, не лукавить, ценить слово выше жизни.
Мужчина должен уметь принимать гостей:
стараться иметь кунака в других селениях;
уметь принимать кунака так, как родного брата, предоставляя ему кров, пищу, защиту и сообщить общине о том, что это его кунак, что тот находится под его покровительством не только в его доме, но всюду, даже в собственном селении кунака;
если порог дома переступит гость, обеспечить ему лучшее питание и ночлег на все то время, пока он не покинет дом;
если гостю угрожает опасность, защищать его, взять на себя его заботы.
Мужчина должен соблюдать законы горской чести – Абыр.

О мужчинах и их роли в обществе в рутульском языке зафиксированы пословицы:

Йигит хала йикъидиш

Джигит не умирает дома.

Гъа1р бармак гъад выг1ылды диш

Не всякий, кто в папахе, мужчина.

Жена не должна никогда ни при каких обстоятельствах смеяться или говорить громко в присутствии свекра, деда мужа или любого мужчины рода мужа;

жена не должна разговаривать с мужем при родителях – своих и мужа;

жена мужа и муж жену не должен называть по имени;

жена в пути должна идти на шаг сзади мужа или других мужчин рода мужа;

жена никогда не должна перечить родителям мужа и его братьям;

жена не должна часто ходить к родителям или советоваться с ними по своим семейным вопросам.

Положение женщины в семье прописано также в пословицах:

Бармак шалырыхъаъ юкъва1 виъи

Папаха тяжелее шали.

Шу шурукадид мийикъий

Пусть брата даже птичка не потеряет.

Ха1ле Йиниш, хала – выг1ыл

На небе – бог, в доме – муж.

Лаъ ул ливийне, - Йиниш, саъ ул ливийне, - выг1ыл

Вверх глаза поднимешь, - Бог, вниз посмотришь, - муж.

Къариед Йиниш выг1ыл и

Бог жены – муж.

Отношение к самой жене и женщине в доме изложено в пословицах:

Къав гъад – хал, гъадишды – хараб

Тот, что с крышей, - дом; без крыши – развалины.

Къав гъадишды харабас хы1н рыхы1д и

В развалины без крыши выходят по нужде.

Йивандыхда на хыдынийхда ватан вурӯурудиш

У лошади и у женщины родины не бывает.

Къа1гъбийяхда йывыб лычек вурӯуд и: са маннийыы ливес чалыш рурӯура.

У гулящей женщины бывает семь платков, один старается накинуть на другую.

Къа1гъбе хыдылды къва1д рак лийес чалыш рурӯура

Гулящая женщина старается иметь две двери.

Хьыдынийды гьакьал дабне а

Ум женщины в подоле ее платья.

Хьыдынийе къазамиш гыгыд ки йикьийхь, к1ат1ырыра выгыд гылыгъ ки

Нет проку от заработка женщины и от яйца, снесенного курицей.

Тем не менее женщина признается умной и опасной:

Гъубгъуд на хьыдынийды сир алгадиш

У пчелы и у женщины тайну не найдешь.

Къариере выгыл лаъ ки гьаъара, саъ ки

Жена мужа и поднять может, и опустить.

Быт1рад къари не юргъа йиван къумшияхда йикийхь

Красивая жена и иноходец-скакун пусть будут у соседа.

Юргъа йивандид джыбра руг руъуд и, быт1рад хьыдынийды джыбра – ч1ел

Сзади породистого скакуна пыль бывает, сзади красивой женщины – хула.

Цинды кетхудидаа бырдж ла1ма1буш, хьыдыныйде сир малуц1

Не проси в долг у новоиспеченного богача, не доверяй секрет женщине.

Девушка, которая уже вышла замуж, даже в родительском доме не оказывается нужной:

Рыш дидды хала, къурукъ йишир, хьыблихъван хъу1маргъу1й

Дочь в отцовский дом даже как листик, гонимый ветром, пусть не вернется.

Хъед ад арха парч руъуд и, рыш ад хала – ч1ел

К источнику с водой кувшин приходит, в дом с девушкой – слово (ссоры, обсуждения).

Рыш вырды масалды духул виъи

Дочь – камень для чужой стены.

Выг1лис руръус йигад рышере къабыр йаха гьаъара

Девушка, которая хочет замуж, посуду бьет.

Бабушка по отцу (Къухъды нин “Старшая мать”) может командовать всеми женщинами в семье, вести хозяйство, распределять обязанности по хозяйству, но ею может командовать даже самый маленький мужчина дома – ее внук: если мужчина входит в комнату, все женщины встают, - бабушка может привстать, если она очень пожилая. При входе внука бабушка встанет, показывая пример уважения к мужчинам другим женщинам в доме, откуда в языке пословицы:

Ти к1ыгъды выг1ылды ки хьыдыныйхъаъ бармакас къухъа йиъи

“Даже самый маленький мужчина старше женщины на папаху”;

Дух халды мыхъыл виъи, рыш –вырды халды ригизан

Сын – бревно, на котором держится крыша рода, дочь – порог чужого дома.

Дедушка по матери (Нинды дид “Отец матери”) иногда никогда не приходит в дом своей дочери, а если придет, то исключительно на свадьбу или похороны. Так же редко в доме сестры должен появляться ее брат.

Бабушка по матери (Нинды нин "Мама матери") должна приходить крайне редко в дом своей дочери. Никаких прав, совещательного голоса у нее нет.

Братья и сестры должны поддерживать друг друга во всем, однако брат руководит сестрами, даже старшими, а сестры не смеют ослушаться любого решения брата. Отсюда в языке пословицы:

Ришис шу банад клеъэлыы гъана гъабгура, шус риши - рылхъыд гутлахъде гине
"Брат сестре кажется стоящим на вершине горы, а брату сестра - под кучей золы".

Шу шурукадид ки мийкыйхъ

Пусть даже у птицы не умирает брат.

В Рутуле не было классового расслоения. Все люди были одинаково равноправны, не подчиняясь никому, кроме своих отцов и решения своего джамаата. Это была идеальная демократия, что и отражается в языковом сознании рутулов.

Таким образом, концептологический анализ понятия Абыр демонстрирует, что данный концепт является определяющим для мира горца, основной доминантой, на которой строится мировидение, концептом, выстраивающим всю жизнь в определенной плоскости, ключевым для образа мышления.

Литература

1. Арутюнова, Н.Д. *Время: модели и метафоры* / Н.Д. Арутюнова // *Логический анализ языка: язык и время* / отв. ред. Н.Д. Арутюнова, Т.Е. Янко – М., 1997. - С.51-61.
2. Лакофф, Д. *Метафоры, которыми мы живем* / Д. Лакофф, М. Джонсон // *Теория метафоры: сб.* – М., 1990.
3. Лангакер, Р. В. *Природа грамматической валентности* -V *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология.* 1998 N5. С. 73-111.
4. Лангакер, Р. В. *Модель, основанная на языковом употреблении* // *Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология.* 1997. N4: с. 159-174; N 6: с. 101-123.
5. Махмудова, С.М. *Грамматические классы слов и грамматические категории рутульского языка. Автореф. дисс.... д. филол. н. М., 2002.*
6. Рахилина, Е.В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость* / Е.В. Рахилина. – М.: Русские словари, 2000.
7. Степанов, Ю.С. *Семиотика концептов* / Ю.С. Степанов // *Семиотика: антол.* / сост. Ю.С. Степанов. - 2-е изд., испр. и доп. – М.; Екатеринбург, 2001.
8. Телия, В.Н. *Метафоризация и ее роль в создании языковой картины мира* / В.Н. Телия // *Роль человеческого фактора в языке.* – М., 1988. – С.173-204.
9. Телия, В.Н. *Русская фразеология Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты* / В.Н. Телия. – М.: Школа "Языки русской культуры", 1996.

Language representation of the axiological dominant of the concept 'Ethics' ('Abyr') in the national picture of the world of Rutul

Makhmudova S.M.,

Doctor of Philology, Professor of the "Linguodidactics and Crosscultural Communication" chair, Moscow State University of Psychology and Education, Moscow, Russia

Rutuli are the seventh most numerous indigenous people of Dagestan. Rutul call themselves "makhabir". According to the results of the 2010 census, there are 35,240 Rutuls, but this is a very low figure, since the Rutulis living in Azerbaijan (more than 20,000) are indicated by Azerbaijanis by nationality, Rutuls of the older generation and hnovsky Rutuls - as Lezgins. In fact there are about 80 thousand Rutuls. The material of the study of this work was the idea of the concept of Abyr "Ethics" in the language picture of Rutul, largely determining the mentality, ethical and spiritual basis of the mountain people of Dagestan.

Key Words: Rutuls, ethics, mentality, national picture of the world.

References

1. Arutyunova, N.D. Vremya: modeli i metafory / N.D. Arutyunova // Logicheskij analiz yazyka: yazyk i vremya / otv. red. N.D. Arutyunova, T.E. YAnko – M., 1997. - S.51-61.
2. Lakoff, D. Metafory, kotorymi my zhivem / D. Lakoff, M. Dzhonson // Teoriya metafory: sb. – M., 1990.
3. Langaker, R. V. Priroda grammaticheskoy valentnosti -V Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. 1998 N5. S. 73-111.
4. Langaker, R. V. Model', osnovannaya na yazykovom upotreblenii // Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 9: Filologiya. 1997. N4: s. 159-174; N b: s. 101-123.
5. Mahmudova, S.M. Grammaticheskie klassy slov i grammaticheskie kategorii rutul'skogo yazyka. Avtoref. diss.... d. filol. n. M., 2002.
6. Rahilina, E.V. Kognitivnyj analiz predmetnyh imen: semantika i sochetaemost' / E.V. Rahilina. – M.: Russkie slovari, 2000.
7. Stepanov, YU.S. Semiotika konceptov / YU.S. Stepanov// Semiotika: antol. / sost. YU.S. Stepanov. - 2-e izd., ispr. i dop. – M.; Ekaterinburg, 2001.
8. Teliya, V.N. Metaforizaciya i ee rol' v sozdanii yazykovoj kartiny mira / V.N. Teliya // Rol' chelovecheskogo faktora v yazyke. – M., 1988. – S.173-204.
9. Teliya, V.N. Russkaya frazeologiya Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij aspekty / V.N. Teliya. – M.: SHkola "YAzyki russkoj kul'tury", 1996.

Концепт «время» в англоязычных пословицах и поговорках

Уткина Л.Н.,

доцент кафедры «Лингводидактика и межкультурные коммуникации» факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, loraut@mail.ru

Ковалевич Д.С.,

студентка 3 курса факультета «Иностранные языки», ФГБОУ ВО МГППУ, Москва, Россия, BSakaKS@yandex.ru

Статья посвящена анализу лексических средств вербализации концепта «время» в англоязычных пословицах и поговорках. Кратко объясняется суть феномена времени и роль концепта «время» в системе языка. Представлены группы лексических единиц, вербализирующих темпоральность в английском языке, и их связи со свойствами феномена времени, а также результаты анализа пословиц и поговорок с данными лексическими единицами. В результате анализа выявлены тематические группы, описывающие общие особенности концепта «время» во фразеологической картине мира носителей английского языка.

Ключевые слова: концепт, пословица, поговорка, время, темпоральность, картина мира, вербализация.

Для цитаты:

Уткина Л.Н., Ковалевич Д.С. Концепт «время» в англоязычных пословицах и поговорках [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Utkina_Kovalevich.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Utkina L.N., Kovalevich D.S. Concept "time" in English proverbs and sayings [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Utkina_Kovalevich.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Вопрос связи языка и мышления – один из главных вопросов теоретической лингвистики. Несмотря на то, что до сих пор не были выявлены точные механизмы их взаимодействия, общепризнанным является тот факт, что концептуальная и языковая картины мира тесно взаимосвязаны, а значит, язык отражает опыт его носителей. Внутри языковой картины мира, как одна из наиболее значимых, выделяется фразеологическая, основанная на паремиях.

Пословицы и поговорки, как виды паремий, отражают опыт нации и важные для данного народа бытовые, социальные, исторические и духовные смыслы и идеи. Из-за тесной связи с жизнью народа и событиями из его истории, паремии зачастую оценочны и обладают коннотациями, возникающими в зависимости от народного опыта. Как пишет А.В. Вестфальская: «Положительный или отрицательный оценочный элемент является определяющим компонентом коннотации и обусловлен не только веками сложившейся системой нравственной культуры каждого народа, но политической и идеологической

платформой конкретного государства на определенном этапе его развития» [1, с. 1]. Всё это делает пословицы и поговорки хорошим материалом для анализа вербализации концептов и сложных понятий в языке.

Время – это абстрактное понятие и феномен, лежащий в основе как языковой, так и научной картин мира. Многие учёные и философы пытались исследовать данное явление, чтобы ответить на такие вопросы, как: какова природа времени, его свойства, существует ли время вообще, почему оно движется только в одном направлении и т.д. Уже в античности появились две противоположные точки зрения. Первой придерживался Платон; философ понимал время как образ движущейся вечности, которая существует независимо от материальных тел и процессов. Аристотель же считал, что существование времени возможно только благодаря сознанию [2]. Эти две точки зрения нашли своё отражение в физике и естествознании: И. Ньютон утверждал, что время – это независимый поток, текущий от прошлого к будущему, в то время как Лейбниц в своих трудах писал, что время – это субъективный способ восприятия окружающей действительности [2]. В современной физике с XX века сложилось представление о времени как о явлении, зависимом от материальных условий замкнутой системы и имеющем определённые метрические свойства. Ход времени может быть замедлен или ускорен в зависимости от условий [2]. Сложность феномена времени и его значимая роль в картине мира стали причиной появления множества его трактовок в других науках. Эти, по сути, не связанные с физикой концепции отчасти основаны на физических свойствах времени. Так, например, ход времени и его свойства, изучаемые в физике, отражаются в языке человека. Лингвистическое время – это «языковая проекция комплекса существующих у человека знаний об этом феномене, от обыденных до научных» [2, с. 2]. Лингвистическое время участвует в преобразовании окружающей действительности в языковую картину мира и выражает связь между языком, деятельностью человека и объективной действительностью.

Как мы можем видеть, время – это очень сложный феномен, все грани которого, так или иначе, находят отражение в языке в виде лингвистического времени. Для того чтобы адекватно описать содержательную сторону подобных сложных языковых знаков, используется термин «концепт». Это прослеживается в определении концепта Д.С. Лихачёва: концепт – это «результат столкновения словарного значения слова с личным и народным опытом человека» [4, с. 3]. Конкретно концепт «время» – это базовый и общечеловеческий концепт, одна из важнейших составляющих концептуальной картины мира. Важно, что феномен времени присутствует в сознании и языке народа не только как способ временной ориентации, но и как ряд «остановившихся моментов» [6, с. 112]. В русистике, прежде всего, исследовались аспекты и вопросы времени как грамматической категории. Эти традиции заложены в трудах А. М. Пешковского, А. А. Шахматова, В. В. Виноградова, А. Х. Востокова и др. Однако любой концепт может быть вербализован лексически.

Проблему вербализации концепта подробно рассматривают З. Д. Попова и И. А. Стернин в «Очерках по когнитивной лингвистике» [5]. Языковые средства необходимы только для выражения концепта, но не для его существования. Кроме того, только наиболее значимые концепты имеют языковые средства выражения, большинство концептов существуют лишь в сознании человека, их переход в вербальную форму необязателен [5]. Существуют следующие средства вербализации концепта в языке: готовые лексические единицы и устойчивые выражения лексико-фразеологической системы языка (однако слова не передают концепт в полной мере, они выражают набор отдельных признаков концепта, необходимых для передачи конкретного сообщения); свободные словосочетания, схемы предложений (или синтаксические концепты); а также тексты или совокупности текстов (для сложных, абстрактных или индивидуально-авторских концептов) [5].

Лексика, выражающая темпоральность, по своей природе разнообразна. Это любые лексические единицы, связанные с ходом времени или определённым моментом времени:

минута, год, неделя, вчера, в пятницу. Также наречения времени и наречия места со значением темпоральности (напр., долго, далеко). Время может выражаться с помощью лексических единиц, изначально по семантике связанных с пространством, и наоборот: «Где он снял комнату? – В десяти минутах от моего дома» или «Нам долго ещё ехать? – Пару километров». Помимо описанных случаев, темпоральность вербализуют слова, связанные с определёнными историческими эпохами или событиями: мамонт, испанский сапог, Вавилон, Леонардо да Винчи. Поскольку концепт – это, в первую очередь, совокупность знаний, опыта и представлений, у человека, обладающего нужной информацией, возникают ассоциации с нужным периодом истории.

Исследуя вербализацию концепта «времени» в английском языке на примере пословиц и поговорок, мы ограничились существительными и предлогами. Нами было проанализировано 27 паремий из 5 словарей: «The Oxford Dictionary of Proverbs» (5-е и 6-е издания), двуязычный словарь М. И. Дубровина «Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях» и онлайн-словари «Cambridge Academic Content Dictionary» и «Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus».

Лексическая единица *time* – это основа и ядро концепта времени английского языка. Другие лексические единицы, вербализующие концепт, используются для называния и измерения промежутков времени: *minute, day, week, year, era, tonight, moment*, названия месяцев – *January, February, March*, и т.д., дней недели – *Monday, Tuesday, Wednesday* и т.д., времени суток – *morning, day, evening* и др. Также это группы слов, используемых для обозначения прошлого, настоящего и будущего (*yesterday, today, tomorrow* и *past, present, future*), пространственно-временные предлоги (*before, after*) и слова, связанные с историческими периодами и эпохами. Связь со временем, его свойствами, особенно метрическими, прослеживается в определениях этих слов. Например, *hour* определяется как «двадцать четвёртая часть дня и ночи, 60 минут» и «время дня, момент во времени» в Оксфордском словаре английского языка [11]. Там же *year* – это «время, необходимое Земле для совершения одного оборота вокруг солнца, равное 365 дням, 5 часам, 48 минутам и 46 секундам» [11]. Месяцы в Кембриджском словаре английского языка описываются как промежуток времени между предыдущим и последующим месяцем, имеющий определённое положение в системе измерения времени: *December* – «двенадцатый и последний месяц года, после ноября и перед январём», *August* – «восьмой месяц года, после июля и до сентября» [9]. Существует связь и с наблюдениями человека за тем, как время влияет на мир вокруг: одно из определений существительного *time* – «данный процесс и его влияние на людей и вещи» [11].

В процессе анализа пословиц и поговорок с лексическими единицами, вербализующими темпоральность, нами были выделены нижеследующие смысловые группы.

1. Паремии, в которых описано влияние времени на человека и окружающий его мир, в том числе надежда на то, что произойдут изменения в лучшую сторону.

Данная смысловая группа наиболее многочисленна, она составляет примерно половину всего исследуемого материала (14 примеров из 27): «*Time and tide wait for no man*», «*Other days, other ways*», «*Tomorrow is another day*» и др.

Пословица «*Time and tide wait for no man*», имеет следующее значение: природные процессы происходят без участия человека, поэтому, если возможность упущена, она может не появляться снова долгое время [3]. В этой паремии отражен, во-первых, тот факт, что время движется, за счёт непрямого сравнения времени с приливами и отливами – природными процессами, постоянно сменяющимися друг друга. Во-вторых, показано, что человек никак не может повлиять на ход времени, как не способен изменить процесс приливов и отливов.

Фраза «*Time is a great healer*» перекликается с древней идеей о том, что время лечит. Чаще это касается чувств и эмоций человека, нежели его физического состояния [12]. В этом

примере мы видим отражение наблюдения и опыта человека с древних времён. Люди, должно быть, обращали внимание на то, что чувства и эмоции со временем утихают, что впоследствии было закреплено в виде данной фразы.

Похожие по семантике и синтаксису поговорки «Other times, other manners», «Other times, other customs», «Other days, other ways» встречаются в разных языках [12]. Следовательно, выраженные в них идеи можно считать универсальными, то есть общими для людей разных культур. В первых двух случаях *time* употребляется во множественном числе. Это связано с тем, что под данным словом подразумевается некий исторический период, а не время как абстрактное понятие. В последнем примере существительное *times* заменяется словом *days*, которое выступает как контекстуальный синоним и имеет значение «период прошлого или настоящего» [11]. Пословица имеет следующий смысл: вместе с ходом времени меняются обычаи, традиции и правила социума, так как меняется сам уклад жизни общества.

Зная, что время может влиять на окружающий мир и на самого человека, люди отразили в поговорке «Time will tell» надежду на то, что время расставит всё по своим местам, и что позже можно будет понять, было то или иное решение верным или же нет [7].

Отдельно в первой смысловой группе можно выделить подгруппу поговорок, которые отражают надежду человека на лучшее: «The darkest hour is that before the dawn» и «Tomorrow is another day». В первой поговорке подгруппы слово *hour* описано прилагательным *dark* в превосходной степени: с одной стороны, это имеет метафорическое значение трудного времени, а с другой – является следствием наблюдения человека за природой и циклами смены времени дня. Само слово *hour* употреблено в значении «недлительный неопределённый период времени» [11]. Также темпоральность выражают предлог *before* во временном значении и существительное *dawn*, что в совокупности создаёт динамичную картину и передаёт движение времени. Во второй поговорке употребляются две лексические единицы, вербализующие темпоральность: *tomorrow* и *day*. Их совместное использование также указывает на течение времени (если есть завтрашний день, то также существует и сегодняшний, и вчерашний), что также создаёт динамичную картину. Движущееся время в обоих примерах является отсылкой на свойство этого феномена изменять окружающую действительность, что позволяет выразить главную идею обеих поговорок – рано или поздно дела должны наладиться.

2. Поговорки о бережном отношении ко времени, опасности прокрастинации и необходимости быть пунктуальным, иначе можно упустить выгоду и представить себя в невыгодном свете.

Вторая по многочисленности группа (7 поговорок из 27) отобранных для исследования поговорок посвящена пунктуальности, которая особенно важна для английской культуры: «Punctuality is the soul of business», «Punctuality is the politeness of princes», «Delays are dangerous», «Time is money», «Procrastination is the thief of time» и др.

Как описано в словаре «Oxford guide to British and American culture English vocabulary»: «Большинство американцев и британцев согласятся, что быть пунктуальным – признак хорошего тона. <...>. Прибытие вовремя на такие официальные события, как бизнес-встречи или интервью, считается очень важным. <...> Даже в менее формальных ситуациях от людей, как правило, ожидают, что они будут думать о тех, с кем встречаются, и не заставят их ждать. <...> Многие люди не любят ощущать, что их время тратят впустую и заставляют ждать без веской причины» [10]. Как видно из отрывка выше, для западных представителей англоязычной лингвокультуры очень важно прибывать на встречу вовремя вне зависимости от того, будет это саммит, международная конференция или встреча с друзьями.

В первой поговорке делается акцент на необходимость бережного отношения ко времени для успеха в бизнесе. Во втором примере, чтобы подчеркнуть важность этой привычки,

пунктуальность описывается как признак королевской крови: «Пунктуальность – вежливость принцев». Третья фраза дословно переводится как «Задержки опасны». Здесь использовано существительное *delay*, одно из значений которого «когда кто-то или что-то должно подождать», которое также отсылает ко времени [11]. То же самое можно сказать и об остальных примерах. Все рассмотренные паремии служат напоминанием о том, что нельзя упускать время или относиться к нему небрежно, ведь человек мог бы получить пользу, занимаясь делом. Последняя пословица также связывает воровство времени с возможными психологическими проблемами личности, в очередной раз подчеркивая важность времени в историческом опыте народа. Постоянное откладывание различных дел, даже срочных и важных (прокрастинация), квалифицируется современной психологией как нездоровая склонность, которая может привести к проблемам в жизни и, соответственно, к болезненным психологическим эффектам.

3. Паремии, в которых лексические единицы со значением темпоральности позволяют более ярко и понятно проиллюстрировать иные жизненные реалии или ситуации.

К примеру, в пословице «The rich man has his ice in the summer and the poor man gets his in the winter» отражаются факты, замеченные людьми во время наблюдения за погодными особенностями времён года: когда приходит зима – появляется лёд, летом же его нет. Время представлено в виде двух статичных, противопоставленных друг другу отрезков: зимы и лета. С помощью этих фактов противопоставляются бедный и богатый человек, последний из которых, благодаря деньгам, способен получить даже то, что противоречит законам природы. Это служит своеобразным усилением.

Поговорка «The calm before the storm», в свою очередь, говорит о спокойствии перед большими трудностями, проблемами или спорами. Здесь используется предлог *before* во временном значении – затишье до того, как наступит буря, которая иносказательно означает особенно ответственный и сложный жизненный момент.

4. Паремии, сообщающие значимую информацию об окружающем мире в конкретный период времени и, иногда, также о способности данного периода влиять на будущие события.

Так, например, пословицы «February fill dyke, be it black or be it white» и «If in February there be no rain, 'tis nether good for hay nor grain» посвящены одному месяцу, февралю, и появились вследствие наблюдения человеком за природой, климатическими и погодными особенностями родных краёв.

В Англии февраль – это обычно месяц ливней и снега. Из-за этого, в случае первой пословицы, земля чёрная из-за грязи или белая из-за снега [13]. И в любом случае канавы будут полны воды либо из-за тающего снега, либо из-за дождя. Вторая пословица основана на тех же наблюдениях, но связана с земледелием и ведением хозяйства: недостаток дождя поздней зимой отрицательно сказывается на урожае [13].

С помощью этих пословиц люди передавали новым поколениям информацию о климатических особенностях конкретного месяца и также о том, что погодные условия могут повлиять на сбор урожая, и, соответственно, вероятный доход и шансы пережить следующую зиму. Отличие второй пословицы от первой заключается лишь в том, что в ней февраль представлен не статично, как независимая отдельная часть года, а как период времени, который имеет влияние на события в будущем. Но, как и в первой группе, человек не способен повлиять на то, как много осадков выпадет в месяц.

Среди всех проанализированных паремий, как мы уже отмечали, наиболее многочисленными оказались примеры 1 и 2 групп. Из этого мы можем сделать выводы о том, что носители английского языка считают особенно важным. С одной стороны, для них имеет большое значение понимание того факта, что время влияет на человека и мир вокруг него, изменяя их, и люди никак не могут повлиять на этот процесс. Однако изменения не всегда

плохи, ведь время способно лечить или просто менять действительность и вещи, преобразовывая их во что-то иное, поэтому человек может надеяться на благополучный исход событий. С другой стороны, для представителей английской лингвокультуры не менее важно правильно распоряжаться временем и относиться к нему со вниманием, не тратить впустую на бесполезные занятия. Иначе человек не будет успешен в жизни, не сможет выполнять свои обязанности надлежащим образом, и окружающим будет не за что его уважать.

Совершенно очевидно, что время - это сложный и многогранный феномен, из-за чего его природа всегда была спорной для естественных наук и философии. Все эти противоречивые и непростые представления о времени нашли весомое отражение в концептуальной и языковой (особенно, фразеологической) картинах мира, что подтвердило проведенное исследование. Будучи базовым концептом, концепт «время» широко и разнообразно представлен в пословицах и поговорках английского языка. В народных афоризмах отражаются как физические свойства времени и результаты многовековых наблюдений человека за ним, так и национальные черты, а также ментальность носителей языка. Кроме того, темпоральный концепт в паремиях передает жизненно важную информацию от предков к потомкам и помогает описать реалии окружающего мира более просто и понятно.

Литература

1. Вестфальская А.В. Оценка и коннотация: современные подходы [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2015. Том 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml> (дата обращения: 13.06.2018).
2. Дарбанова Н.А. Время в лингвистических исследованиях: предыстория и современность [Электронный ресурс] // Вестник БГУ. 2010. №10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremya-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah-predystoriya-i-sovremennost> (дата обращения: 13.11.2017).
3. Дубровин М.И. Английские и русские пословицы и поговорки в иллюстрациях/Худож. В. И. Тильман. – М.: Просвещение, 1993. – 349 с.
4. Лихачев Д.С. Концептосфера русского языка // Очерки по философии художественного творчества. – СПб.: Питер, 1999. – С.147-165.
5. Попова З.Д., Стернин И.А. Очерки по когнитивной лингвистике: 2-е издание, стереотипное. – Воронеж: Воронежский гос. ун-т, 2001. – 191 с.
6. Сорокин Ю.А. Этническая конфликтология. – Самара: Лицей, 2001. – 96 с.
7. Cambridge Academic Content Dictionary [Электронный ресурс]: сайт «Cambridge Dictionary». URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 28.11.2017).
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Электронный ресурс]: сайт «Cambridge Dictionary». URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (дата обращения: 28.11.2017).
9. Cambridge English vocab. [Электронный ресурс]: Slovar-Vocab.com. 2012. URL: <http://slovar-vocab.com/english/cambridge-vocab.html> (дата обращения: 27.11.2017).
10. Oxford guide to British and American culture English vocabulary. [Электронный ресурс]: Slovar-Vocab.com. 2005. URL: <http://slovar-vocab.com/english/british-american-culture-vocab.html> (дата обращения: 03.12.2017).
11. Oxford English vocab. [Электронный ресурс]: Slovar-Vocab.com. 2012. URL: <http://slovar-vocab.com/english/oxford-vocab.html> (дата обращения: 27.11.2017).

Уткина Л.Н., Ковалевич Д.С.,
Концепт «время» в англоязычных пословицах и
поговорках
Язык и текст langpsy.ru
2018. Том 5. № 2. С. 82-90.

Utkina L.N., Kovalevich D.S.,
Concept "time" in English proverbs and
sayings
Language and Text langpsy.ru
2018. Vol. 5. # 2, pp. 82-90.

12. *The Oxford Dictionary of Proverbs / edited by Jennifer Speake. – New York, NY: Oxford University Press Inc. Jennifer Speake, 2008. – 625 p.*
13. *The Oxford Dictionary of Proverbs [Электронный ресурс] / edited by Jennifer Speake. Oxford University Press Inc. 2015. URL: <https://books.google.ru/books?id=GtBxCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (дата обращения: 10.12.2017).*

Concept "time" in English proverbs and sayings

Utkina L.N.,

*PhD in Linguistics, Senior lecturer, Chair of Linguistics and Intercultural
Communication, Moscow State*

University of Psychology & Education, Moscow, Russia, loraut@mail.ru

Kovalevich D.S.,

3rd - year student of the faculty of the Foreign Languages, Moscow State

University of Psychology & Education, Moscow, Russia, BSakaKS@yandex.ru

The article examines lexical means verbalizing the concept "time" in English proverbs and sayings. The nature of time phenomenon and the role of the concept "time" in the language system are also briefly described. The groups of lexical units that verbalize temporality in the English language are analyzed, as well as the results of the analysis of proverbs and sayings containing these lexical items. As the result of the study, thematic groups which define common features of the concept "time" in phraseological world image of the speakers of English are presented.

Key Words: concept, proverb, saying, time, temporality, world image, verbalization.

References

1. Vestfal'skaya A.V. Ocenka i konnotaciya: sovremennye podhody [Elektronnyj resurs] // Yazyk i tekst langpsy.ru. 2015. Tom 2. №3. URL: <http://psyjournals.ru/langpsy/2015/n3/Vestfalskaya.shtml> (data obrashcheniya: 13.06.2018).
2. Darbanova N.A. Vremya v lingvisticheskikh issledovaniyah: predystoriya i sovremennost' [Elektronnyj resurs] // Vestnik BGU. 2010. №10. URL: <http://cyberleninka.ru/article/n/vremya-v-lingvisticheskikh-issledovaniyah-predystoriya-i-sovremennost> (data obrashcheniya: 13.11.2017).
3. Dubrovin M.I. Anglijskie i russkie posloviцы i pogovorki v illyustracijah/Hudozh. V. I. Til'man. Moscow: Prosveshchenie, 1993. – 349 p.
4. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo yazyka // Oчерki po filosofii hudozhestvennogo tvorchestva. Saint-Petersburg: Piter, 1999. – P.147-165.
5. Popova Z.D., Sternin I.A. Oчерki po kognitivnoj lingvistike: 2-e izdanie, stereotipnoe. Voronezh: Voronezhskij gos. un-t, 2001. – 191 p.
6. Sorokin Yu.A. Etnicheskaya konfliktologiya: Samara: Licej, 2001. – 96 p.
7. Cambridge Academic Content Dictionary [Elektronnyj resurs]: sajt «Cambrige Dictionary». URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (data obrashcheniya: 28.11.2017).
8. Cambridge Advanced Learner's Dictionary & Thesaurus [Elektronnyj resurs]: sajt «Cambrige Dictionary». URL: <https://dictionary.cambridge.org/dictionary/english/> (data obrashcheniya: 28.11.2017).

9. Cambridge English vocab. [Elektronnyj resurs]: Slovar-Vocab.com. 2012. URL: <http://slovar-vocab.com/english/cambridge-vocab.html> (data obrashcheniya: 27.11.2017).
10. Oxford guide to British and American culture English vocabulary. [Elektronnyj resurs]: Slovar-Vocab.com. 2005. URL: <http://slovar-vocab.com/english/british-american-culture-vocab.html> (data obrashcheniya: 03.12.2017).
11. Oxford English vocab. [Elektronnyj resurs]: Slovar-Vocab.com. 2012. URL: <http://slovar-vocab.com/english/oxford-vocab.html> (data obrashcheniya: 27.11.2017).
12. The Oxford Dictionary of Proverbs / edited by Jennifer Speake. New York, NY: Oxford University Press Inc. Jennifer Speake, 2008. 625 p.
13. The Oxford Dictionary of Proverbs [Elektronnyj resurs] / edited by Jennifer Speake. Oxford University Press Inc. 2015. URL: <https://books.google.ru/books?id=GtBxCgAAQBAJ&printsec=frontcover&hl=ru#v=onepage&q&f=false> (data obrashcheniya: 10.12.2017).

Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов»

Куркин Б.А.,

Доктор юридических наук, профессор кафедры Международного права Юридического института ТГТУ, эксперт Германской службы академического обмена (DAAD), Тамбов, Россия

Мурашкина О.В.,

Кандидат филологических наук, доцент кафедры языковой подготовки кадров ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

В статье анализируется образ народа и его место в развитии действия трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов». Авторы рассматривают данное произведение Пушкина в философско-богословском, а не традиционном позитивистском социологическом плане, характерном как для дореволюционного, так и советского литературоведения.

Авторы показывают, что история Смуты предстает в трагедии не как исключительно движение народных масс, как утверждалось прежде, а в качестве Провидения (Промысла Божьего). Под этим углом зрения в статье радикально переосмысливается тема народа и его образ в пушкинской трагедии.

Ключевые слова: народ, Промысел Божий (Провидение), история.

Для цитаты:

Куркин Б.А., Мурашкина О.В. Тема народа в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» [Электронный ресурс] // Язык и текст langpsy.ru. 2018. Том 5. №2. URL: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Kurkin_Murashkina.shtml (дата обращения: дд.мм.гггг)

For citation:

Kurkin B.A., Murashkina O.V. The theme of the people in Pushkin's tragedy "Boris Godunov" [Elektronnyi resurs]. Jazyk i tekst langpsy.ru [Language and Text langpsy.ru], 2018, vol. 5, no. 2. Available at: http://psyjournals.ru/langpsy/2018/n2/Kurkin_Murashkina.shtml (Accessed dd.mm.yyyy)

Для адекватного анализа образа народа, его места и роли в трагедии А.С. Пушкина «Борис Годунов» необходимо исходить из ценностей и воззрений, которыми руководствовался сам Пушкин при написании данного произведения, дабы исследовать труд не «от ветра головы своея», а в полном соответствии с замыслом автора.

Ключ к нему дает нам образ мира, в котором разворачивается пушкинская трагедия, а посему прежде всего следует выяснить, что представляет из себя мир «Бориса Годунова».

Оговоримся сразу: народ един. Царь и бояре у Пушкина – часть народа. Автор «Бориса Годунова» всегда оставался верен исторической правде, заключающейся в том, что на момент Смуты и до нее образ мыслей и чувствований людей на Руси был един, и мышление царя ничем не отличалось от мышления простого мужика. Оно определялось евангельским строем мысли,

православным мироощущением и мировоззрением. Пропасть в сознании и мировосприятии высших и низших слоев разверзлась в России позже – в XVIII веке.

Это обстоятельство следует учитывать, когда мы вчитываемся в пуш-кинскую трагедию – этот явленный в слове художественный образ Смуты. Отсюда вытекает, что деление персонажей на «народ», «бояр», «духовен-ство» и «царя» носит чисто ролевой, функциональный, а не сущностный и содержательный характер. Все они русские, все православные. И этим сказано все. Так испокон было на Руси, так обстоит дело и в трагедии Пушкина.

И еще одно важное соображение: Пушкин писал историческую трагедию, стараясь ни на йоту не отступить от исторической правды, какой она ему виделась в результате глубокого изучения Русской Смуты и «вживания» в ее дух. Только тогда мы поймем смысл, действительное место и значение народа в трагедии Пушкина – не только великого поэта, но и прозорливого историка.

Отдавая дань академической традиции, посмотрим, каким виделся мир «Бориса Годунова» отечественным литературоведам, писавшим о смысле и значении образа народа в пушкинской трагедии.

К истории вопроса

Комментаторы «Бориса Годунова», характеризовавшие образ народа, – как дореволюционные, так и все советские, – были единодушны в том, что народ является в трагедии Пушкина – главное действующее лицо, наделенным огромной нравственной силой и «локомотив истории», разворачивающейся в пьесе.

Часто обсуждение этой темы носило откровенно конъюнктурный, по-литический характер. Так, эссе Н.П. Павлова-Сильванского, наводит на мысль о том, что оно служило всего лишь удобным поводом безнаказанно огласить популярный в те времена лозунг прогрессивной интеллигенции «Долой самодержавие!»

«Где в народе Пушкинской трагедии, – патетически вопрошал в 1908 году Сильванский, – та патриархальная любовь к царям, та преданность самодержавию, которая считалась и считается многими характерною чертою русского народа, не только в древности, но и до настоящего времени? Ее нет и следа. < > Подчеркивая разобщенность царя Бориса с народом, Пушкин хотел показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей истории» [Павлов-Сильванский 1908: 308 – 309].

Та же мысль, только выраженная в более мягкой форме, прослеживалась и в работах Б.М. Энгельгардта. «В движении народа, — писал он, — центр тяжести исторического содержания пьесы, им объединяются отрывочные драматические элементы, на нем сосредоточено внимание всех действующих лиц, его боятся и на него надеются, его решений ждут и перед ними трепещут. Среди шума и мелькания обыденной жизни, среди мелких интриг и происков, “мир” (это русское слово гораздо лучше греческого “хор”) творит суд над несчастным цареубийцей, и что в нем все дело, это отлично понимают все герои произведения начиная с царя Бориса» [Энгельгардт 1916:52].

«В повествовательной форме, — продолжает Энгельгардт, — описывается ход исторического действия драмы и точно указывается его виновник: историю в “Борисе Годунове” делает не единичная личность, а весь народ» [Энгельгардт 1916:54].

В советском литературоведении это положение утвердилось окончательно и бесповоротно, став общим местом при обсуждении трагедии: «Народ – главный герой “Бориса Годунова”». При этом народу приписывалось некое вневременное (надвременное качество –

быть хранителем правды, нравственности и творцом исторического процесса. Покушение на этот догмат стало невыносимо.

В начале 30-х годов данную тему стал развивать в духе марксистской социологии Д.Д. Благой: «Народу в трагедии Пушкина в самом деле придано весьма важное, в конечном счете даже решающее, значение», – писал он [Благой 1931:60]. «Народ, – продолжал автор, – является союзником “мятежного” боярства на протяжении всей трагедии. При этом народу, его мнению и воле, как мы уже указывали, придается в трагедии исключительное верховное значение» [Благой 1931:68].

Сходную картину обрисовал в 1935 году в своем комментарии к «Борису Годунову» Г.О. Винокур: «Народ изображен в трагедии Пушкина как мощная политическая сила, но сила вполне страдательная. Еще меньше общего между народом и царем. Все попытки царя завоевать народные симпатии щедротами и благотворением оказываются тщетными. Естественно, что между властью и стихией мятежа не может быть даже негативных точек соприкосновения» [Винокур 1999:310].

Последнее звучало поистине феерично. «Негативные точки соприкосновения» должны присутствовать по определению, ибо мятежники и власть ведут борьбу друг с другом не на жизнь, а на смерть.

После войны свою лепту в народоведение от «Бориса Годунова» внес Г.А. Гуковский. «Пушкин хорошо знает, что именно “мнение народное” — сила истории» [Гуковский 1957:22].

Историю, продолжал автор, здесь открыто творит народ, хотя и именем Димитрия, но без его личного участия; государственный переворот происходит почти независимо от него. < > Таким образом, в идейном борении личности и народа, а затем царя и народа в “Борисе Годунове” — побеждает народ. < > Пушкин проводит через всю трагедию мысль о том, что народ — стихия “мятежа”. Народ — потенциальная сила революции. Он готов восстать всегда, по всякому поводу, — так сильно стремление народа свергнуть тиранию» [Гуковский 1957:25].

«Пушкин, — отмечал Гуковский, — показывает, что народу органически свойственна высокая моральная чистота, возвышенный взгляд на судьбу человека, на его нравственный облик. Этот взгляд, по условиям эпохи и по общему уровню ее представлений, приобретает религиозную окраску и символику, что вовсе не значит, будто сам Пушкин хотел пропагандировать в своей трагедии религиозные идеалы» [Гуковский 1957:30].

В 60-е годы тему народа в «Борисе Годунове» затронул С.М. Бонди: «Что главным героем пушкинской трагедии является не Борис Годунов с его преступлением и не Григорий Отрепьев с его удивительной судьбой, а народ, видно из всего содержания и построения трагедии. О народе, его мнении, его любви или ненависти, от которых зависит судьба государства, все время говорят действующие лица пьесы: Шуйский и Воротынский (в 1-й сцене — “Кремлевские палаты”), Борис в своем знаменитом монологе (в 7-1 сцене), Шуйский и боярин Афанасий Пушкин (в 9-й сцене — “Москва. Дом Шуйского”), Борис, Патриарх и Шуйский в Царской Думе (сцена 15), Пленник (в 18 сцене — “Севск”), Борис и Басманов (в 20-й сцене — “Москва. Царские палаты”) и, наконец, Гаврила Пушкин — человек, по замыслу Пушкина, вполне понимающий политическую и общественную ситуацию (21-я сцена. “Ставка”):

Но знаешь ли, чем сильны мы, Басманов?

Не войском, нет, не польскою помощью,

А мнением, да, мнением народным...» [Бонди 1960:567].

Позднее Л.М. Лотман в своем комментарии к «Борису Годунову», ссылаясь на словарь М. Фасмера, делает важное уточнение: мнение может быть и ложным. Из этого прямо вытекало, что заблуждаться может и народ [Лотман 1996:161].

В конце 60-х – начале 70-х годов прошлого века тему народа в «Борисе Годунове» затрагивали Б.П. Городецкий и Н.Ф. Филиппова. «Народ в “Борисе Годунове” Пушкина, – основная сила исторического процесса», – писал Городецкий [Городецкий 1969:11] В свое время он раскритиковал комментарий Винокура за его освещение темы народа, усмотрев в авторе приверженца и провозвестника некой «оранжевой революции», хотя такого понятия в то время еще и в заводе не было.

«Главные герои трагедии: бояре, Борис и народ, — вторила Городецкому Филиппова. < Преемником летописца в передаче потомкам правды станет народ — подлинный вершитель истории. Такой вывод напрашивается в трагедии на основе развития событий» [Филиппова 1972:114].

«Ведущую роль в развитии событий, — продолжала она, — стал играть народ — историческая концепция пушкинской драмы. В знаменитых словах Гаврилы Пушкина — ключ к пониманию силы, направляющей развитие событий. Все те, кто борется за власть — проявляется ли это в форме военного похода Самозванца или скрытой оппозиции бояр, — измеряют свои шансы на успех тем, пользуются они поддержкой народа или нет» [Филиппова 1972:55].

Довольно забавную интерпретацию темы и образа русского народа в «Борисе Годунове» и, как следствие, всей трагедии дал И.З. Серман.

Трагедия А.С. Пушкина, по Серману, – об иррациональности сознания русского человека с его вечной надеждой на чудо и отсутствия у него (и по сию пору!) способности трезво смотреть на себя и свое собственное положение. [Serman 1986; Сепман 2013:160].

В отличие от Сермана Е.А. Маймин не отступает от традиции и видит в изображаемом Пушкиным народе «все истоки исторического движения и народ одновременно ничто, от него, по сути, ничего не зависит в устройстве жизни. С точки зрения Пушкина, одним лишь “мнением народным” сильны властители, но он же показывает, что не сам народ, а другие за него распоряжаются и его мнением, и его силой. Это и есть самая глубокая и самая доподлинная трагедия истории [Маймин 1981: 88 – 89].

Сходную мысль выразил в это же время и Ю.М. Лотман. «Пушкин, – писал он, – одновременно показал глубокую противоречивость в позиции народа, сложно сочетающей силу и слабость. Судьбы всех политических сил определяются “мнением народным”. Однако политическое сознание народа не поднимается выше осуждения “царя-Ирода” и противопоставления ему “младенца убиенного”. На деле новый царь также оказывается убийцей. Народ в ужасе отшатывается от него. Круг замыкается» [Лотман 2003:106].

Эта «закольцованность» истории стала предметом нешуточного обсуждения.

Пушкин, писал Г. А. Лесскис, обнаружил «порочный круг русской истории, который и составлял единственную трагическую коллизию в истории Московии: самодержавие порождает Смуту, а Смута порождает самодержавие, и ничего другого быть не может» [Лесскис 1993:235].

В «Борисе Годунове», отмечает автор, Пушкин сделал для себя фундаментальное открытие, которое позднее (в 1830 г.) он изложит в публицистической форме в рецензии на книгу Н. Полевого о несходстве путей исторического развития России и Европы: «Смута оказалась национальным русским явлением, имеющим причины, но не несущим никаких новых исторических следствий, так что история оказывалась «замкнутой» и обречённой на повторяющиеся переходы Самодержавия в Смуту, а Смуты — в Самодержавие. Это открытие соответствовало реальному положению вещей: порочный круг действительно и составлял единственную трагедию всей русской истории не только московского, но и петербургского периода» [Лесскис 1993: 241, 242].

Ниже Лесскис выразился еще резче: «...обнаруживается порочный круг русской истории: революция европейского типа, заменяющая одни правовые нормы другими правовыми же, но более демократичными, в мире Годуновых и Шуйских, Пименов и Юродивых невозможна; здесь возможна лишь смута, замещающая Бориса Гришкой, а Гришку — другим царём, но характер власти при этом остаётся неизменным» [Лесскис 1993:238].

К аналогичному выводу пришёл и анализирувавший пушкинского «Бориса Годунова» филолог Ф. Раскольников: «Закономерность, которую обнаружил Пушкин не только в русской истории, но и в жизни вообще, можно обозначить как «закон волны, или цикличности». Этому «закону», выражающемуся в смене дня и ночи, времён года, поколений и проч., подчиняется и ритм истории, и в нём осуществляется Судьба. Не христианское Провидение, как, вслед за Карамзиным, утверждают Энгельгардт и Непомнящий, а Судьба, Рок». [Раскольников 2002:67–68].

В итоге, как подчёркивает М. Альтшуллер, «получается дурная бесконечность: воцарение при одобрении народа — восстание — гибель царя — новое воцарение — одобрение народа — гибель... Из этой бесконечности нет и не может быть выхода» [Альтшуллер 1995–1996:295].

Непонятно, однако, как в таком случае Русь смогла выжить и восстать из пепла, оставаясь и по сию пору «живее всех живых».

Но вернемся к Лотману и его видению народа в трагедии Пушкина. «Поэт, — развивает свою мысль Лотман, — смело вводит в действие восставший народ и дает ему голос — Мужика на амвоне. Народное восстание победило. Но Пушкин не заканчивает этим своей трагедии. < > Покинутый народом, Борис, вопреки всем благим намерениям, неизбежно делается тираном». [Лотман 2003:198].

Оказывается, народ покинул царя. Любопытные прочтение «Годунова»!

Об ужасных последствиях расплаты за прегрешения напомнил А.С. Позов: «По библейской традиции < > грехи отцов переходят на неповинных детей, и дети призваны своей невинной кровью искупить грехи отцов...» [Позов 1998:115].

В задачу авторов настоящей статьи не входит комментарий к комментариям, а посему отметим лишь, что мир «Бориса Годунова», описанный или подразумеваемый отечественными литературоведами, является миром сугубо посюсторонним, земным, в котором происходит борьба вполне материальных интересов – мир «классовой борьбы», борьбы за блага «мира сего», борьбы за власть, мир мятежей и переворотов. По мысли Б.М. Энгельгардта, «Пушкин старается объяснить несчастье Борисова царствования, не апеллируя к небу» [Энгельгардт 1916:56].

Этому есть свое объяснение: дореволюционные авторы жили и работали в эпоху господства позитивизма, советские – в эпоху торжества диалектического и исторического материализма. Посему в силу своих убеждений или в силу внешних обстоятельств они строили концепцию мира «Бориса Годунова», не отличимую по сути от той, которой придерживался известный герой М. Булгакова: «Сам человек и правит!»

Мир «Бориса Годунова»

Комментируя «Бориса Годунова», отечественные литературоведы упорно не видели или не хотели видеть очевидного: присутствия в обрисованном Пушкиным мире Бога. А это требует совершенно иной системы категорий, с помощью которых следует прочитывать «Бориса Годунова».

Лишь в недавнее время усилиями В.С. Непомнящего, [Непомнящий 2001], М.М. Дунаева, [Дунаев 2003], В.В. Василика [Василик:2018] и ряда других авторов была затронута, хотя и вскользь, религиозная тема в «Борисе Годунове».

Скажем так: в «Борисе Годунове» Пушкин явил себя в качестве православного художника, то есть человека, в основе внутреннего мира которого, включая художественный, мировоззренческий, идейный и проч., лежит матрица православных (евангельских) ценностей.

Доказательством православного взгляда Пушкина на русскую Смуту служат изображаемые им в трагедии чудеса. При этом, все они почерпнуты из исторических источников – житий святых, летописей и проч.

Пушкин настолько точно и верно следовал букве и духу русских документов, что это дало ряду критиков повод упрекать его в «иллюстративности», а саму трагедию рассматривать как род бытописательства.

Уже в самом начале «Бориса Годунова» Пимен наставляет Григория:

«Описывай, не мудрствуя лукаво,

Все то, чему свидетель в жизни будешь:

Войну и мир, управу государей,

Угодников святые чудеса,

Пророчества и знаменья небесны...» (выделено нами. – Авт.).

Чудо – неотъемлемая часть мира «Бориса Годунова», равно как и мира русской жизни XVII века. Но что есть чудо, и выражением чего оно является?

На этот вопрос дан исчерпывающий ответ в святоотеческой литературе. «Бог идеже хочет, побеждается естества чин: творит бо, елика хочет» («когда пожелает Бог, то нарушается порядок природы, ибо Он творит, что хочет», – поется в Великом каноне прп. Андрея Критского [Канон Андрея Критского 2012: 21].

«Чудеса суть действие Божие», – наставляет Иоанн Дамаскин [Иоаннъ Дамаскинъ прп. 1913: 272]. По этим определениям необычные дела, совершаемые диаволом или людьми, им обладаемыми не есть чудеса.

«Что такое чудеса? – поучает свт. Филарет Московский, современник которого был Пушкин. – Дела, которые не могут быть сделаны ни силою, ни искусством человеческим, но токмо всемогущею силою Божиею. Например, воскресить мертвого» [Филарет Московский свт. 1866:15].

Таковых чудес изображено в «Борисе Годунове» несколько. Это – видение «мужа светла» блаженному царю Феодору Иоанновичу и светлая кончина государя, вещий сон Гришки Отрепьева и прозревшего старца, поведенный царю и боярам Патриархом, «трепетанье» мертвого Димитрия, рассказ Шуйского о нетленном лице убиенного царевича. Следовательно, анализируя тему народа в трагедии Пушкина, исследователь ни на секунду не должен забывать об этом.

Таким образом, чудеса, описанные Пушкиным в «Борисе Годунове», – это прямое указание на сосуществование и взаимодействие двух миров: духовного («тонкого») и земного, горнего и дольнего.

Народ

Для выяснения вопроса об образе народа в трагедии необходимо проанализировать отзывы о нем других персонажей, их правомерность и обоснованность. Пушкин предоставляет нам возможность соотнести оценки народа, дававшиеся его героями, с действиями самого народа.

В свое время А.А. Аникст высказал верную мысль о том, что «в “Борисе Годунове” нет никого, кто выступал бы глашатаем идей Пушкина. Каждый персонаж — живое лицо со своим

характером и образом мыслей. Но это не означает, что автор полностью скрывает свои мысли. Они выражены не в той или иной тираде, а в логике событий и во всей системе образов» [Аникст 1972:50-51].

Оптика Пушкина такова, что предмет рассматривается одновременно с нескольких позиций, в ходе чего происходит наложение одного видения ситуации на другое. Этим достигается объективность взгляда на происходящее. Пушкин никогда не «болеет» за какую-то одну из противоборствующих сторон; он всегда над схваткой и стремится показать правду и неправду обеих сторон.

Поэтому приступая к анализу, вспомним для начала, что говорили о народе прочие герои пушкинской трагедии.

Борис Годунов:

«Живая власть для черни ненавистна,

Они любить умеют только мертвых.

< >

Бог насылал на землю нашу глад,

Народ завыл, в мученьях погибая;

Я отворил им житницы, я злато

Рассыпал им, я им сыскал работы —

Они ж меня, беснуясь (выделено нами – Авт.), про-клинали!

Пожарный огонь их дома истребил,

Я выстроил им новые жилища.

Они ж меня пожаром упрекали!

Вот черни суд: ищи ж ее любви.

< >

Кто ни умрет, я всех убийца тайный:

Я ускорил Феодора кончину,

Я отравил свою сестру царицу,

Монахиню смиренную... всё я!»

Шуйский:

«...бессмысленная чернь

Изменчива, мятежна, суеверна,

Легко пустой надежде предана,

Мгновенному внушению послушна,

Для истины глуха и равнодушна,

А баснями питается она.

Ей нравится бесстыдная отвага.

Так если сей неведомый бродяга

Литовскую границу перейдет,

К нему толпу безумцев привлечет

Димитрия воскреснувшее имя.

< >

Народ и так колеблется безумно,

Я сам явлюсь на площади народной,

Уговорю, усовещу безумство (выделено нами – Авт.)...»

Войско Годунова о Самозванце: «И вор, а молодец».

Басманов: «Всегда народ к смятенью тайно склонен».

Как видим, наиболее полно охарактеризован народ как таковой «лукавым» Шуйским, отмечавшим свойство людей впадать в коллективное безумие, их необычайную внушаемость, суеверность, равнодушие к истине, склонность к самообольщению и т.д.

Особняком в ряду свойств народного характера стоит «тайная склонность к мятежу».

Теперь посмотрим, насколько справедливы эти отзывы. При ближайшем сопоставлении этих суровых оценок с действиями и умонастроениями народа, о которых повествуется в трагедии, оказывается, что характеристики, даваемые циничным Шуйским, совершенно верны.

В справедливости этих оценок не сомневается и Годунов, столкнувшийся с необъяснимой злобой («беснованием») народа, обвинявшего царя во всех мыслимых и немыслимых грехах и преступлениях.

Нас в данном случае должна заинтересовать нелепость и чудовищность ряда обвинений, брошенных народом Борису – например, отравление своей сестры-царицы и содействие ускорению кончины блаженного царя Феодора.

Но если эти обвинения исходят не от здравого ума, то, следовательно, они идут не от людей, а внушаются некими злобными и незримыми силами.

Но когда человек и народ становятся особенно податливы к прелести, насылаемым врагом рода человеческого? Тогда, когда в человеке и народе оскудевает вера и нарушаются Христовы заповеди. И тогда по поущению Господнему сатана начинает играть человеком. Устами Варлаама Пушкин прямо говорит об этом в сцене «Корчма на литовской границе»: «Плохо, сыне, плохо! ныне христиане стали скупы; деньгу любят, деньгу прячут. Мало Богу дают. Прииде грех велий на языцы земнии. Все пустилися в торги, в мытарства; думают о мирском богатстве, не о спасении души. < > Ох плохо, знать пришли наши последние времена...»

Напомним, что «последние времена» – времена антихристовы.

Народ – понятие ведомое и равно как и отдельный человек может пребывать в различных состояниях. Таким он и предстает у Пушкина.

Народ индифферентен, пассивен в сценах «Красная площадь» и «Девичьем поле»). Нехотя, словно отбывая наказание, буквально из-под палки молятся русские люди о даровании России ... Годунова. Не о даровании богоугодного царя, а «персонально» Бориса.

Народ впадает в безумие и беснуется (монолог Бориса), он впадает в прелесть, обманываясь мечтой о царевиче и, как итог, становится ... царе-убийцей. «Вязать Борисова щенка!» – кричит с амвона «агитатор», и народ, согласно пушкинской ремарке, несется толпой: «Вязать! Топить! Да здравствует Димитрий! Да гибнет род Бориса Годунова!»

Впрочем, это уже не народ. Это – толпа, качественно иное состояние людей. Осознание содеянного все же приходит, хотя с опозданием. Но что сделано, то сделано. Теперь народ

такой же цареубийца, пусть и символический, как проклятый им Борис Годунов, как и реальные убийцы – бояре.

Для отечественного литературоведения – от Белинского до академика М.П. Алексева, глухо намекнувшего, со ссылкой на того же Белинского, на «существование проблемы», тема народа-цареубийцы была, по ряду привходящих и относящихся совсем не к науке причин, замалчиваемой [Алексеев 1972: 209 – 215].

Но главные виновники преступления – бояре, ставшие в одночасье клятвopеступниками и цареубийцами. И при этом все они (ярчайший пример – Басманов) находят свои резоны для измены. Нет лукавства лишь в Пимене, Патриархе и Юродивом.

Поддавшись искушению и впад в состояние прелести, народ становится последовательно жертвой бесов.

Народ и Царь

Разгул бесовщины порождает в сознании русских людей «когнитивный диссонанс». Вспомним, как начинается сцена «Равнина близ Новгорода-Северского». «Воины (бегут в беспорядке) Беда, беда! Царевич! Ляхи! Вот они! вот они!»

Беда. Царевич. Ляхи.

Один событийный и смысловой ряд. Ключевое слово: «Беда!»

Все просто и неразрешимо одновременно: с одной стороны, присяга Годунову – законному царю, но цареубийце, с другой – «законнейший» Русский царевич, но идущий на Русь с иноземцами – извечными супостатами – злокозненными ляхами. Уже одно это вносит в сознание «когнитивный диссонанс». Русь и законный царь-святоубийца по одну сторону, «законнейший царь» в союзе с врагами Руси – по другую. И выбор между ними православный воин должен делать здесь и сейчас: не на завалинке, а сражаясь.

Страшно идти против Русского царевича – «грех велий», но он ведет с собой на Русь полки еретиков – «воинов антихристовых».

Страшно защищать царя-«святоубийца» – «велий грех», но долг требует защищать Русь от иноземцев. И не просто от иноземцев, а от еретиков, «антихристов»! Защищать веру православную. А защитником Руси и веры православной является царь-святоубийца!

Есть, от чего прийти в смятение. И какое бы решение принято ни было, оно ведет к катастрофе.

«Сбились мы. Что делать нам!

В поле бес нас водит, видно,

Да кружит по сторонам».

В сущности, пушкинский «когнитивный диссонанс» в сознании народа возникает из-за отказа в легитимности Самодержавию, как результата ухода от веры. Так человек, равно как и в целом народ, в котором ослабла вера и решимость жить по заповедям Христовым, становится идеальным объектом манипуляций. В этой сцене Пушкин ясно и четко показывает, что «точкой сборки» народного сознания как говорят нынешние социологи и политологи) становится фигура православного царя, сомнение в благости и подлинности которого и рождает духовный и, как неизбежное следствие, социальный катаклизм. Словно из табакерки, выпрыгивает Самозванец – орудие сил преисподней и начинается долгая и разрушительная для всего народного бытия Смута.

Трагедия Пушкина – явленный в слове образ русской Смуты, в которой нет правых, но лишь виноватые, а посему бессмысленно выискивать в «Борисе Годунове» «движущие силы истории» и «вневременных носителей добродетели», учиняющих «общественные прогрессы».

Вчитываясь и вживаясь в Михайловском в документы XVIIвека – жития святых, летописи, часто и накоротке общаясь со священнослужителями, Пушкин не мог не иметь хотя бы самого общего представления об учении о царской власти.

Как показывает автор «Бориса Годунова», основой ее является признание Божьей власти через царя – государя «милостию Божией». Собственно, в самом термине «самодержавие» заложено признание власти Самого, т.е. Господа, над государством. Оттого-то провоцирование сомнений в истинности самодержца и влечет за собой кровавую смуту. Недаром же сказано: «Не прикасайтесь помазанным моим» (Пс. 104:15).

Иначе говоря, общественная катастрофа, непременно раздражающаяся в результате подрыва царской власти, показывает и доказывает, что православный самодержец есть ключевая фигура в «системе взаимодействия» горнего и дольного миров.

И не просто православный самодержец, а православный самодержец по особому Промыслу Божию. Мировой истории и истории России, в частности, известны многие самодержцы, не являвшиеся такими ключевыми фигурами, а по смыслу Священного Писания бывшие скорее врагами Божиими.

Это о них сказано: «... и поведут вас к правителям и царям за Меня, для свидетельства перед ними и язычниками». [Мф. 10:18]. То же относится и к царям из Апокалипсиса, что «примут власть со зверем, как цари, на один час». [Откр. 17: 12].

Пушкин изображает мир русской истории и Смуты, равно как и всей человеческой истории, в виде взаимодействия зримого и незримого, горнего и дольного миров, в основе которого лежит Провидение, сиречь, Божий Промысл.

Когда отвергается небесный порядок, страна погружается в Смуту. Мы не знаем, что именно происходит в мире горнем, тонком, зато видим результаты человеческого своеволия на земле. Это и показывает Пушкин в «Борисе Годунове».

Пушкин детально проанализировал для нас все внутренние мотивы, приведшие народ к мятежу и братоубийственной войне, и показал, что в критические моменты истории народ по сути оказывается перед одним и тем же выбором: жить по заповедям или прельститься мятежным словом.

Литература

1. Алексеев М.П. Реплика Пушкина «Народ безмолвствует» // Алексеев М. П. Пушкин: Сравнительно-исторические исследования / АН СССР; Ин-т рус. лит. (Пушкинский Дом). – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1972.
2. Альтшуллер М. Г. Пушкин, Булгарин, Николай I и сэр Вальтер Скотт. // Новые безделки: Сборник к 60-летию В. Э. Вацура. — М.: Новое литературное обозрение, 1995–1996.
3. Аникст А. Теория драмы в России от Пушкина до Чехова. М.: Наука, 1972.
4. Благой Д. Социология творчества Пушкина. Этюды. Второе дополненное издание. М.: Кооперативное издательство «Мир», 1931.

5. Бонди С.М. *Драматические произведения // Пушкин А.С. Собр. соч. в 10 томах. М.: ГИХЛ, 1960. Т. 4.*
6. Василик В.В. *Солнце русской поэзии и грозы истории: К 180-летию со дня гибели А.С. Пушкина. М.: Издательство Сретенского монастыря, 2018.*
7. Винокур Г.О. *Комментарий к «Борису Годунову» А.С. Пушкина. Труды. М.: Лабиринт. «Брандес», 1999.*
8. Гуковский Г.А. *Пушкин и проблемы реалистического стиля. – М.: Гослитиздат, 1957.*
9. Городецкий Б.П. *Трагедия А. С. Пушкина «Борис Годунов». Комментарий. Л.: Просвещение. Ленинградское отд., 1969.*
10. Дунаев М.М. *Вера в горниле сомнений. Православие и русская литература в XVII –XX вв. М.: Издательский совет Русской православной церкви, 2003.*
11. *Юаннъ Дамаскинъ прп. Точное изложение Православныхъ вѣры. Полное собрание творений Св. Юанна Дамаскина. Томъ I. С.-Петербургъ. Издание Императорской С.-Петербургской Духовной Академіи, 1913.*
12. *Канон Андрея Критского в понедельник первой недели Великого Поста. Песнь четвертая. // Великий канон преподобного Андрея Критского с переводом на русский язык. М.: Ковчег, 2012.*
13. Лескис Г. А. *Пушкинский путь в русской литературе. — М.: Художественная литература, 1993*
14. Лотман Л.М. *Историко-литературный комментарий // Пушкин А. С. Борис Годунов. – СПб.: Гуманитарное агентство «Академический Проект», 1996.*
15. Лотман Ю.М. *Пушкин: Очерк творчества // Лотман Ю. М. Пушкин: Биография писателя. Статьи и заметки, 1960—1990. Санкт-Петербург: «Искусство – СПб», 2003.*
16. Маймин Е.А. *Пушкин. Жизнь и творчество. М.: Наука, 1981.*
17. Непомнящий В.С. *Пушкин. Избранные работы 1960-х - 1990-х гг. Т. I. Поэзия и судьба. М.: Жизнь и мысль, 2001.*
18. Павлов-Сильванский Н.П. *Народъ и Царь въ трагедіи Пушкина. // Библиотека великих писателей подъ редакціей С.А. Венгерова. «Пушкинъ» Т. II Издание Брокгаузъ-Ефронъ: С.-Петербургъ, 1908.*
19. Позов А.С. *Метафизика Пушкина, 2-е издание. М.: Наследие, 1998.*
20. Раскольников Ф. А. *Статьи о русской литературе. — М.: Вагриус, 2002.*
21. Серман И. *Свободные размышления. Воспоминания. Статьи. М.: Новое литературное обозрение, 2013.*
22. Филарет, свт. Московский. *Пространный христіанский катехизисъ Пра-вославныхъ Кафолическія Восточныхъ Церк-ви. Издание шестьдесят шестое. Москва, въ Синодальной Типографіи 1866.*
23. Филиппова Н.Ф. *Народная драма А. С. Пушкина «Борис Годунов». М.: Книга, 1972.*
24. Энгельгардт Б.М. *Историзм Пушкина: К вопросу о характере пушкинского объективизма // Пушкинистъ: Историко-литературный сборникъ. / Подъ редакціей профессора С.А. Венгерова. II Пг., 1916.*
25. Serman I.Z. *Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's «Boris Godunov» // Slavic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 1.*

The theme of the people in Pushkin's tragedy "Boris Godunov"

Kurkin B.A.,

Doctor of jurisprudence, professor

*Associate Professor Department of Constitutional and Administrative law
Tambov State Technical University*

Murashkina O.V.,

PhD (Philology), Assistant Professor at the department of foreign languages for civil servants at the Institute of Civil Service and Public Administration, RANEPА, Moscow, Russia

The article is dedicated to analysis of the people's image and its place in the storyline of the tragedy. The authors examine the work by Pushkin with respect to its philosophical and theological aspects and not to positivist sociological ones traditional for both pre-revolution and Soviet literature studies. The authors point out that the (Revolt) history appears in the tragedy not as an exclusive movement of people's masses as it had been argued before but acting as a disposition of Providence (Divine Providence). From this perspective the article is radically reinterpreting the role and image of the people in the tragedy by Pushkin.

Key Words: people, Providence, history.

References

1. Alekseev M.P. Remarka Pushkina «Narod bezmolvstvuet» // Alekseev M. P. Pushkin: Sravnitel'no-istoricheskie issledovaniya / AN SSSR; In-t rus. lit. (Pushkinskij Dom). – L.: Nauka. Leningr. otd-nie, 1972.
2. Al'tshuller M. G. Pushkin, Bulgarin, Nikolaj I i sehr Val'ter Skott. // Novye bezdelki: Sbornik k 60-letiyu V. E.H. Vacuro. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 1995–1996.
3. Anikst A. Teoriya dramy v Rossii ot Pushkina do CHEkhova. M.: Nauka, 1972.
4. Blagoj D. Sociologiya tvorchestva Pushkina. EHyudy. Vtoroe dopolnennoe izdanie. M.: Kooperativnoe izdatel'stvo «Mir», 1931.
5. Bondi S.M. Dramaticheskie proizvedeniya // Pushkin A.S. Sobr. soch. v 10 tomah. M.: GIHL, 1960. T. 4.
6. Vasilik V.V. Solnce russkoj poehzii i grozy istorii: K 180-letiyu so dnya gibeli A.S. Pushkina. M.: Izdatel'stvo Sretenskogo monastyrya, 2018.
7. Vinokur G.O. Kommentarij k «Borisu Godunovu» A.S. Pushkina. Trudy. M.: Labirint. «Brandes», 1999.
8. Gukovskij G.A. Pushkin i problemy realisticheskogo stilya. – M.: Goslitizdat, 1957.
9. Gorodeckij B.P. Tragediya A. S. Pushkina «Boris Godunov». Kommentarij. L.: Prosveshchenie. Leningradskoe otd., 1969.

10. Dunaev M.M. Vera v gornile somnenij. Pravoslavie i russkaya literatura v XVII –XX vv. M.: Izdatel'skij sovet Russkoj pravoslavnoj cerkvi, 2003.
11. Ioann" Damaskin" prp. Tochnoe izlozhenie Pravoslavnyya vѣry. Polnoe sobranie tvorenij Sv. Ioanna Damaskina. Tom" I. S.-Peterburg". Izdanie Imperatorskoj S.-Peterburgskoj Duhovnoj Akademii, 1913.
12. Kanon Andreya Kritskogo v ponedel'nik pervoj nedeli Velikogo Posta. Pesn' chetvertaya. // Velikij kanon prepodobnogo Andreya Kritskogo s perevodom na russkij yazyk. M.: Kovcheg, 2012.
13. Lesskis G. A. Pushkinskij put' v russkoj literature. — M.: Hudozhestvennaya literatura, 1993
14. Lotman L.M. Istoriko-literaturnyj kommentarij // Pushkin A. S. Boris Godunov. – SPb.: Gumanitarnoe agentstvo «Akademicheskij Proekt», 1996.
15. Lotman YU.M. Pushkin: Oчерk tvorchestva // Lotman YU. M. Pushkin: Biografiya pisatelya. Stat'i i zametki, 1960—1990. Sankt-Peterburg: «Iskusstvo – SPB», 2003.
16. Majmin E.A. Pushkin. ZHizn' i tvorchestvo. M.: Nauka, 1981.
17. Nepomnyashchij V.S. Pushkin. Izbrannye raboty 1960-h – 1990-h gg. T. I. Poehziya i sud'ba. M.: ZHizn' i mysl', 2001.
18. Pavlov-Sil'vanskij N.P. Narod" i Car' v" tragedii Pushkina. // Biblioteka velikih pisatelej pod" redakciej S.A. Vengerova. «Pushkin"» T. II Izdanie Brokgauz"-Efron": S.-Peterburg", 1908.
19. Pozov A.S. Metafizika Pushkina, 2-e izdanie. M.: Nasledie, 1998.
20. Raskol'nikov F. A. Stat'i o russkoj literature. — M.: Vagrius, 2002.
21. Serman I. Svobodnye razmyshleniya. Vospominaniya. Stat'i. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013.
22. Filaret, svt. Moskovskij. Prostrannyj hristianskij katekhizis" Pra-voslavnyya Kafolicheskiya Vostochnyya Cerk–vi. Izdanie shest'desyat shestoe. Moskva, v" Sinodal'noj Tipografii 1866.
23. Filippova N.F. Narodnaya drama A. S. Pushkina «Boris Godunov». M.: Kniga, 1972.
24. EHngel'gardt B.M. Istorizm Pushkina: K voprosu o haraktere pushkinskogo ob"ektivizma // Pushkinist": Istoriko-literaturnyj sbornik". / Pod" redakciej professora S.A. Vengerova. II Pg., 1916.
25. Serman I.Z. Paradoxes of the Popular Mind in Pushkin's «Boris Godunov» // Slavic and East European Review. 1986. Vol. 64. № 1.